

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

На правах рукописи

ОХРЕМЕНКО АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА

**«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАВРИДЕ В 1820 ГОДЕ» И. М. МУРАВЬЕВА-
АПОСТОЛА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ДВИЖЕНИЯ 1820-Х ГОДОВ**

10.01.01 – русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

доцент

ОРЕХОВ В. В.

Симферополь

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3	
РАЗДЕЛ 1. «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАВРИДЕ В 1820 ГОДЕ»:		
ИСТОРИЯ И ЖАНР.....	13	
Выводы к разделу.....	43	
РАЗДЕЛ 2. АНТИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И «ПУТЕВОЙ» ПРОГРАММЕ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА		47
2. 1. Переводческая практика И. М. Муравьева-Апостола и «Беседа любителей русского слова».....	48	
2. 2. Античная Ольвия в «историописании» И. М. Муравьева-Апостола.....	70	
Выводы к разделу.....	98	
РАЗДЕЛ 3. «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАВРИДЕ В 1820 ГОДЕ» И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ТАКТИКА.....		102
3. 1. «Крымский текст» и «античный контекст» в повествовательной структуре «Путешествия по Тавриде».....	107	
3. 2. И. М. Муравьев-Апостол и А. С. Пушкин: трансформация бахчисарайского мифа.....	135	
Выводы к разделу.....	152	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156	
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	165	

ВВЕДЕНИЕ

В истории России Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1767–1851) более известен как отец декабристов: С. И. Муравьев-Апостол («один из лучших людей своего, да и всякого, времени», по мнению Л. Н. Толстого) был казнен 25 июля 1826 года; И. И. Муравьев-Апостол, не желая сдаваться в плен, покончил жизнь самоубийством; М. И. Муравьев-Апостол был приговорен к каторжным работам на 20 лет; этот срок был сокращен до 15 лет и пожизненного поселения в Сибири; после амнистии 1856 года был восстановлен в правах и переехал в Тверь, после – в Москву, где часто встречался с Л. Н. Толстым; его воспоминания легли в основу неоконченного романа «Декабристы», а также статьи «Стыдно». Статья Л. Н. Толстого с сокращениями напечатана в «Биржевых ведомостях» 28 декабря 1895 г. с подчеркнутым указанием даты написания «14 декабря 1895»; полностью опубликована в Лондоне в «Листках Свободного слова» (1899, № 4). Статья была против телесных наказаний, и в ней Толстой противопоставлял современное «высшее русское общество» «семеновским офицерам» 1820-х годов, («цвету тогдашней молодежи»), которые в своих полках отказались от телесного наказания солдат. Один из вариантов толстовской рукописи статьи имел заголовок: «Декабристы и мы» и начинался словами «Декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол» [262, т. 17, с. 469–514].

Но Иван Матвеевич Муравьев-Апостол до конца дней не мог предполагать новых исторических оценок декабристскому движению. Не дожил он и до выхода в Лондоне «Полярной звезды» Герцена и Огарева (1855), где на обложке были помещены профили казненных декабристов, среди которых – его сын, С. И. Муравьев-Апостол, и где впервые были напечатаны многие «декабристские» материалы [295]. Для него сыновья были и оставались благородными героями. Свою отеческую тоску он выразил в «Элегии Сенатора Муравьева-Апостола, сочиненной на

Эллинском языке, по случаю заговора, открывшегося 14 декабря 1825 года», которая стала известна читателю лишь в конце 1880-х годов. Именно в этой элегии появился образ «трех лавровых деревьев» – его сыновей, которые теперь «потеряли красу свою и повержены на той земле, которую должны были любить и защищать» [182, с. 288]. В 1869 году Ф. Н. Глинка выполнил поэтический перевод элегии (впервые опубликован в «Русском архиве» в 1886 году):

«И те, кем могла бы родная обитель
Гордиться... повержены, мертвы, во прах,
А грустный тех лавров молодых насадитель
Рыдает, полмертвый, у них на корнях!...» [182, с. 288].

Сегодня в парке родового имени Муравьевых-Апостолов – усадьбы Хомулец (Полтавская область) – растут три дуба (явно выращенные искусным садовником, т. к. три ствола растут из одного корня) – память о трех декабристах.

Приведенные сведения существенно характеризуют исторический портрет И. М. Муравьева-Апостола. Однако И. М. Муравьев-Апостол – не только отец братьев-декабристов, но талантливый писатель и переводчик, творчество которого имеет большое значение в развитии литературного процесса первой трети XIX века. Так, первые литературные опыты Муравьева-Апостола относятся к 1790-м годам: в 1793 году перевод сатирической комедии Р. Б. Шеридана «Школа злословия» был высоко оценен Екатериной II [117, с. 195]; уже в 1794 г. появился еще один перевод – «переделка» на русские нравы комедии О. Голдсмита «Ошибки, или Утро вечера мудренее»; в 1821 г. был опубликован перевод комедии Аристофана «Облака».

После отставки (1806) И. М. Муравьев-Апостол в 1809 г. выступает в «Вестнике Европы» с первым (и оказавшимся единственным) поэтическим переводом – «Перевод Горациевой оды» («К Гросфу на спокойствие»); на заседаниях общества «Беседа любителей русского слова» Муравьев-Апостол

уже выступал с прозаическими переводами из Горация. В 1813 году И. М. Муравьев-Апостол начинает публикацию «Писем из Москвы в Нижний Новгород» – «самого крупного явления патриотической публицистики в “Сыне Отечества”» [8, с. 331], «ярчайшего образца русской художественной публицистики, вызванной к жизни Отечественной войной 1812 года» [117, с. 5]. В 2002 г. В. А. Кошелевым этот публицистический цикл был переиздан, а также дополнен комментарием и приложением «О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола» [117]. Сегодня это приложение – самый полный вариант описания жизненного и творческого пути автора.

«Путешествие по Тавриде в 1820 году», опубликованное в С.-Петербурге 1823 г., – самое масштабное и, возможно, наиболее значимое произведение И. М. Муравьева-Апостола, которое еще ни разу не становилось объектом специального литературоведческого исследования. Вместе с тем «Путешествие по Тавриде» часто рассматривалось и рассматривается как ценный источник по восстановлению крымского маршрута А. С. Пушкина [30; 91; 185; 257], а также как важное свидетельство о реалиях крымской жизни 1820-х годов.

«Путешествие по Тавриде в 1820 году» остается одним из наиболее спорных в жанровом определении сочинений. В этой связи приведем одно из первых опубликованных высказываний о «Путешествии по Тавриде». В 1824 г. в альманахе «Полярная звезда» А. А. Бестужев выступил со статьей «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». Сделав обзор переводных романов, «порядочных» и «сомнительных», А. А. Бестужев с удовлетворением отмечает публикацию «оригинальных книг», вышедших «в свет истекшего года» – «Новейшие известия о Кавказе» С. Броневского и «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола: «Обе сии книги во всех отношениях заслуживают внимание европейцев и особенную благодарность русских. Точность исторических изысканий, новость сведений географических и чистота слога венчают их похвалою археологов и литераторов и вообще делают их необходимыми книгами для ученого и

светского человека» [32, с. 395–396]. Подчеркнув одновременно научную и художественную ценность обеих книг, А. А. Бестужев, вместе с тем, отделяет их от собственно научных публикаций, поскольку ниже особо останавливается на книге «почтенного археолога», «посвятившего себя старине русской», К. Ф. Калайдовича – «Археологические изыскания в Рязанской губернии» [32, с. 396], хотя книги вышли практически одновременно (цензурное разрешение у Калайдовича датировано 8 февраля 1823 г., у Муравьева-Апостола – 18 апреля 1823 г.) и хотя книга Калайдовича, как и у Муравьева-Апостола, была «организована» в «эпистолярную» форму повествования [93]. Выходит, что Бестужев, не поставивший в своем обзоре эти сочинения рядом, уже тогда почувствовал разницу в их жанровой принадлежности; книга К. Ф. Калайдовича как собственно «научная» была издана «попечением» гр. Н. П. Румянцева, о просветительской роли которого написал в своем «Путешествии» Муравьев-Апостол.

Думается, можно утверждать, что удачное объединение научной фактографичности и художественных элементов в тексте «Путешествия...» обеспечило его читательский успех. Так, путешественники, отправляющиеся на полуостров после 1820 года, не только ссылались на «Путешествие по Тавриде», но и использовали книгу в качестве своеобразного путеводителя по Крыму (первый известный путеводитель появился в 1834 году [165]): имя Муравьева-Апостола встречается в путевых заметках А. С. Грибоедова [61; 205; 207], Бларамберга [33], А. Демидова [68], О. П. Шишкиной [292] и др.

Кроме того, «Путешествие по Тавриде» стало ценным краеведческим источником. В конце XIX века сочинение Муравьева-Апостола было включено в список «Литература о Крыме» книги «Крым и его целебные свойства», составленном доктором В. В. Корсаковым в 1884 году в «память столетия присоединения к России» [122]. На «Путешествие» Муравьева-Апостола ссылались члены Одесского общества истории и древностей и Таврической ученой архивной комиссии, а А. И. Маркевич включил эту

книгу в «Указатель сочинений, касающихся древнего Херсониса» [155]. Отметим, что и сегодня крымские ученые-историки часто делают отсылки на «Путешествие по Тавриде» [3; 4; 74; 98; 99; 100; 111; 189].

В связи со всем сказанным научная **новизна** исследования видится нам во впервые предпринятом комплексном анализе крымского «путешествия» Муравьева-Апостола, выявлении особенностей сюжета, определении его места в историческом и художественном дискурсе.

Актуальность выбранной темы объясняется не только ее новизной, но и следующими факторами:

1. XXI век – век интернет-технологий, блоги о путешествиях пользуются популярностью; в связи с этим особый интерес представляет взгляд на историю жанра путешествия; при этом «путешествия» региональной крымской тематики обретают особый смысл;

2. сегодня в Крыму проводятся археологические экспедиции более чем на 10 древних объектах: Мангупе, Неаполе Скифском, древнем городище Мирмекий, античном городище Китей, Кутлакской крепости, городище Калос-Лимен, городище Нимфей, скифском городище Ак-Кая, городище Тиритака, башне Чобан-Куле и др. В 2017 г. в ходе строительства новой трассы «Таврида» была открыта еще одна древняя кладка, которая сейчас изучается Российской академией наук. В связи с этим будет актуальным изучение опыта соотечественников в период зарождения археологических исследований в России, в том числе «археологических» прогнозов И. М. Муравьева-Апостола;

3. обостренный интерес к Крымскому полуострову, вызванный событиями 2014 года, побуждает нас к популяризации родного края; так, в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда выполняется работа по переизданию и комментированию редких и даже забытых текстов о Крыме; вышли в свет книги: «Сентиментальные путешествия в Тавриду», в которой представлены два текста: «Досуги Крымского судьи» П. И. Сумарокова и «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-

Апостола [244], «Крымский миф в русской литературе первой половины XIX века: Свод малоизвестных свидетельств современников» [123]. Кроме того, изданы две монографии: В. А. Кошелева «Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки» [119] и В. В. Орехова «В лабиринте крымского мифа» [193].

Объект исследования – «Путешествие по Тавриде в 1820 году» в эволюции творчества И. М. Муравьева-Апостола и контексте литературного движения начала XIX века.

Предметом исследования являются жанровые и стилевые особенности «Путешествия по Тавриде в 1820 году», его место и роль в истории русской литературы и жанра путешествия, влияние античности на формирование научной и художественной программы текста «Путешествия», авторская интерпретация «бахчисарайского мифа» о пленнице Ханского дворца.

Цель работы – дать целостное научное представление о «Путешествии по Тавриде» и его значении в творческой биографии Муравьева-Апостола.

Цель определила следующие **задачи**:

- представить эволюцию творческих решений И. М. Муравьева-Апостола от переводческих опытов – до главного текста «Путешествие по Тавриде»;
- изучить содержательно-стилевые вариации художественного и «историописательного» нарратива в тексте «Путешествия по Тавриде»;
- показать, как на страницах «Путешествия» воплощен «крымский миф», обозначить его особенности;
- проследить историю творческих отношений Муравьева-Апостола и Пушкина и трансформацию «бахчисарайского мифа» в их произведениях.

Методологической и теоретической основой стали работы М. А. Альтшуллера, А. Ю. Балакина, А. И. Бронштейна, В. М. Гуковского, В. А. Кошелева, И. А. Кубасова, А. Ю. Кузьменко, А. Ф. Лосева,

Н. М. Масловой, А. А. Непомнящего, В. В. Орехова, М. С. Трошиной, И. В. Тункиной, М. Г. Шадринной.

В ходе работы были использованы следующие **методы** научного исследования:

1. сравнительно-исторический (с помощью этого методы мы собрали, систематизировали материал по теме вопроса);
2. контекстологический анализ (изучение «Путешествия по Тавриде» в контексте литературы начала XIX века, в том числе – литературы о Крыме);
3. композиционный анализ текста (выявление характерных особенностей построения сюжета «путешествия»);
4. биографический (на основе биографических данных о писателе прояснялись мотивы и условия создания произведений);
5. методы наблюдения, описания, анализа и обобщения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что впервые представлен подробный текстовый и контекстовый анализ «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, определены биографические и творческие предпосылки его создания, исторические и литературные факторы (в том числе собственно крымские), повлиявшие на авторское восприятие реалий полуострова и способы подачи исторических и современных И. М. Муравьеву-Апостолу материалов; синхронизация событий, предшествующих и сопутствующих публикации поэмы «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина и «бахчисарайского отрывка» И. М. Муравьева-Апостола, позволила с новой точки зрения представить литературные факторы, способствовавшие созданию «бахчисарайского мифа»; кроме того, в «крымском» тексте И. М. Муравьева-Апостола выявлена функциональная зависимость эпистолярных Я-повествовательных форм от избранной «логики общения» автора и условного адресата (адресатов) и последующей трансформации образа адресата – от первоначального фрагмента «Ольвия. Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году» (1821) до «Путешествия по Тавриде в 1820 году» (1823); анализ

историко-литературных обстоятельств и издательских инициатив П. П. Свиньина (1824) по «совмещенной» публикации описаний Ханского Дворца (тексты Манштейна, Муравьева-Апостола и «иллюстрирующие» цитаты из поэмы Пушкина) дал представление о том, как создавалась новая издательская версия «целостного» «бахчисарайского текста», имевшего, как показало время, наиболее успешные перспективы в формировании «крымского текста».

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества И. М. Муравьева-Апостола и литературы путешествий в целом, а также в крымоведческих работах; для разработки вузовских и школьных курсов истории литературы, вузовского курса «Крым литературный», дисциплин, посвященных литературе пушкинской поры.

Положения, выносимые на защиту:

1. И. М. Муравьев-Апостол – писатель, литературную известность которому принесли переводы западноевропейских и греческих авторов, а также опубликованный после 1812 года публицистический цикл «Письма из Москвы в Нижний Новгород», что во многом определило векторы его дальнейшего творчества.

2. И. М. Муравьев-Апостол – яркий представитель русского Просвещения, предполагавшего разностороннее образование и развитие личности, основательность познаний древности и личную активность писателя (ученого) в распространении знаний, участие в литературном процессе. Важным шагом на его пути в литературное сообщество стала публикация оды Горация и рецензии на нее профессора Московского университета Буле. Кроме того, вступление в 1811 г. в общество «Беседа любителей русского слова» и близость с Г. Р. Державиным, членство в Императорской Академии наук (с 1811 г.) утверждали положение Муравьева-Апостола в литературном сообществе.

3. «Путешествие по Тавриде» – самое значительное произведение Муравьева-Апостола не только по объему: благодаря ему автор навсегда закрепил за собой репутацию знатока античного мира, умеющего анализировать, сопоставлять, искать и находить, предлагая своему читателю только проверенные факты. «Путешествие по Тавриде в 1820 году» продемонстрировало, к тому же, художнический потенциал автора, его умение работать как с фактическим материалом, так и со словом. Это сочинение соединило в себе самые неожиданные черты: и научного трактата, и буквализма, и острословия, и приятельской «болтовни»; включило в себя и сиюминутные впечатления, и авторские фантазии, и описательную скрупулезность, и высокую патетику.

4. Организация текста «Путешествия» в виде «эпистолярных» отрывков («писем другу»), впервые использованная Муравьевым-Апостолом в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород», позволила автору «произвольно» (как в «дружеском послании») «отбирать» и регламентировать информацию, включать значительные «периоды» «исторического нарратива», нарушать хронологию, использовать для ее логического восстановления последующее «припоминание», «по своему настроению» начинать и заканчивать «эпистолярный» текст, использовать стилистику, характерную для «дружеского послания».

Апробация работы. Основные положения исследования и полученные результаты отражены в статьях и выступлениях на научно-практических конференциях 2014–2017 гг.

Участие в конференциях, семинарах:

1. Международная практическая конференция «Лев Толстой и диалог культур» (24–25 ноября 2014, Тверь);

2. Всероссийская научная конференция «Литературное общество “Арзамас”»: история и современность» (20–23 мая 2015, Арзамас);

3. Международная практическая конференция «Водные пути: пути жизни, пути культуры» (15–19 сентября 2015, Тверь);

4. Международная научная конференция «Новгородика–2015. От “Правды Русской” к российскому конституционализму» (24–25 сентября 2015, Великий Новгород);

5. Международная научная конференция «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...» (7–9 октября 2015 г., Хмелита);

6. I научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского» (28 ноября 2015 г., Симферополь);

7. X Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире» (8–11 июня 2016 г., Ялта).

Материалы и результаты работы отражены в тринадцати публикациях, три из которых опубликованы в изданиях, входящих в перечень ВАК. Кроме того, диссертантом подготовлено переиздание «Путешествия по Тавриде в 1820 году» с комментарием, выполненное при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках целевого проекта «Крым в истории, культуре и экономике России» (проект № 15-34-10100): Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году // Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол / Изд. подгот. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Нижний Новгород : ООО «Растр», 2016. – С. 250–410.

Структура исследования определяется спецификой объекта изучения и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованной литературы, включающего 298 наименований.

РАЗДЕЛ 1. «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАВРИДЕ В 1820 ГОДЕ»:

ИСТОРИЯ И ЖАНР

И. М. Муравьев-Апостол (1767–1851) – русский писатель, переводчик, государственный деятель – происходил из старинного дворянского рода Муравьевых; по материнской линии – потомок украинского гетмана Данилы Павловича Апостола (отсюда вторая часть фамилии – Апостол, которую он получил в 1801 году). С 1784 г. состоял на государственной службе: в 1792 – воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей; с декабря 1796 – министр-резидент в Эйтине при дворе герцога Ольденбургского, затем – в Гамбурге и Копенгагене.

Начало XIX века – сложное время в биографии Муравьева-Апостола. В 1800 году он был произведен в тайные советники, уже через год его ждала «почетная дипломатическая ссылка» – должность полномочного министра в Испании [117, с. 198]; в 1806 г. последовала отставка. Муравьев-Апостол, хоть числился на службе в ведомстве Иностранных дел, жил в наследственном имении Хомулец (Полтавская область). Как и подавляющее большинство русских высокопоставленных образованных чиновников, Муравьев-Апостол постоянно занимался самообразованием, литературными опытами; серьезно увлекся античной культурой и литературой; уже в 1809 г. впервые выступил в журнале «Вестник Европы» как поэт-переводчик. В эти годы он подолгу живет в Москве, Петербурге; активно входит в петербургские литературные круги, становится действительным членом общества «Беседа любителей русского слова». Переводы сатир Горация, созданные в это время и прочитанные на заседаниях общества, признавались образцовыми, получали положительные отзывы. С 1811 г. Муравьев-Апостол – член Российской академии, «центра» по изучению русского языка и

словесности, что, как покажем в следующих главах, во многом определило направление его дальнейшего творчества, его лингвостилистические приемы.

Военные события 1812 года вынудили Муравьева-Апостола временно переехать в Нижний Новгород. В августе 1813 года в журнале «Сын Отечества» было напечатано «Письмо первое» из цикла «Письма из Москвы в Нижний Новгород». Есть все основания предполагать, что «адресатом» этих писем стал К. Н. Батюшков, бывший «основным и самым частым “собеседником”» Муравьева-Апостола в Нижнем Новгороде. «Письма...» получили множество положительных отзывов, но особенно значимыми для Муравьева-Апостола стали слова Г. Р. Державина о «Десятом письме» [70, с. 296].

В 1818 г. Муравьев-Апостол с семьей посещает Одессу, где вновь встречается с К. Н. Батюшковым, который в то время не только проводил в Одессе отпуск, но и занимался изучением античной старины: известно, что он готовил исследование о древней Ольвии, черновики которого не сохранились [114]. Немаловажно, что Батюшков мечтал посетить Крым, однако поехать в Тавриду он смог только в 1822 г., и поездка эта оказалась, из-за болезни поэта, далеко не радостной [114]. Но в 1818 г. одесское общение с Батюшковым во многом вдохновило Муравьева-Апостола на крымское путешествие [206] и, возможно, сочувствие к трагической судьбе больного поэта повлияло в дальнейшем на формирование образа «ученого»-адресата в «Путешествии по Тавриде» – главной книге Муравьева-Апостола.

В сентябре 1820 г., после долгой подготовки, Муравьев-Апостол с супругой отправились в крымское путешествие через Одессу, где, второй раз после 1818 года, целенаправленно изучал античные окрестности города и морского побережья. Итогом стало небольшое издание «Ольвия: Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году» (СПб., 1821). Из Одессы Муравьев-Апостол поехал в Крым, но не морским путем (что было легче и удобнее), а достаточно долгой и утомительной степной дорогой, которая, однако, доставляла ему, как истинному путешественнику, наряду с дорожными

неудобствами, большой материал для наблюдений географического и этнографического характера, позволяла познакомиться воочию с видимыми успехами новороссийских преобразований, понять историческую перспективу этих мест.

«Путешествие по Тавриде в 1820 году» стало своеобразным путеводителем для иных путешественников: здесь собраны и исторические сведения, и современные автору особенности быта крымчан, и ценные советы о том, какие места лучше посетить в первую очередь, – все это помогало лучше ориентироваться на полуострове. А. С. Грибоедов, посетивший Крым в 1825 году, пользовался книгой Муравьева-Апостола и неоднократно ссылался на нее [205]. Кроме того, в своих «путевых» письмах Муравьев-Апостол сумел запечатлеть ту реальность, которая уже через несколько лет перестала существовать (развалины генуэзских крепостей или остатки древних могил).

В 1824 г., после успеха «Путешествия по Тавриде», Муравьев-Апостол неожиданно продолжил свой известный публицистический цикл «Письма из Москвы в Нижний Новгород», правда, в ином настроении – если сравнивать с основным циклом. В начале 1824 г. на страницах «Вестника Европы» (№ 2) появилось «Продолжение писем в Нижний Новгород». По мысли В. А. Кошелева, автор, вероятно, планировал продолжить свою работу над «Письмами», но начало службы в Сенате отменило эти планы, поскольку «никаких следов» «позднейшего обращения к “Письмам” до нас не дошло» [117, с. 247–248]; а новое произведение Муравьева-Апостола стало «резкой сатирой на российскую необразованность, на безграмотность и лихоимство в судах» [117, с. 226]. Соглашаясь с этим, выскажем, однако, предположение, что «Продолжение писем в Нижний Новгород» – этот, казалось бы, незначительный факт в литературной биографии Муравьева-Апостола, – имеет важное значение для понимания его литературной личности, его литературного самопредставления, и само появление этого текста, на наш взгляд, напрямую связано с «Путешествием по Тавриде». «Продолжение

писем в Нижний Новгород» видится нам своеобразным «продолжением» светских разговоров о недавно вышедшем «Путешествии по Тавриде». Возможно, в частности, это было раздраженной реакцией Муравьева-Апостола на чьи-либо замечания о «перенасыщении» текста «Путешествия по Тавриде» «научностью», «античностью», что некоторыми (как пишет автор, «не просто чужаками») могло быть воспринято как «классическое» «щегольство». Так, герой «Продолжения...» – повествователь – помещик, проживший более двенадцати лет «в землях, на которые солнце не всегда косо глядит», теперь же живущий хоть и «не под Неаполитанским небом, однако же в саду, на открытом воздухе», где «растет виноград», а иногда даже «доспевает», чего для него и достаточно. Его время занимают «книги, сельское хозяйство», а вне дома он находит «рассеяние в обществе соседей, из коих одни просто добрые, другие добрые простаки, а некоторые и не просто чужаки» [178, с. 109–110]. Сопоставляя биографические факты, мы понимаем, что Муравьев-Апостол имеет в виду себя, ученого-классика, живущего в отдаленной провинции.

Более того, повествователь рассказывает своему адресату историю помещика-соседа, приверженца античных традиций – г-на А. Это история об образованном офицере и малообразованном его окружении (что должно было намекать на окружение самого автора): «В семи верстах от меня поместье, или, как сам помещик называет, *latifundium* г-на А. – Примечаешь ли эти куполы, выглядывающие из густоты лесной? Это храмы сельских божков, Пана, Сильвана, Нимф. Классическая земля!» [178, с. 110]. Истоки увлеченности г-на А. античностью – еще в его детстве: «С нескольких лет воспитывался в Германии, и долго там учился в университетах. Слушав предпочтительно Гейне и других сему подобных эллинистов и филологов, он исключительно пристрастился к древней литературе, и с тех еще пор археология сделалась его страстию» [178, с. 111]. И вот казус: поступив в России на службу «в какую-то крепость инженерным офицером», г-н А. вступил однажды в жаркий спор о военной службе и уставах с комендантом

этой крепости и протопопом – и совершил огромную ошибку: «Самые невинные речи могут иногда сделаться предосудительными потому только, что они некстати выговорены. Например, в этом случае *А.* не имел намерения ни оскорблять начальника своего, ни чваниться перед ним преимуществом своим в классической стратегии, а просто, увлеченный любовью к древности, он ошибся в том только, что назвал Тактика (имеется в виду труд из древнегреческой полиокретики: Эней Тактик «О перенесении осады» [7, с. 136, 142]. – *А. О.*), о коем начальник его никогда не слыхал. Это бы еще ничего, но по несчастю, комендант наш знал об одном Энее, именно о малороссийском наизнанку (здесь имеется в виду «Энеида» И. П. Котляревского, 1798, воспринимаемая как переложение на украинский язык «Виргилиевой Энеиды, вывороченной наизнанку» Н. П. Осипова, 1791. – *А. О.*), а как он сам был малороссиянин, то тотчас и представилось ему, что офицер смеется над ним, шпыняет, ругается, одним словом, все то, что воображение малюет на уме, когда раздражение водит кистью его» [178, с. 112]. Последствия для г-на *А.* были «весьма неприятные», хотя и закончилось все благополучно: «По жалобе коменданта наряжен был над ним суд за поношение начальника грубыми словами. По счастью, аудитор был человек умный, который, открыв все дело при первом допросе, представил его начальству в настоящем оною виде, и это спасло молодого офицера. Он отделался от суда только с выговором и с приказанием впредь быть осторожнее, особливо же по службе всегда согласоваться с волею командира, а не с Полиоркетикою Энея» [178, с. 112].

Похожая ситуация случилась с г-ном *А.* и на другой его службе: будучи ассессором в суде, он взял слово и начал говорить по-латыни, что судьей и другими присутствующими, по незнанию языка, было воспринято как оскорбление. С тех пор г-н *А.* «обрел пристанище тихое и счастливое», его благополучие состояло в том, что «он муж жены препочтенной и отец детей прекраснейших; но сверх того (и это весьма много для него значит) он еще блаженствует в том, что здесь ничто ему не мешает давать полную волю игре

классического воображения своего» [178, с. 112]. Как видим, и в этой рассказанной истории «угадывается» многое из жизни Муравьева-Апостола, что не сохранилось в архивных документах и не могло сохраниться: не очень комфортное свое состояние он выразил в «недоразумениях» наивного г-на А., который как бы «нашел, с кем говорить о древностях...».

Возможно, слухи о подобном читательском восприятии «Путешествия по Тавриде» дошли до Муравьева-Апостола; а возможно, он их предварял, и потому написал «Продолжение писем в Нижний Новгород», акцентированное на восприятии античной темы в современном ему обществе. Намек на «Энеиду» И. П. Котляревского, думается, следует понимать как призыв к читателям видеть *разницу* между рифмованной шуточной поэмой, популярной и всем понятной, и его, Муравьева-Апостола, серьезными текстовыми разысканиями в «Путешествии по Тавриде».

Настойчиво разрабатывая тему просвещения и классического знания, Муравьев-Апостол давал понять, что его «Путешествие по Тавриде» имеет именно просвещенческое и научное значение. Возможно, потому и исторически определилось, что текст «Путешествия по Тавриде» оказался «забытым» и не стал предметом рассмотрения в богатой современной литературоведческой практике по литературе путешествий. К этому вопросу мы обратимся чуть ниже, но прежде продолжим обзор литературной биографии Муравьева-Апостола, акцентируя внимание на неразработанных в литературоведении аспектах.

В декабре 1825 года начался самый трудный период в жизни автора. В 1824 году он вернулся на службу, в Главное правление училищ, но из-за доносов коллег в 1826 году был «уволен по болезни в чужие края» [117, с. 226]. 1826 год – год огромной семейной потери для Муравьева-Апостола. Писатель покинул Россию на долгих 20 лет: жил в Вене, затем – во Флоренции. Только в 1846 г. он вернулся на родину; через пять лет, на 84 году жизни, умер; был похоронен на Георгиевском кладбище Большой Охты.

К сожалению, могила уже через десять лет после его смерти затерялась [117, с. 230].

Несмотря на богатую биографию, жизнь и творчество Муравьева-Апостола не часто становились объектами специальных литературоведческих исследований. Это объясняется и тем, что слишком мало сохранилось семейных документов и воспоминаний. По большому счету, его литературные выступления становятся главнейшим материалом для характеристики литературной личности. Первая попытка составления биографии Муравьева-Апостола была предпринята в начале XX в. И. А. Кубасовым, литературоведом и библиографом. Так, краткий очерк жизни и творчества, а также анализ «Писем из Москвы в Нижний Новгород» представлены в его статье «И. М. Муравьев-Апостол, автор “Писем из Москвы в Нижний Новгород”», опубликованной в 1902 г. в журнале «Русская старина» [125]. В самом начале статьи Кубасов с сожалением замечает, что творчество Муравьева-Апостола позабыто: «Протекло уже полстолетия со дня смерти этого замечательного в истории русской культуры человека, как мы не только не имеем еще надлежащей оценки его деятельности, но даже как бы забыли самое имя Ивана Матвеевича: большинство знает о нем лишь то, что он был отцом известных декабристов» [125, с. 87]. Муравьева-Апостола Кубасов характеризовал как «наделенного от природы немалой страстностью», человека, который «горячо отстаивал свои убеждения, старался внушить их своим согражданам, употребляя всю силу своего красноречия и не смущаясь тем, что в пылу своего негодования впадал порою в крайность» [125, с. 99]. «Путешествию по Тавриде» ученый посвятил лишь небольшой абзац: «В 1820 году, после долгой серьезной подготовки, Муравьев-Апостол предпринял путешествие по Крыму; памятником его посещения полуострова осталось, можно сказать, его классическое сочинение “Путешествие по Тавриде”, даже донныне не потерявшее своей ценности» [125, с. 90].

Отметим также книгу И. А. Кубасова «Драматические опыты И. М. Муравьева-Апостола», вышедшую в 1904 году, в которой объективно отмечена некоторая поверхностность «переделок» Муравьева-Апостола («Школа злословия», «Утро вечера мудренее»), а также их сходство с произведениями Д. И. Фонвизина [124].

По всей видимости, ученым готовилась большая работа о Муравьеве-Апостоле; об этом свидетельствует его архив, хранящийся в фонде РГАЛИ. Среди рассмотренных нами бумаг Кубасова – выписки из произведений писателя, карточки с биографическими данными, воспоминаниями современников; наброски семейного древа Муравьевых; особое место среди документов занимает автограф Муравьева-Апостола [126]. К сожалению, работа Кубасова не была завершена, а следующее обращение к литературному наследию Муравьева-Апостола относится ко второй половине XX века.

В 1964 г. вышла книга киевского исследователя А. Ю. Кузьменко «И. М. Муравьев-Апостол. Очерк жизни и творчества». Ценность книги в том, что здесь освещены не только редкие факты биографии Муравьева-Апостола, но и литературная, и научная жизнь Полтавщины в первой четверти XIX века, в период подготовки восстания декабристов. По мысли исследователя, к работе над книгой «Путешествие по Тавриде» подвигла Муравьева-Апостола патриотическая идея описания истории своего Отечества – по примеру того, как ратовали декабристы о необходимости написания истории Отечественной войны 1812 года [127, с. 79]. Само «Путешествие по Тавриде» А. Ю. Кузьменко характеризует как «не просто описание Крымского полуострова с фиксацией остатков древности», а «оригинальное научное сочинение» [127, с. 81]. Интересна и догадка об обстоятельствах отдельного издания «Ольвии» в 1821 г.: по мнению А. Ю. Кузьменко, Муравьев-Апостол подготовил его по совету сына, Сергея Ивановича, посетившего с отцом окрестности Одессы в 1818 г.; эта часть

более всего понравилась С. И. Муравьеву-Апостолу в готовящемся отцом издании «Путешествия по Тавриде» [127, с. 81].

Н. Я. Эйдельман, автор биографии декабриста С. И. Муравьева-Апостола, в своих работах упоминает и его отца. Несмотря на то, что многие письма и мемуары И. М. Муравьева-Апостола не сохранились («утратились за границей») [117, с. 229], Эйдельману удалось найти в архивах некоторые письма. В частности, в статье «К биографии С. И. Муравьева-Апостола» ученый акцентирует внимание на приверженности И. М. Муравьева-Апостола «старой» школе и, приводит отрывок из письма Муравьева-Апостола к В. В. Капнисту, демонстрирующий, по мнению исследователя, «особую» – «нейтральную, но ближе к “архаистам” позицию в литературных спорах тех лет»: «Продолжайте! Докажите петропавловским умникам, что за 1500 верст от них можно заниматься Омером, а еще того лучше, что можно спорить, не бранясь. Посмотрите, как в Питере заступаются за Карамзина – чуть не по матушке...». В другом письме Капнисту, «отдавая на суд свое “Путешествие по Тавриде”», Муравьев-Апостол пишет: «Аристархов наших я до того презираю, что почел бы обидою себе, если бы им задумалось меня хвалить». «Кумиры» писателя, по замечанию Эйдельмана, – «Державин и другие писатели старшего поколения» [296, с. 62].

На современном этапе В. А. Кошелев обобщил все известные материалы о жизни Муравьева-Апостола, дал наиболее полную характеристику его творчества. Помимо ряда статей [115; 116; 118; 120], ученым осуществлено переиздание «Писем из Москвы в Нижний Новгород» и других произведений Муравьева-Апостола; публикация сопровождается комментарием, а также статьей «О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола [117; 177]. Особое место в работе В. А. Кошелева занимает история публикации «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина и «косвенной взаимосвязи» поэмы с «Путешествием по Тавриде», что, несомненно, придает «дополнительный интерес “крымским” впечатлениям Муравьева-Апостола» [117, с. 215–226].

В 2007 г. в Ульяновске была защищена кандидатская диссертация М. С. Трошиной «Жизнь и творчество И. М. Муравьева-Апостола», где, в ряду важных наблюдений над творчеством писателя, сделана попытка охарактеризовать жанровое своеобразие «Путешествия по Тавриде»; оно, по мнению М. С. Трошиной, определяется синтезом различных жанровых форм: «"Путевое" письмо дает возможность не только рассказать о местности, быте и нравах населения, воссоздавая историю полуострова и его окраин, но и делиться с читателем своими впечатлениями от увиденного, размышлять о проблемах современности, высказывать свои мысли, полемизировать, а также соединять в повествовании художественный и документальный, фактографический материал» [266, с. 120–121].

Воспринимаемая современниками как «первая научная историко-географическая работа», которая «дополнила» «труды древних исследователей об истории и местонахождении крымских окрестностей», книга Муравьева-Апостола, как заявляет исследовательница, заслуживает внимания и «как литературное явление», а Муравьев-Апостол предстает перед читателем и как «исследователь различных сторон жизни общества (истории, нравов, быта, традиций и т. д.), и как созерцатель, который сохраняет авторскую индивидуальность восприятия и осмысления явлений окружающей действительности» [266, с. 121]. При этом от подробного текстового и контекстового анализа исследовательница устранилась, поскольку это не входит в задачи ее работы.

Жизнь семьи Муравьевых-Апостолов – объект изучения исследователя из Боровичей (Новгородская область) А. А. Игнатьева (именно в Боровичах жил отец Ивана Матвеевича – Матвей Артамонович Муравьев; здесь родился И. М. Муравьев-Апостол) [86].

Таким образом, даже в работах, посвященных жизни и творчеству Муравьева-Апостола, его главное произведение «Путешествие по Тавриде» до сих пор не стало объектом специального изучения. Это происходит от ощущаемой исследователями необходимости привлечения широкого

«собственно крымского» исторического и археологического контекста, который определит историческую значимость этого текста, его фактологическую точность. Как оказывается, книга Муравьева-Апостола не становится предметом анализа и в современном литературоведении о литературе путешествий. Почему это произошло?

Чем «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола «выбивается» из общего контекста литературы путешествий начала XIX века? Ведь в своей книге Муравьев-Апостол выступает как настоящий художник, умеющий пользоваться богатейшей палитрой оттенков слова. И, несомненно, он учитывал, что его «Путешествие» будет восприниматься на фоне богатой русской литературы путешествий, в том числе – «путешествий» по Крыму, общий «список» которых на то время был хоть невелик, но представлен авторами-исследователями («крымский» контекст будет представлен в следующих разделах нашей диссертации). Обратимся теперь к этому вопросу.

Литература путешествий, «путешествие», путевые заметки и путевые записки, травелоги – все эти термины сегодня, по сути, обозначают одно литературное явление, хотя путешествие по географическому пространству предполагает сообщение не только естественнонаучных сведений, но и исторических, этнографических, историко-культурных, статистических и многих иных, и следует понимать, что соотношение этих материалов существенно влияет на модификации жанра.

Современное литературоведение накопило богатый опыт в изучении жанра «путешествия»; это направление и «сейчас является одним из самых популярных и в то же время новых» [79, с. 125]. Предметом изучения становится тот или иной «спектр видения» конкретного текста «путешествия», но чаще исследователи стремятся к выявлению наиболее общих жанровых черт «путешествия». Можно проследить наиболее продуктивные аспекты изучения «путешествия» в русской литературе.

1. Наиболее важным аспектом представляется рассмотрение «путешествия» в исторической логике содержательных и жанровых разновидностей, в связи «практики путешествий» с культурным и историческим контекстом и соответствующих трансформаций «самой цели путешествия» [79, с. 124; 162; 264]. Действительно, как литературное явление «путешествие» имеет большую историю в европейской и русской литературах и издавна являлось важнейшим информативным жанром для читателей, что отмечал Н. Г. Чернышевский в статье «"Письма об Испании" В. П. Боткина» (1857): «Путешествие, соединяя в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествоведения и приближаясь к так называемой легкой литературе своею формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека, в столкновениях его с другими людьми – людьми, жизнь которых тем любопытнее для нас, что они живут в условиях иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга, – путешествие совмещает в самой легкой форме самое богатое и заманчивое содержание» [285, с. 13]. Позднее известный педагог В. И. Водовозов в книге «Словесность в образцах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии» (1868) затронул вопросы жанра «путевых записок» (на примере «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина и книги «Год на Севере» С. В. Максимова) и назвал их доходчивой, «самой простой и обыкновенной формой описательных сочинений» [48, с. 148].

Определенным этапом в литературоведении стала статья Т. А. Роболи о расцвете сентиментальной литературы путешествий после выхода «Писем русского путешественника» (1791–1792) Н. М. Карамзина. Жанр путешествия, по определению Т. А. Роболи, «большая беллетристическая форма с естественной, как бы само собой мотивируемой спайкой частей» [233, с. 44–45], где особая роль принадлежит автору, через восприятие которого весь разнородный материал (сценки, анекдоты и прочее) объединяется в единое повествовательное целое, а «читатель в литературе

“путешествий” наследует функцию друзей-адресатов, скрытых пассивных персонажей, к которым направлена речь автора» [233, с. 71]. Остановим также внимание на том, что Т. А. Роболи выделяет два типа путешествий, существовавших в Европе к моменту выхода «Писем русского путешественника»: «Один собственно – Стерниановский, где настоящего описания путешествия, в сущности, нет; и другой – типа Дюпати, представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями» [233, с. 48].

К слову, русский писатель-сентименталист П. И. Шаликов (1768–1852) в «Путешествии в Малороссию» (1803–1804), написанном под влиянием Н. М. Карамзина, отмечает, что его произведение не напомнит читателю «ни Стерна, ни Дюпати» [287, с. 516]. Здесь подтверждение, что в начале XIX в. авторы, как правило, ориентировались на эти литературные образцы. Распад формы сентиментального путешествия Т. А. Роболи относит к 20–30-м годам XIX в. [233, с. 70]. С таким заключением соглашается современная исследовательница Е. С. Ивашина в кандидатской диссертации «Жанр литературного путешествия в России конца XVIII – первой XIX века» [85]. В этом смысле В. А. Михайлов в кандидатской диссертации «Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков» делает логичный вывод о связи жанра путешествия с литературным контекстом эпохи: «Литературное путешествие как жанр тесно связано с художественным методом и течениями прогрессивной мысли, в эпоху которых они получают свое бытие» [162, с. 15]. Это согласуется с позицией Ю. М. Лотмана, рассматривавшего «Письма...» Н. М. Карамзина как произведение просветительской ориентации [144]. Характерно, что Д. С. Лихачев (статья «Путешествия на Запад»), исходя из *познавательных* смыслов литературы путешествий рубежа XVIII-XIX веков, предлагал значительно расширить ее жанрово-тематические параметры: даже «статейные списки» (донесения русских послов), содержавшие важную

«инострannую» описательную информацию, он предлагал считать «своеобразными предшественниками того литературного жанра путешествий, который будет жить в течение всего XVIII в. и особенно разовьется в начале XIX века» [138, с. 420].

Эпоха Просвещения – переломный момент в истории путешествий. Именно в это время на смену средневековому типу путешественника-паломника приходит тип «дворянина, путешествующего по европейским культурным центрам» [65, с. 174–175]. Однако и «паломничество» не уходит из литературы, а трансформируется: если традиционно паломник отправлялся в путь «за духовным обновлением, ради главного дела жизни – побывать в святилище, принести покаяние, очистить душу, обновиться в молитве и богомолье» [143, с. 444], то теперь – еще и за знанием, ожидаемым впечатлением: меняется, говоря словами Ю. М. Лотмана, «характер паломничества» в травелоге [143, с. 341]. Т. о., к середине XIX в. природа путешествия-паломничества расширяется, означает не только посещение библейских святых мест; появляются новые «святыни», привлекающие странников. Забегая вперед, скажем, что в Крыму, например, таким местом стал легендарный Фонтан слез в Бахчисарае: после выхода в свет поэмы А. С. Пушкина в 1824 году каждый путешественник, посещая Крым, стремился в Ханский дворец Бахчисарая, считал долгом увидеть воспетое поэтом место.

По мнению В. М. Гуминского, развитие жанра «путешествия» напрямую связано с ходом истории и не ограничено временными рамками [66, с. 314]. В Древней Греции авторы периплов (греч. «плыть кругом, огибать») описывали морские путешествия и морские плавания вдоль берегов, и эти «путешествия» хранят сегодня важнейшую историческую и художественную информацию [72, с. 56]. Сегодня, когда жанр «путешествия» стал фактом истории западноевропейской и русской литературы и, по своему информационному содержанию, – существенным

материалом для историков, «периодизация» истории «путешествий», по выводам исследователей, в целом обретает такой вид:

- первый период – с древнейших времен до начала раннего Средневековья – период «эпически индивидуалистический» – как вымышленные странствия (Одиссей), так и реальные исторические (Геродот, Александр Македонский);

- второй период – раннее и зрелое Средневековье – кардинальный переворот и в системе мотивации путников, и в организации их передвижения (на смену героям-одиночкам пришли различные группы, эпический эгоцентризм сменился групповой покорностью, например, паломничеством);

- третий период – около XV–XVIII веков – период научно-прагматических поездок;

- четвертый период – с середины XVIII века, т. е. от начала эпохи Просвещения до последней трети XIX века, т. е. до полного упадка романтизма – персональные вояжи (светские вояжеры и ученые-путешественники);

- пятый период – от последней трети XIX века – до начала Первой мировой войны – завершение эры путешествий и наступление эры туризма [Громенко].

На наш взгляд, при несомненной исторической логике предложенной схемы, выпускаются, однако, важные моменты «пересечения» научных и «светских» жанровых параметров «путешествий» в «четвертом периоде», поскольку на практике провести внутритекстовые разграничения «научного» и субъективно-ситуативного планов достаточно трудно. Так, В. А. Михельсон, автор работы «“Путешествие” в русской литературе» (1974) справедливо уделял внимание «ученым» путешествиям (П. С. Палласа, И. И. Лепехина, В. Ф. Зуева, Н. Я. Озерецковского), считая, что из них стали постепенно зарождаться *формы художественного очерка*

[164, с. 18]. К сожалению, в ряд таких текстов не включена книга Муравьева-Апостола.

2. Анализ жанровой природы литературы путешествий – еще одно важное направление литературоведческих исследований о «путешествии», и, как правило, начинается разговор с определения собственно *путешествия*: «Поездка или передвижение пешком куда-либо далеко за пределы постоянного местожительства с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями» [247, с. 564]. В продолжение этого определения М. С. Федорова уточняет «критерии вояжа»: «1. Путешествие – это перемещение в пространстве с мирными целями (и из путешествий тут же ”выпадают” завоевательные экспедиции, крестовые походы и т. д.); 2. Путешествие – это путь, предполагающий возвращение, все “невозвращенцы” исключаются из ранга путешественников; 3. Путешествие – это перемещение в пространстве, совершаемое по собственной воле» [273, с. 25].

В. М. Гуминский склонен причислить «путешествие» к литературным жанрам (1987), поскольку в основе «путешествия» – «описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо <...> незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров», и потому «путешествие» выполняет не только познавательные задачи, но также публицистические, политические, философские и эстетические [66, с. 64]. В основе представленных исследователем рассуждений – синтез форм и тип героя (путешественника, «рассказчика», носителя своей национально-культурной традиции. Однако художественность и субъективность авторского подхода, по мысли Н. М. Масловой, являются приметам и публицистических жанров, к которым исследовательница и относит «путешествия» [157, с. 56].

В 2004 г. в Санкт-Петербургском университете была защищена кандидатская диссертация К. А. Панцерева «Путевой очерк: эволюция и

художественно-публицистические особенности жанра», автор которой рассматривает «путешествие» как очерковый жанр, причем в значительном временном периоде (два века), и отмечает, что «на ранней стадии развития очеркового жанра мы можем говорить только о произведениях, написанных в стиле литературы “путешествий”, поскольку о путевом очерке как таковом говорить было бы преждевременно» [211, с. 7]. Исходя из этого, в истории жанра К. А. Панцеров выделяет четыре периода:

1). Зарождение жанра путевого очерка в России (XVIII век; «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева);

2). Период расцвета русской классической очерковой прозы (XIX – начало XX века; «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина, «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова, «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена, «Письма с дороги» Г. И. Успенского, очерки А. И. Левитова, «Остров Сахалин» А. П. Чехова);

3). Советский путевой очерк (1920–1990 годы; Д. Фурманов, А. Серафимович, М. Горький, В. Песков, Н. Михайлов);

4). Очерк новой России (начиная с 1991 года) [211, с. 7–8].

3. Третье направление в работе современной литературоведческой школы – выявление «типологических черт» [84, с. 2] в литературе путешествий того или иного периода. Нет сомнений, что культурный и исторический контекст диктует автору законы письма, «параметры» подлинности, соединение фактографичности и вымысла, в том числе и в создании «авторского образа», что справедливо подмечено в книге А. Шенле [291, с. 14]. Природа «взаимосвязи документальных и литературных форм» является одним из аспектов исследования в диссертациях Н. В. Ивановой [84, с. 3], О. А. Дыдыкиной [73]. Исследователи не могут не наблюдать, что созданные в разное время тексты «путешествий» имеют значительный ряд сходных художественных «установок». Так, В. А. Шачкова выделяет 9 «характерных черт», присущих жанру «путешествия», среди которых

«принцип жанровой свободы», «особая активная роль автора», «документальные элементы», «субъективность авторского подхода и откровенный вымысел», «публицистичность», «синтетичность» жанра, «маршрут как тематический и структурный стержень», «отклик» на читательский запрос [289, с. 280–281].

Разумеется, с появлением и распространением новых коммуникаций (мобильная связь, Интернет) зарождаются и новые жанры, истоки которых – в литературе путешествий (подтверждается справедливость точки зрения В. М. Гуминского: путешествие как жанр отвечает требованиям эпохи и в соответствии с этим меняет свои формы). На первый взгляд, популярные ныне блоги о путешествиях, созданные на различных интернет-площадках, есть не что иное, как продолжение распространенной в начале XIX века «путевой литературы». Но в литературоведении появился новый термин для обозначения жанра – травелог. Определение этого термина нельзя назвать проблемным, однако ответ на вопрос «Что такое травелог?» часто вызывает затруднения. А. Ю. Сорочан в обзоре американской литературы путешествий «Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки» поясняет, что термин “travelogue” используется для обозначения конкретного текста или группы текстов, в отличие от термина “travel writing” – литература путешествий [250, с. 382].

В кандидатской диссертации И. Г. Савельевой «Поэтика путевой прозы Лоренса Даррелла» травелог определяется как разновидность традиционного жанра путешествия, выделяются его характерные черты:

- «маршрут и хронотоп как основа сюжета;
- фрагментарность повествования;
- наличие повторяющихся мотивов;
- активная роль автора-путешественника как непосредственного участника событий, наблюдателя и носителя определенного мировоззрения;
- автобиографичность текста травелога;
- высокая степень нарративной рефлексии автора;

- субъективная авторская интерпретация и вымысел как неотъемлемая часть специфики текста травелога;

- способность синтезировать элементы других жанров («принцип жанровой свободы» по В. М. Гуминскому)» [238, с. 7].

Как видим, перечисленные характеристики свойственны традиционному «путешествию». Традиционное слово «путешествие» не уходит из литературоведческого оборота и, судя по содержанию современных литературоведческих сборников и коллективных монографий, сохраняет дискурсивную актуальность наряду с понятием «травелог»: «Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты» (Новосибирск, 2013), «Русский травелог XVIII–XX веков» (Новосибирск, 2015) [136; 236]; Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова «Русская культура в зеркале путешествий» [160].

Кроме того, мы наблюдаем все более расширяющуюся работу по сбору и анализу материалов «локального травелога»; в частности, мы имеем в виду сборники «Тверь в записках путешественников», собравшие не выявленные ранее или давно не переиздававшиеся тексты [258–260]. В таком видении точнее просматриваются жанровые варианты реализации темы (цели) путешествия и фактологическая значимость (насыщенность, достоверность, уникальность) представленных текстов. А. Ю. Сорочаном в 2010 г. был подготовлен сборник «Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы», куда вошли статьи, посвященные созданию образа Тверского края в литературе (особое внимание уделено произведениям русских писателей XIX века) [249]. А в 2012 г. при поддержке РГНФ в Твери прошла Международная научная конференция «Родная земля глазами стороннего наблюдателя: заметки путешественников о Тверском крае». Целый ряд актуальных в этом смысле вопросов поднимает монография Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова «Русская культура в зеркале путешествий» [160], представляющая, к тому же, комментированную библиографию тверских травелогов.

Таким образом, наряду с уже обозначенными нами направлениями в современных исследованиях о литературе путешествий, ученые принимают в качестве перспективных «тематические» группы «путешествий», связанные географической определенностью. Так, Н. В. Иванова разделяет путевую прозу начала XIX века на три векторно-тематических направления: 1. путешествия по святым местам; 2. «путешествия» в Европу; 3. путешествия на Кавказ [84]. Понятны исторические мотивировки такого разделения, и к этим группам целесообразно и закономерно должна быть добавлена «крымских» тема, реализованная в литературе путешествий в Крым и имеющая свою историю «авторского восприятия Крыма», историю целей поездок по полуострову. «Хорошо известно, – пишут Е. Г. Милюгина и М. В. Строганов, – что литературные источники активно формируют у любого человека, а тем более у писателя образ пространства» [160, с. 96], доносят до потомков «дух ландшафта», «дух времени», «дух экзотики». При этом тематическая «локализация», убеждены авторы монографии «Русская культура в зеркале путешествий», способствует «комплексному исследованию русской культуры в единстве всех ее динамических факторов: пространственных, временных, аксиологических, психологических», и «целесообразной методологией такого исследования является культурное пространствоведение», а «материалом, позволяющим успешно решить поставленную проблему, выступает литература путешествий» [160, с. 2].

Роли путешествий в имагологии, формировании имиджа «своего» и «чужого» в литературе уделяется внимание в работах В. В. Орехова [195], М. Э. Шульгун [293]. Так, в статье «Современная литература путешествий: актуальные проблемы исследований» М. Э. Шульгун предлагает использовать термин «метажанр» для обозначения особой роли литературы путешествий и выделяет несколько факторов, обеспечивающих широту и разнообразие дискурса путешествия – при сохранении его целостности и

единства: в дискурсе путешествия отражаются важнейшие параметры картины мира во всех возможных модификациях (мифологической, религиозной, художественной, научной) [293, с. 171].

«Локальные» аспекты нашей работы обязывают нас выделить в ряду современных литературоведческих исследований «путешествий» относящиеся к «крымскому» блоку. Их немного. Например, статья В. В. Мароши «Жанр граффити-автографа в травелогах русских писателей», где «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола признается наиболее авторитетным крымским травелогом, для которого «характерен античный колорит, обеспеченный постоянным цитированием Страбона, Геродота и настойчивыми поисками остатков эллинской цивилизации во всех локусах Крыма» [156, 88–89], а также статья О. В. Мамуркиной «"Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году" П. И. Сумарокова: специфика пейзажных описаний» [154]. В целом же «крымский» вектор литературных «путешествий» оставался, по понятным причинам, недостаточно изученным. Именно поэтому сегодня предприняты издания собственно крымских «путешествий» в рамках целевого проекта при поддержке РГНФ «Крым в истории, культуре и экономике России»: «Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол» (2016) [244], «Крымский миф в русской литературе первой половины XIX века: свод малоизвестных свидетельств современников» (2017) [123], «В лабиринте крымского мифа» В. В. Орехова [193].

В этом смысле необходимо представлять, что, начиная с 1783 года, когда Крым вошел в состав России, происходило стремительное его изучение и освоение, шло беспрецедентно сложное строительство и устройство портов и гаваней Севастополя, основание и развитие Черноморского флота, форсировалось курортное строительство и градостроительство, интенсивно развивалось виноградарство, начиналось устройство всей просветительско-образовательной системы в условиях многонациональных традиций,

начиналось изучение древнейших исторических памятников и образовывались первые музеи. На этом пути было чрезвычайно много сложностей, успехов и неудач, и все это так или иначе отражалось в материалах крымских путешествий, сохранивших как точные и полезные сведения о Крыме, так и откровенные инсинуации (особенно в иностранных «путешествиях») о крымских делах [193].

Итак, особый интерес современного читателя к исторической и краеведческой крымской тематике определил сегодня новую актуализацию литературы путешествий по Крыму двухвековой давности. При этом, как уже было сказано, для понимания текста и *доверия* к нему читателю необходимы знания о личности автора, его исторической компетентности, литературной позиции, поскольку, как справедливо пишет О. А. Дыдыкина, «организующим центром» «путешествия» является путешественник: «одновременно и участник событий, то есть литературный герой, и писатель, облекающий дорожный материал в литературную форму» [73, с. 16]. К этому заключению следует добавить и правомерный вывод Н. В. Ивановой, вытекающий из сравнительно-сопоставительного анализа путевых записок «единой тематической принадлежности», что «индивидуального авторское переосмысление путевых впечатлений», а также «художественное, литературное начало в путевых записках» «обусловлено в большей степени мировоззренческой позицией автора и отчасти влиянием адресата на отбор путевого материала» [84, с. 6]. Это означает, что подлинное постижение «авторского материала» и мотивов его подачи в «путешествии» будет зависеть от того, насколько подробно и верно мы представляем мировоззрение автора, его литературную биографию.

Этот фактор скажется на всем – в том числе на стилистике текста. Оказываясь на «пересечении художественной и нехудожественной сфер» (М. Э. Шульгун), литература путешествий подчиняется «целевым» законам жанра, но при этом, как доказывает М. Г. Шадрина, «авторская речь обладает стилистическими особенностями, выявляемыми путем анализа сферы

употребления и стилистической окраски различных языковых единиц» [286, с. 7]. Задача «показать специфику функционирования языковых единиц с учетом многоаспектной организации «дорожного» материала» [286, с. 7] представляется весьма сложной, но, несомненно, актуальной. Причем в стилистической палитре текста немаловажную роль играет заглавие. С учетом того, что «путешествия», как правило, имеют « типовые » названия, Н. В. Иванова настаивает на изучении « специфики названия » [84, с. 3]. Точность этого наблюдения побуждает нас остановиться именно на « специфической » особенности названия « путешествия », той особенности, которая задает « регистр » восприятия « Путешествия по Тавриде в 1820 году » И. М. Муравьева-Апостола

Заглавие сочинения Муравьева-Апостола имеет важное значение для « предварительного » читательского впечатления, т. е. еще до прочтения текста. Заметим: здесь нет ни одного неинформативного слова: обозначены жанр, общий маршрут, названа дата. При этом внимание сразу привлекает необычная форма « в 1820 году ». Современные читатели сразу понимают, что это архаичная форма, и с легкостью « исправляют » (иногда даже в краеведческих статьях) « в году » на привычное « в году », тем более что « Словарь русского языка » С. И. Ожегова дает два окончания в предложном падеже: « о году », но « в году » [192, с. 131]. Казалось бы, что мы можем назвать форму « в году » устаревшей, и проблема исчерпана.

Но дело в том, что и для читателя первой половины XIX века эта форма также была не только необычной, но и редкой, и также дополнительно привлекала читательский интерес. Попробуем разобраться.

Как помним, М. Г. Шадрина настаивает, что особенность « авторской речи » выявляется « путем анализа *сферы употребления* и стилистической окраски различных языковых единиц » (Курсив мой. – А. О.) [286, с. 7]. В какой степени распространена была форма « в году » в письменной и устной речи во времена Муравьева-Апостола? Толковый Словарь Российской Академии 1790 года сообщает о слове самые общие сведения: « Год, -да и

умен. *Годок*, -дка, *Годочек*, -чка с. м. 1) Время, в которое солнце, протекая путь свой, возвращается к той же оною точке, от которой движению его начало положено. 2) Время, пора, означающая деяние какое или происшествие» [246, ст. 163–164]. Правил склонения слова в словаре нет, представлено лишь окончание родительного падежа, из чего следует, что предложный падеж затруднений при использовании слова не вызывал. И внимание на нем не акцентировалось. Приведенные в Словаре примеры употребления слова не содержат формы «*в годе*».

Вторым авторитетным изданием, к которому нам следует обратиться, был изданный в 1847 г. «Словарь церковно-славянского и русского языка» в 4 томах, а именно первый том (А–Ж), материал для которого собирался в течение нескольких лет. Здесь также дается значение слова «год»: «Известное число дней, составляющее период, измеряемый обращением солнца или луны и посему именуемый солнечным или лунным годом» [248, с. 272]. Образца склонения слова и примеров варианта «*в годе*» также не содержится.

Однако история сохранила этот вариант в церковном слоге. Так, в 1805 году в Санкт-Петербурге в «типографии Святейшаго правительствующаго Синода» была издана небольшая книга, в названии содержащая именно эту форму: «Слова в присутствии членов Святейшаго правительствующаго Синода, в Санктпетербурге в 1805 годе, сказыванныя Втораго Кадетскаго корпуса учителем закона, Санктпетербургской епархии второкласной Троицкой Сергиевой пустыни, состоящей по Петергофской дороге, архимандритом Августином» [2]. Важно отметить, что в этой же книге использована другая форма, в частности в сноске: «Говорено в Казанской Соборной Церкви 1875 года Сентября 15 дня» [2, с. 34]. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что для датировки в церковной речи употребимы обе формы, однако «*в годе*», использованная в заглавии, воспринималась как более торжественная, *эпичная*. Применение родительного падежа в датировке с «обратным» (в нашем понимании)

порядком слов («1875 года Сентября 15 дня») было характерно вообще для всех канцелярских документов начала XVIII–XIX вв., хотя встречались примеры использования формы «в годе». Так, Н. И. Казакевич в книге «Западноевропейский фарфор в Эрмитаже. История собрания» приводит документ «Об отправлении в 1812 годе в девятнадцати ящиках вещей из Бриллиантовых комнат...» (Курсив мой. – А. О.) [92, с. 37].

Но, как оказалось, в документах конца XVIII – начала XIX вв. форма «в годе» использовалась не только в «оформительском» формате, а собственно в тексте. Приведем пример такого текста – формулярный (послужной) список П. П. Дубровского, знаменитого архивиста рубежа XVIII–XIX вв. и, значит, человека, имеющего последовательное образование и хорошо владеющего словом. Список составлен им «собственноручно» в 1807 г.: «Послужной список находящегося в Императорской Публичной библиотеке Хранителя Депо Манускриптов Коллежского советника Кавалера Петра Дубровского.

В 1783 годе февраля 8-го пожалован в актуариусы и отправлял должность секретаря посольства при бывшем тогда для особенных государственных дел во Франции чрезвычайном посланнике графе Моркове. В 1786 г. февраля 12-го произведен в переводчики и был посылай (посыльный. – А. О.) по требованию корреспондента блаженные и вечнодостоинные памяти государыни императрицы Екатерины втория с собственными ее величества делами в Петербург, откуда в 1788 годе отправлен с депешами в Вену, Ратисбон, Мюнхен и Франкфурт что на Мейне; а по возвращении в Париж немедленно посылай в Гишпанию с верными депешами а оттуда того же года в Португалию. Во времена революции французской, по причине отсутствия советника и секретаря посольства отправлял их должности один. По отъезде же и самого министра оставался при Поверенном в делах также один секретарем посольства. При удалении во все той же миссии из Франции имел поручение от него, Поверенного в делах, спасти секретные бумаги и шифры, которые и привез в целости в Брюссель, оставя все свое имение в Париже, коего ... знатная часть

была разграблена, остальное же и теперь там пропадает за невозможностью вывезти ее морем. Из Брюсселя приехал вместе с г-м Поверенным в делах в Гагу, где и оставался при Миссии по 1795 год и был посылай в Англию *в 1794 годе* с депешами к его сиятельству графу Воронцову, а по завоевании Голландии французами и когда уже неприятель со всех сторон запирает путь, спас Архивы посольства привезши их сквозь неприятельские армии <...> (Курсив мой. – А. О.)» [97, с. 10]. Большая цитата понадобилась нам для понимания контекста в употреблении словоформы «*в годе*»; она наводит на мысль, что, во-первых, формулярный список составлен человеком, близким к оформлению государственных бумаг, требующих особой отчетливости текста, а во-вторых, форма «*в годе*» присутствует в описании особо тревожного исторического момента (революция во Франции и наполеоновские войны). Разумеется, автор документа к этому не стремился, но читатель ощущает в этом некий высокий трагедийный смысл.

В 1808 г. неизвестным автором была издана первая биография Потемкина: «Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического», где также встречаем «*в годе*»: «*В 1776 годе* князь Потемкин к общему изумлению просил у императрицы позволения отправиться на несколько времени в свое наместничество для поправления расстроенного здоровья (Курсив наш. – А. О.)» [78, с. 57]. Таким образом, интересующая нас форма вновь появляется в историческом контексте и при описании жизни исторических личностей. Примем во внимание это читательское впечатление при обращении к следующим примерам.

Но прежде попробуем проследить, в какой мере форма «*в годе*» была свойственна устной народной речи, что могут показать нам, например, пословицы и поговорки. В этом смысле Словарь В. И. Даля ни одного примера использования в предложном падеже «*в годе*» не дает [67, с. 364–366]. Но современный «Большой словарь русских пословиц» дает одинаковое число примеров (по 2) использования в пословицах как формы «*в году*», так и формы «*в годе*»: «В прошлом *годе* был на моде, а в этом *годе* выхерить

хотят»; «В прошлом *годе* весна была красна, пенка росла толста»; «Девять в *году* радостей»; «Лучше раз в *году* родить, чем день-деньской бороду брить» [34, с. 185]. Заметим, однако, что использование разных форм в приведенных пословицах мотивировано ритмическими и рифмическими требованиями. Попробуем, к примеру, изменить: «В прошлом *году* был на моде...». Еще заметим, что форма «в *годе*» использована в пословицах, когда речь идет о вполне конкретном годе – «в *прошлом* годе». Использование обеих форм объясняется тем, что слово *Год*, появившееся от диал. *гóде*, *гóди*, *годь* «хватит», др.-русск. *годь* «время, срок» [272, с. 426], по правилам грамматики, должно было склоняться и склонялось по III типу склонения (сюда относилось небольшое количество слов мужского рода) и нормативно имело в местном падеже окончание *-e* (*-ѣ*); однако в результате «смешения» склонений по южнославянскому влиянию слово обрело в предложном (местном) падеже окончание *-у* (по типу склонения существительных мужского рода с основой на *-у краткое*), что и в произношении оказалось легче. «Старая» форма сохранилась (точнее, сознательно сохранялась), но преимущественно в документах и текстах, написанных людьми, воспитанными XVII–XVIII веком, особенно в бумагах филологически образованных людей, воспринимавших форму предложного (местного) падежа с окончанием *-e* (*-ѣ*) как единственно правильную, соответствующую церковнославянской морфологии.

Так, рукопись подробной автобиографии («Повести») И. М. Долгорукова, поэта, путешественника, историка и чиновника, содержит форму «в *годе*» в 11 случаях: «Правду сказать, мало было веселого для нас и в наступившем *годе*» [109, с. 101]; «К ноябрю месяцу поспел и рекрутский набор. Указом велено было собрать с пятисот трех и тем же образом, как в последнем *годе*» [109, с. 163]; «Но о сем говорить стану в будущем *годе*, который предопределен был на фатальные для меня последствия» [109, с. 170]; «<...> Дома, несмотря на заботы каждого почти лица, никогда так весело не было, как в настоящем *годе*» [109, с. 193] и др.

Для объяснения этого факта следует учитывать, что И. М. Долгорукову, как и многим образованным людям того времени, была близка позиция «старой» лингвистической школы, и когда в Петербурге «с великим провозглашением» открыта была «Беседа любителей русского слова» Г. Р. Державина, то «по всей России загремели газеты о сей Беседе, и новость носилась в устах каждого жителя Петербургского»: «Казалось, что один только день в месяц и полезен, тот, в который назначен съезд в Беседу» [109, с. 196]. Под этим впечатлением И. М. Долгоруков тоже «учредил» в своем доме во Владимире маленький подобный кружок, куда входили ближайšie друзья и даже сыновья-подростки (всего 7 участников): «Беседы наши заслуживали внимание благочинием своим, согласиём в распорядке и выбором читаемых предметов» [109, с. 198], чтобы воспитать «вкус своей словесности» [109, с. 196].

Над своим жизнеописанием И. М. Долгоруков работал почти до смерти; умер в декабре 1823 г. Но «Повесть...» его в полном виде опубликована лишь в наше время. И. М. Муравьев-Апостол был современником И. М. Долгорукова и, как видим, имел сходные литературные предпочтения. Думается, форма «*в годе*» органично отражала филологические ориентиры обоих авторов. Эта форма в сознании читателя «выделяла» автора в круг авторитетных литераторов «старой» школы, и, кроме того, будучи использована в заглавии, она сразу сообщала и соответствующее настроение восприятия.

Вот что еще интересно: форма «*в годе*» использовалась в текстах, написанных после выхода книги Муравьева-Апостола, т. е. после 1823 г. Самый неожиданный случай – в письме «арзамасца» А. С. Пушкина из Одессы в Петербург от 8 февраля 1824 г. – к А. А. Бестужеву, тоже противнику «старой школы» [17, с. 290–300]: «О твоей повести в “Полярной звезде” скажу, что она не в пример лучше (т. е. занимательнее) тех, которые были напечатаны *в прошлом годе* (Курсив мой. – А. О.)» [228, т. 13, с. 87–88]. Речь шла о статье А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение

1824 и начале 1825 годов», и, возможно, так Пушкин отреагировал на известие в статье о найденном издании Иоанна Экзарха Болгарского, «современника Мефодиева», и призывы Бестужева «ревностнее заниматься археологию и критикою историческою, сими основными камнями истории» [32, с. 406]. Впрочем, это единственный случай употребления Пушкиным формы «*в годе*», притом в имитированной «приятельской болтовне», характерной для литературного круга молодежи [284, с. 19]. Но случайно ли этот единственный случай «совпадает» по времени (1824 год) с изданием «Бахчисарайского фонтана» вместе с «бахчисарайским» фрагментом из «Путешествия по Тавриде *в 1820 годе*» Муравьева-Апостола?

Осознанно и последовательно употребляет эту форму в своем жизнеописании Иван Ертов; его сочинение так и называется: «Житие раба божияго Ивана Давидова сына Ертова, самим им писанное. Переписано и дополнено с рукописи в 1837 годе». Автор – выходец из старообрядческой купеческой семьи, ставший «мыслителем-энциклопедистом» [15, с. 13], и, стало быть, филологически подготовленным человеком. Вот начало его «Жития»: «Я не могу рассказать всех подробностей жизни отца моего, потому, что он умер, оставя меня в малолетстве *на двенадцатом годе* от рождения. Знаю только, что он служил сначала работником, выучился самоучкою грамоте, приезжал иногда в деревню, женился там, прижил с первую женою сына Козьму, овдовел, торговал, нажил небольшой капитал; потом *в 1768 годе* записался в С[анкт]-Петербургское купечество; женился в Петербурге на второй жене, моей матери <...> (Курсив мой. – А. О.)» [76, с. 45]. Приметим, что ориентация И. Д. Ертова на архаичные формы правописания прослеживается в его сочинениях и раньше, к примеру, в его работе «Картина просвещения россиян пред началом девятого надесять века» (СПб., 1799).

Есть пример использования формы «*в годе*» и в названии текста в жанре «путешествия» – «Путешествие в Англию К. В. Г. <князя Василия Голицына> в 1817 годе» [56]. Однако текст этот опубликован лишь в 2010 г.;

рукопись хранится в фондах РГАДА, и можно лишь строить предположения, была ли она известна И. М. Муравьеву-Апостолу и, наоборот, не воспользовался ли кн. В. С. Голицын примером Муравьева-Апостола в названии своего «Путешествия в Англию». Князь В. С. Голицын (1796–1836) имел очень хорошее образование; начинал службу в 1812 г. актуаристом (канцеляристом) в Министерстве иностранных дел, участвовал в заграничных походах русской армии; в Россию вернулся в 1819 г. [56, с. 278–281].

На основании проведенных наблюдений, думается, можно предположить, что форма «*в годе*» как вариативная к общепринятой даже в начале XIX в. форме «*в году*», но соответствующая правилам церковнославянской морфологии, употреблялась и иногда «закреплялась» в письменных источниках (текстах) конца XVIII – начала XIX вв.:

а) как обязательная в церковных текстах;

б) как нормативная – в текстах документов (актов) исторического характера и в текстах людей, имевших классическое филологическое образование XVII–XVIII вв.;

в) как демонстративно-нормативная – в текстах начала XIX в., авторы которых сознательно подчеркивали свою приверженность «старой» филологической школе и «ориентировали» свои сочинения в подобие сочинений «древних» («Житие» И. Д. Ертова, «Повесть» И. М. Долгорукова).

В какой функции использована эта форма у Муравьева-Апостола? Представляется, что автор «Путешествия по Тавриде в 1820 годе» таким образом подчеркивал основательность и значимость филологических достижений «Беседы любителей русского слова», к плееде литераторов которой он принадлежал. Кроме того, использование архаичной формы давало представление о «классической» исторической основательности предлагаемого им текста, его *эпичности*, что и формировало соответствующее настроение читательского восприятия. В какой мере содержание книги отвечало заявленному названию, станет предметом

исследования в следующих главах. А сейчас добавим, что форма «в годе» и позднее могла быть применена как прием историко-героической стилизации, высокого стиля, *эпичности*. Именно так нам видится ее употребление И. С. Тургеневым в письме к И. П. Борису от 28/9 ноября 1867 г.: «Перечел я в последнее время Л. Н. Толстого: экой сильный и свежий талант – но не в “Семейном счастье”, не в педагогических статьях – и должен прибавить, за исключением некоторых удивительных сцен – не в *1805 годе!* (Курсив мой. – А. О.» [270, с. 592].

Выводы к разделу

Литературную известность государственному деятелю в отставке И. М. Муравьеву-Апостолу принесли переводы западноевропейских и греческих авторов. «Письма из Москвы в Нижний Новгород» стали первым оригинальным произведением Муравьева-Апостола, позволившем автору использованием эпистолярной формы «представить» читателям свою литературную личность. Но самым значительным произведением Муравьева-Апостола является «Путешествие по Тавриде в 1820 годе»: И. М. Муравьев-Апостол навсегда закрепил за собой репутацию знатока античного мира. «Путешествие по Тавриде» скоро стало своеобразным путеводителем для крымских путешественников.

«Продолжение писем в Нижний Новгород», предпринятое Муравьевым-Апостолом в 1824 г., видится нам своеобразным «продолжением» светских разговоров о недавно (1823) вышедшем «Путешествии по Тавриде». Представляется, это было реакцией Муравьева-Апостола на замечания о «перенасыщении» «Путешествия по Тавриде» «научностью», цитатами на древнегреческом языке, полемикой с древнегреческими авторами.

В трудах о биографии и творчестве Муравьева-Апостола [111; 117; 125; 127; 266] «Путешествие по Тавриде» не получило пока должного изучения.

Текст «Путешествия по Тавриде» оказался «забытым» и не стал предметом рассмотрения в богатой литературоведческой практике по литературе путешествий.

В современном литературоведческом изучении жанр «путешествия» обретает характеристики как собственно художественного текста, так и публицистики. «Путешествие» рассматривается как информативный и, одновременно, популярный вид литературы. Предложенные учеными периодизации в развитии жанра путешествия предполагают наличие в текстах определенных типологических черт. В ряде работ отечественных исследователей не только систематизируются наработки предшественников, но и выявляются новые черты «путешествия», характерные для определенного периода и диктуемые изменениями в обществе.

Вместе с тем, в ряду наметившихся направлений по изучению литературы путешествий (рассмотрение «путешествия» в исторической логике содержательных разновидностей, в связи «практики путешествий» с культурным и историческим контекстом; анализ жанровой природы «путешествий», выявление «типологических черт» в литературе путешествий того или иного периода) все более расширяется работа по выявлению и анализу материалов «локального травелога» [160; 249; 258–260]. Это обуславливает дополнительный научный интерес к «Путешествию по Тавриде» Муравьева-Апостола как к одному из самых значительных в литературе о Крыме начала XIX века.

Жанр «путешествия», к которому обратился И. М. Муравьев-Апостол, требовал от автора учета «опыта» предшественников, в том числе трудов исследователей Крыма. По большому счету, «Путешествию по Тавриде» свойственен «диалог» автора не только с формально избранным приятелем-адресатом, но и с российским литературным кругом, и с кругом ученых-«классиков», и с широкой читательской аудиторией.

Оказываясь на «пересечении художественной и нехудожественной сфер» (М. Э. Шульгун), литература путешествий подчиняется «целевым»

законам жанра, но при этом, как доказывает М. Г. Шадрина, «авторская речь обладает стилистическими особенностями», и задача исследователей – «показать специфику функционирования языковых единиц с учетом многоаспектной организации «дорожного» материала» [286, с. 7]. В стилистической палитре текста немаловажную роль играет заглавие. С учетом того, что «путешествия», как правило, имеют « типовые » названия, Н. В. Иванова настаивает на изучении «специфики названия» [84, с. 3].

«Специфической» особенностью «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола стало использование «архаичной» формы «в 1820 году», что, на наш взгляд, определяет «регистр» восприятия текста еще до его прочтения.

Форма «в 1820 году» в названии определила книге широкое контекстовое «созвучие». Мы показали, что эта форма воспринималась не просто «устаревшей» на фоне общепринятой и в деловых, и в обыденных бумагах формы «в году». Приведенные «контекстовые» и хронологически соотнесенные примеры из разных сфер словесной культуры убеждают, что форма «в году» использовалась в довольно редких случаях:

- а) как обязательная в церковных текстах;
- б) как нормативная – в текстах документов (актов) исторического характера и в текстах людей, имевших классическое филологическое образование XVII–XVIII вв.;
- в) как демонстративно-нормативная – в текстах начала XIX в, авторы которых подчеркивали приверженность «старой» филологической школе и «ориентировали» свои сочинения на подобие сочинениям «древних» («Житие» И. Д. Ертова, «Повесть» И. М. Долгорукова).

Все примеры употребления формы «в году», приведенные в разделе, ориентированы на «высокий слог», и тексты эти принадлежат авторам «старой» школы образования и культуры речи. Подчеркнутое употребление словоформы «в году» пробуждает в сознании читателя мысли об исторически значимом, *эпичном*, несуетном.

Рассмотрение «Путешествия по Тавриде» в контексте современных литературоведческих исследований заставляет прийти к убеждению, что это сочинение соединило в себе самые неожиданные черты: и научного трактата, и научной полемики, и буквализма, и острословия, и приятельской «болтовни»; включило в себя и сиюминутные впечатления, и авторские фантазии, и описательную скрупулезность, и высокую патетику.

Цели и «материал» «путешествия» (т. е. увиденное и впечатление от увиденного), расчет на различные группы читательской аудитории определяют композиционно-стилистические приемы в тексте, формы диалога автора с адресатом. Поэтому в следующих главах мы подробно остановимся на тех аспектах биографии и творческих поисков Муравьева-Апостола, которые, на наш взгляд, определили как выбор цели и маршрута путешествия, так и общую тональность всего текста.

РАЗДЕЛ 2. АНТИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И «ПУТЕВОЙ» ПРОГРАММЕ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

История изучения античности в России имеет большую и многоаспектную традицию [35; 54; 71; 108; 140–142; 237]. В XVIII веке культивировалось знание классической древности и греческой истории; каждый просвещенный литератор России понимал значение античности в развитии общечеловеческой культуры и знания, видел свою деятельность в контексте античности, ее тем, философии, сохранения памятников, популяризации античной литературы. Среди ряда вопросов о влиянии античности на развитие русской литературы особого внимания требует в нашем случае история переводов на русский язык античных текстов, в частности, в первой четверти XIX века, когда Императорская Российская Академия наук предприняла несколько значительных изданий античной литературы на русском языке, когда сохраняли значимость строгие нормы классицизма в среде авторов, объединившихся в литературное общество «Беседа любителей русского слова». По мысли Л. Б. Прокопьевой, «классицисты нашли в античности те правила и образцы, которые были родственны их собственным литературным дидактическим задачам (культ разума, гражданственности, общественной пользы, просветительства)», а «сентименталисты обратили внимание на эмоциональный строй античной литературы» [222].

В общество «Беседа любителей русского слова» входил и И. М. Муравьев-Апостол; здесь он представил свои переводы Горация и оригинальный этюд о римском поэте; здесь, под влиянием общения с Г. Р. Державиным, думается, утвердились его литературные ориентиры,

проявившиеся не только в переводческой практике, но и в историко-философском и историко-культурном мышлении. В задачи раздела входит разработка таких аспектов исследования:

- психологические рефлексии И. М. Муравьева-Апостола и поиск «научно-литературного» поприща;
- историко-литературная характеристика деятельности и планы И. М. Муравьева-Апостола как переводчика;
- формирование «античного вектора» в программе путешествия по российской земле.

2.1. Переводческая практика И. М. Муравьева-Апостола и «Беседа любителей русского слова»

Развернутый обзор переводческой деятельности И. М. Муравьева-Апостола, с привлечением архивных рукописных материалов, был предпринят в диссертации М. С. Трошиной «Жизнь и творчество И. М. Муравьева-Апостола» [266]. В наши задачи не входит анализ и оценка переводческих опытов Муравьева-Апостола (это требует иной специализации и квалификации); мы стремимся выяснить, как постоянное совершенствование в знании античности и обращение к переводческой деятельности сформировали научные и художественные ориентиры писателя, какую роль сыграли в его литературной биографии.

У И. М. Муравьева-Апостола были все данные и для успешной служебной карьеры, и для литературного творчества. Получив хорошее воспитание и зная 8 языков, он отличался широтой литературных и исторических познаний, хорошим слогом, лингвистическим чутьем. К тому же дипломатическая служба за границей давала возможность совершенствовать лингвистические навыки, близко познакомиться с европейской литературой и культурой. Литературное творчество входило в круг традиционных увлечений просвещенного русского дворянства;

литературная деятельность и составит важное направление интеллектуальной жизни Муравьева-Апостола в 1805–1824 годы, когда он был уволен в отставку.

Интерес к античной истории, так ярко прослеживающийся в «Путешествии по Тавриде», появился у И. М. Муравьева-Апостола еще в начале 1800-х годов. Государственную службу он начал в 1784 году, в 1800 году – тайный советник; именно в это время готовился заговор против Павла I, к которому были причастны многие влиятельные чиновники, в том числе Н. П. Панин, вице-канцлер, непосредственный начальник Муравьева-Апостола. Муравьев-Апостол был осведомлен о готовящемся перевороте, и эта «осведомленность», по мысли В. А. Кошелева, стала причиной «почетной дипломатической ссылки»: летом 1801 года он был назначен на должность полномочного министра в Испанию [117, с. 197].

Дипломатическая служба закончилась в 1806 году; в России Муравьев-Апостол еще числился в службе по ведомству Иностранных дел, но проживал в своем имении Хомулец в Полтавской области [231]. Помочь ему не смог и влиятельный тогда двоюродный брат – Михаил Никитич Муравьев, попечитель Московского университета и Московского учебного округа, литератор, член Российской Академии наук: в 1807 г. он умер. Вынужденное одиночество и бездеятельность травмировали самолюбие Муравьева-Апостола, но, с другой стороны, свободное время в деревенской неторопливой жизни способствовало чтению, созерцательности, поиску и появлению новых увлечений, новых литературных занятий. Именно в родовом имении Муравьев-Апостол обратился к творчеству древнеримского поэта Горация. Следует учесть, что на то время он был уже известен своим переводом сатирической комедии Р. Б. Шеридана «Школа злословия» (1793) и «переделкой» на русские нравы комедии О. Голдсмита «Ошибки, или Утро вечера мудренее» (1794). «Вполне оригинальной пьесу Муравьева назвать нельзя, – еще в 1904 г. писал И. А. Кубасов, – в ней слишком заметно влияние его славных предшественников, например, Фонвизина» [124, с. 15].

И все же выбор обоих текстов, безусловно, не случаен и отражает интеллектуальные рефлексии Муравьева-Апостола в начале 1800-х годов. Более того, представляется, что широта творческих проявлений О. Голдсмита в какой-то мере стала примером в творческих решениях Муравьева-Апостола, а очерки «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке», поэма «Путешественник», обращение к истории Греции и Рима составляли «активный» материал в литературной памяти автора (о чем скажем далее).

В 1809 году на страницах журнала «Вестник Европы» был опубликован «Перевод Горациевой оды (К Гросфу на спокойствие)» И. М. Муравьева-Апостола. Характерно, что предварялась публикация «Письмом к Издателю “Вестника Европы” от Профессора Буле». Иоганн Теофил Буле, автор сочинений по философии и истории античного искусства, отмечал достоинства перевода: «Это шестнадцатая Ода из второй книги к Гросфу о беспечности и спокойствии, к коим стремится всякий смертный так, как к цели желаний. Она переведена с латинского верно и – что больше показывает труд переводчика и возвышает цену труда его – приведена в надлежащую меру и принорована вообще к гению новейшей поэзии, и в особенности российской» [42, с. 268]. Характерно и то, что рецензент знакомил публику с автором перевода, создавая его литературный образ совершенно в духе сентиментальной эстетики – образ уединившегося от суеты мудреца: «Переводчик сей Оды – ваш соотечественник, его превосходительство Муравьев-Апостол, бывший Российско-Императорский посланник в Мадрите, а ныне в сельской тишине живущий для наук и искусств изящных. Он преимущественно занимается творениями великого римского поэта, в коих собрано все богатство опытов, обширная философия жизни и совершенство поэзии в такой степени, какой мы не видим ни в одном новейшем, ни древнем стихотворце» [42, с. 268–269]. Более того, И. Т. Буле ставит переводчика оды Горация вровень с реформаторами в «новейшей поэзии»: «Сей перевод доказывает, как глубоко г. Муравьев-Апостол

проникнул в дух и смысл сего поэта в образе перемен, коих требовал вообще вкус новейшей поэзии, и в особенности свойство языка русского» [42, с. 269].

Важная деталь: в рецензии не столько уделено внимания качеству перевода (лишь в последнем абзаце своего предисловия рецензент останавливается на вопросах правописания), сколько личности переводчика. Это легко видится в «согласовании» настроений Муравьева-Апостола в вынужденном деревенском пребывании – с выраженными в оде Горация смыслами:

Коль настоящее приятно,
 О будущем не помышляй;
 И зная, счастье сколь превратно,
 Весельем горести смягчай.
 Низвергла ранняя смерть Ахилла,
 Титона дряхлость иссушила:
 Кто счастлив был со всех сторон?
 В чем рок скупой тебе откажет?
 С избытком, может быть, окажет
 В том мне свою щедроту он [176, с. 274].

Представляется также, что идея оды Горация не случайно повторена в предпринятом рецензентом прозаическом пересказе ее основных смыслов – т. е. «по правилам, предписанным для логического прозаика»: «Всякой стремится к счастливой, беззаботной жизни, так, как к предмету желаний; но весьма редкие находят стезю, ведущую к сей цели. Многие думают достигнуть ее посредством почестей и богатства; но меж тем как с ненасытною жадностью к ним стремятся, они расстроивают здоровье непрерывными и неизбежными заботами. Один только тот наслаждается прямым спокойствием в жизни, кто без разбору доволен всякою участью; он не забывает, что боги отказали смертным в совершенном блаженстве и что человек, какими бы ни наслаждался благами, должен чувствовать нужду в том, что дано в удел другому». Таким образом, поэтический и прозаический

(хоть и лаконичный) переводы соседствуют, усиливая эмоциональное впечатление, а рецензент попутно поясняет «личный» характер оды: «Гораций оживляет сии мысли, вспоминая о Титоне и Ахиллесе и приводя в пример Гросфа и себя самого» [42, с. 271]. Читателю остается только добавить, что переводчик также «оживляет сии мысли», «приводя в пример Гросфа и себя самого».

Продуманность композиции в рецензии И. Т. Буле, несомненный акцент на «личностном звучании» дает основание предположить, что профессору-«иностранцу» (так он называет себя в рецензии), который читал в России лекции в Московском университете на французском языке и статьи которого публиковались в переводе на русский, в составлении русского текста рецензии была оказана помощь. Легко допустить, что это был сам И. М. Муравьев-Апостол, тем более что установить переписку с ним было несложно: И. Т. Буле в 1804 г. был приглашен в Московский университет попечителем университета М. Н. Муравьевым, братом Ивана Матвеевича. В тексте рецензии есть указание, как перевод оды Горация попал к И. Т. Буле: «Г. Переводчик сделал мне честь, желая, чтобы я дал мой суд пред публикою о его переводе, особенно в том, удалось ли ему, несмотря на все трудности, кои должен был преодолеть, изобразить дух и смысл оригинала в мыслях и выражениях» [42, с. 269]. Есть в рецензии и своеобразное «приглашение» редактора «Вестника Европы» к дальнейшей (и, кстати, перспективной для Муравьева-Апостола) полемике: «Если вы, милостивый государь, в этом со мною согласны и можете гораздо больше ценить русского поэта в Муравьева-Апостоле, нежели я, то тем больше смею надеяться, что и вся образованная публика будет желать согласно с нами, чтобы г. Переводчик обогатил некогда русскую словесность подобными переводами Од Горациевых» [42, с. 270].

И действительно: уже в следующем номере того же журнала были напечатаны «Замечания на письмо Профессора Буле к Издателю Вестника Европы», автором которых был профессор Московского университета и

издатель «Вестника Европы» М. Т. Каченовский. Из названия статьи следует, что основная критика адресована коллеге по Московскому университету, который не сумел увидеть в работе Муравьева-Апостола недостатков. О самом же факте появления такого перевода М. Т. Каченовский пишет: «К чести нашей отечественной словесности, к удовольствию любителей древнего стихотворства, Г. Муравьев-Апостол переложил ее с латинского подлинника, и перевод сей, конечно, есть из лучших на русском языке» [103, с. 46]. Тем не менее, автор «Замечаний» признает его во многом неточным, некоторые слова переведены, на его взгляд, неверно; например, М. Т. Каченовский уверяет, что в строфе «А скука томная гнездится / В золотых высоких теремах» вместо «скука надлежало сказать *заботы*» [103, с. 52].

С. А. Фомичев предположил, что как раз этот спор двух профессоров изображен в несохранившейся комедии А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской» (работа над ней велась в 1809 г.; известна по пересказу С. Н. Бегичева): «Под Дрянским, несомненно, подразумевался именно Каченовский, сменивший Жуковского на посту редактора “Вестника Европы”. В комедии, видимо, имелись в виду и нападки Каченовского на “Письмо к издателю Вестника Европы от профессора Буле” (о переводе И. М. Муравьева-Апостола оды Горация), опубликованное еще Жуковским» [274, с. 63].

Как бы то ни было, оценку Каченовского следует признать сдержанно-положительной, и это было очень важно для И. М. Муравьева-Апостола, тем более что именно в эти годы (1807–1809) М. Т. Каченовский издал «Учебную книжку древнего греческого языка» и, несомненно, признавался авторитетным специалистом.

В «Переводе Горациевой оды (К Гросфу на спокойствие)» И. М. Муравьева-Апостола прослеживается державинская описательная традиция. Впервые это отметил В. А. Кошелев: «Перевод оды XVI из второй книги “Од” Горация представляет собою попытку Муравьева-Апостола

передать содержание классического римского стихотворения (с сохранением всех античных деталей и имен) в границах собственно русского стиха: четырехстопный ямб, одическая строфа, лексика и поэтические образы, принятые в одах и посланиях Г. Р. Державина (“Похвала сельской жизни”, “Капнисту” и др.). Эта попытка осталась в творчестве Муравьева-Апостола единственной: позднее произведения античной лирики он представлял только в виде прозаических переводов» [117, с. 251–252].

Знакомство и дружба с Г. Р. Державиным были очень значимы для И. М. Муравьева-Апостола. Знакомство писателей относят к началу 1810 года [127; 266]. М. С. Трошина считает, что во многом их сближению способствовало то, что оба пережили семейную трагедию – смерть супруги: «В этот период И. М. Муравьев-Апостол, расстроенный смертью первой жены, Анны Семеновны, и отставкой, все больше внимания уделял изучению античной литературы, жил то в Петербурге, то в Москве и общался с Г. Р. Державиным, который недавно пережил такую же семейную драму» [266, с. 36]. Возможно и это, но, разумеется, в первую очередь объединяла писателей общая позиция как в вопросах литературных, так и гражданских. Кроме того, Г. Р. Державин еще с 1775 г. был близко знаком с двоюродным братом Муравьева-Апостола, переводчиком М. Н. Муравьевым – по «Львовскому кружку»; это сообщало его отношениям с И. М. Муравьевым-Апостолом особую теплоту. По мысли В. И. Баевского, «не было в России явления более характерного, чем этот кружок» [16], собравший талантливую молодежь.

М. Н. Муравьев прошел путь от писаря Семеновского полка до попечителя Московского университета и Московского учебного округа; стал известным и признанным переводчиком. После смерти М. Н. Муравьева в «Вестнике Европы» [113] появилась статья выпускника Московского университета (с 1811 г. – профессор русской и латинской словесности в Царскосельском лицее; учитель А. С. Пушкина) Н. Ф. Кошанского «На кончину Михаила Никитича Муравьева», из которой приведем цитату:

«Узнал он все изящество великих умов древних, узнал их словесность и страстно полюбил их философов, друзей человечества. Он знал языки древние так хорошо, что латинскими стихами перевел Ломоносова Петрияду. <...> Вергилия и Гомера знал почти наизусть, и так любил греческий язык, что никогда не расставался с любимым философом своим Платоном и Димосфеном, <...> и столько был обогащен сведениями, что со всеми знаменитыми учеными, коим был прибежищем дом его, рассуждал о всех частях наук основательно и что даже <...> его с почтением называли живым лексиконом и библиотекой. Недавно, самым скрытным образом, без имени Автора, вышла его книга «Разбросанные черты Истории и письмен» – образец глубоких сведений в древностях» [113, с. 192–193]. Державин мог предполагать такие же достоинства и талант у И. М. Муравьева-Апостола.

14 марта 1811 года в доме Г. Р. Державина на Фонтанке прошло первое заседание общества «Беседа любителей русского слова». И. М. Муравьев-Апостол состоял в разряде, где председательствовал Г. Р. Державин. Уже на втором заседании общества (22 апреля 1811 года) Муравьев-Апостол с большим успехом выступил, читая перевод I Сатиры Горация. Во втором томе журнала «Чтение в Беседе любителей русского слова», печатном органе общества, был опубликован его прозаический перевод этой сатиры, параллельно приводился текст оригинала: как видим, Муравьев-Апостол, прислушавшийся к критике, выбрал для переводов другую форму, уходя, таким образом, от державинской традиции. Дополняло публикацию «Краткое рассуждение о Горации», в котором Муравьев-Апостол обозначил «главную, господствующую мысль» в сатирах римского поэта – «спокойствие духа и независимость – суть верховныя блага человека; умеренность есть вернейший способ к достижению оных» [181, с. 20]. Здесь же он призывал «просвещенных знатоков и любителей латинского языка» показать ему «ошибки и недостатки» [181, с. 24]. Видимо, именно поэтому перевод сопровождается текстом на латинском языке, а после даются подробные

авторские примечания. Представляется, что именно в этот период общение Муравьева-Апостола с Державиным было частым и доверительным.

О переводах Горация, выполненных Муравьевым-Апостолом, положительно отзывался К. Н. Батюшков, троюродный племянник и друг писателя. Но впервые родственники увиделись лишь в 1810 году; К. Н. Батюшков сохранил и передал впечатление от этой встречи в заметке «О Горации» («Листы из записной книжки», 1809–1810): «И. М. Муравьев-Апостол – любезнейший из людей, человек, который имеет блестящий ум и сердце, способное чувствовать все изящное, – сказал мне, что он не выпускает Горация из рук, что учение сего стихотворца может заменить целый век опытности, что он всякий день более и более открывает в нем не только поэтических красот, но истин, глубоких и утешительных» [23, т. 2, с. 27]. Хорошо осведомлен был К. Н. Батюшков и о деятельности Муравьева-Апостола в «Беседе любителей русского слова»; судя по всему, знал о планах его выступлений на заседаниях. Так, после первого заседания «Беседы любителей русского слова» Батюшков пишет письмо Н. И. Гнедичу (6 мая 1811 года), в котором просит рассказать о прошедшем чтении: «Муравьев-Апостол читал “Жизнь Горация”? – Я бьюсь об заклад, что это было хорошо» [23, т. 2, с. 167]. Позже, ознакомившись с журналом «Чтение в Беседе...», Батюшков пишет о своем отношении к обществу: «Зачем хочешь печатать в Беседе? По крайней мере, я не советую: надобно иметь характер и золота в навоз не бросать, истинно в навоз, ибо, кроме “Горация” Муравьева и Крылова басен, там ничего путного я не видел» [23, т. 2, с. 195]. Позднее, уже пребывая в Нижнем Новгороде во время войны 1812 года, Батюшков и Муравьев-Апостол будут обсуждать вопросы античной истории, что отразится и на будущем «Путешествии по Тавриде».

В 1812 году, в шестом томе журнала «Чтение в Беседе любителей русского слова» были напечатаны перевод Муравьева-Апостола 3-й сатиры первой книги Горация (текст оригинала уже не прилагался) и «Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать Сатиру 3-ю первой книги». В

«Рассуждениях...» находим объяснение автора о «предпочтении его к Горацию»: «Я не отрицаю от пристрастия к Горацию; все те, которые занимаются исключительно каким-нибудь классическим автором, легко впадают в погрешность сию; <...> но, несмотря на то, пристрастие мое еще не столько слепо, чтоб я захотел признаться в том, что весьма трудно совершенно оправдать Горация в непостоянстве политических его мнений; <...> можно не без причины о нем сказать, что он по обстоятельствам принимал на себя разные виды; и я на сей случай, хотя неохотно, но должен согласиться, что обвинение не вовсе без основания» [181, с. 73–74]. По всей видимости, он имеет в виду то, что Гораций после поражения Брута в битве при Филиппах (цель которой – восстановление Римской республики) стал сторонником Октавиана Августа, основателя Римской империи. Таким образом, Муравьев-Апостол не только переводит поэзию античного автора, но и выражает гражданскую позицию, близкую всем его коллегам по обществу, Державину в частности – патриотизм, верность своей державе и ее правительству, ревностная защита национальных начал и любовь к отчизне.

Можно уверенно утверждать, что Муравьева-Апостола привлекала в работе над переводом не только лингвистическая сторона дела, но и философское содержание текста, выражение авторской индивидуальности. Насколько это было значимым, свидетельствует сам факт не только публикации перевода, но и рецензии на перевод, а в литературной практике Муравьева-Апостола – возникновение, хоть и короткой, журнальной полемики вокруг его перевода. Вообще рецензирование чужих переводов было делом достаточно распространенным. Перевод как род интеллектуальной деятельности вовсе не выглядел приятным развлечением, а требовал большого труда и таланта. Просветительская традиция, предполагающая серьезное отношение к переводимому тексту, побуждает переводчика присовокуплять к переведенному тексту как предисловие, так и кажущийся ему необходимым комментарий. А публикация рядом перевода и оригинала было показателем ответственности переводчика и, надо признать,

смелости. Понятно, что Муравьев-Апостол стремился постигнуть определенные «эталоны» переводческой практики, и в этом смысле опыт Державина, переводчика Горация, Пиндара, Анакреона, Сапфо и др., особенно привлекал его.

Здесь следует добавить, что, помимо общих взглядов на литературные и государственные вопросы, Муравьева-Апостола и Державина объединяла взаимная личная расположенность, открывавшая возможность откровенного общения; можем даже предполагать, что именно личная доверительность в большой мере повлияла на дальнейшую литературную карьеру Муравьева-Апостола. Представить историю этой дружбы можно по сохранившимся письмам. Мы располагаем всего несколькими опубликованными письмами их переписки, но и в них находим важные моменты для понимания личности Муравьева-Апостола, а также характера его отношений с Державиным – во всяком случае, на момент переписки.

Так, 31 августа 1814 года, после публикации очередного письма Муравьева-Апостола из публицистического цикла «Письма из Москвы в Нижний Новгород», Державин в личном письме дал тексту высокую оценку. Державина, в частности, восхитило, сколько Муравьев-Апостол проявил «благородных чувств, учености, познаний, способности, вкусу, и, коротко сказать, совершенного мастерства и легкости изливать пером душу, дабы трогать сердца». В то же время его определенно огорчало, что Муравьев-Апостол был отстранен от государственной службы в связи с обвинением в участии в антипавловском заговоре. Это, пишет Державин, «будет укоризной сильной в потомстве веку нашему, что такие люди не заняты делами общественными» [70, с. 296–297]. Как видим, Державин был хорошо осведомлен о жизненной истории Муравьева-Апостола, более того, откровенно принимал его сторону.

Муравьев-Апостол очень скоро ответил на эту поддержку: в письме от 10 августа 1814 года он пламенно и искренне рассказывает о своей жизни, переживаниях, о несправедливом обвинении в заговоре, о «гнусной клевете»,

которая «отравила полдень жизни»: «Людей ищут: – говорите вы – *меня* искать не будут; это я знаю. Рука, которую и несправедливую противу меня, я лобызаю, – отвела меня навсегда от пути служения: повинуюсь и не ропщу. Несносно мне одно только – *ложное, несправедливое обо мне заключение*; если бы не оно, я почел бы себя щасливейшим человеком на свете». Муравьев-Апостол, отстраненный от государственной службы, видит свой «удел» в «семейственных добродетелях»: «Я и в нем не вовсе буду бесполезным Отечеству: выращу детей, достойных быть русскими, достойных умереть за Россию» [70, с. 299]. Такой эмоциональный ответ в очередной раз подчеркивает доверительный характер отношений двух писателей. Письмо отражает реальное состояние Муравьева: он постоянно помнит, что у него «отравлен» «полдень жизни»; он мало чего достиг; его мучает «несносная» мысль – «*ложное, несправедливое*» о нем «*заключение*» – мнение в глазах чиновников и общества, не дающее и надежды на будущее. Возможно, он рассчитывал на помощь в этом смысле со стороны Державина. Мог ли помочь Державин? Думается, помог уже тем, что принял его достойно и с вниманием в «Беседе любителей русского слова», ввел таким образом в активный литературный диалог, напомнивший Петербургу о Муравьеве-Апостоле.

Известно еще одно письмо Муравьева-Апостола к Державину, написанное 10 августа 1815 года в селе Старожилове Рязанской губернии, родовом имении его супруги, Прасковьи Васильевны. Это ответ Державину на просьбу вернуть книги, взятые Муравьевым-Апостолом в 1811 году, т. е. в период участия в заседаниях «Беседы русского слова». Вернуть вовремя Муравьев-Апостол их не смог, и «только один суматошный и вместе славный 12-й год» его «оправдывал». Письмо Державина долго не могло найти Муравьева-Апостола, поскольку в 1815 г. он «разъезжал», как он сам пишет в ответе, «по разным поместьям нашим Тамбовской губернии». Последнее обстоятельство важно, т. к. дает представление о значительной поместной собственности семьи и, соответственно, доходах. Но еще более важно знать,

о каких книгах шла речь? Как связано это с новыми творческими планами Муравьева-Апостола?

Сохранилась записка Муравьева к Державину, датируемая 1811 годом, в которой как раз содержится список этих книг: «Сделайте со мною великую милость, снабдите меня на короткое время:

- 1) “Путешествие Анахарсиса – перевод по приказанию Академии”
- 2) Тацита же перевод
- 3) “Всемирного Путешественателя”, Булгакова перевода – *или в сем роде какое другое повествовательное сочинение (выделено нами – А. О.)*.

Мне весьма нужны эти три рода, для сличений в слоге. – За целость и верность могу Вам ручаться; не только ничто не пропадет, но и листочек не загнется.

“Путешественника”, как слишком огромное сочинение, пожалуйста мне хоть 2 или 3 первые тома. – С душевным почтением пребуду навсегда Вам преданный Муравьев-Апостол» [70, с. 317–318].

Как видим, в списке книг – исключительно переводы, причем те, которые вышли недавно и о которых в те годы много говорили. Разберемся.

1. В 1802 г. по инициативе президента Российской Академии наук А. А. Нартова принимается целая программа подготовки силами членов Академии переводов древних и современных авторов: «Академия тщится в непродолжительном времени предоставить любителям изящных письмен некоторые из древних и новейших классических писателей на отечественный наш язык чистым слогом и исправно переведенные сочинения, над коими Господа члены Академии уже трудятся» [112, с. 110]. В программу переводов попал семитомный труд Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествия младшего Анахарсиса» (Paris, 1788) – по оценке Н. М. Карамзина, книга, «славнейшая из всех, вышедших в последнюю четверть осьмаго-надесять века», оживившая для читателя «Грецию со всеми ея великими мужьями и происшествиями, со всеми памятниками геройства, ума, философии, искусства и талантов; со всеми законами, обычаями и нравами» [112, с. 118].

Перевод первого тома принял на себя президент Академии А. А. Нартов, уже имевший опыт перевода сочинений Геродота («Повествования Иродота Аликанасскаго». СПб., 1763–1764). Остальные тома сочинения Ж.-Ж. Бартеlemi были распределены между членами Академии. Так, т. 2 переводил А. С. Никольский, т. 3. – Д. И. Хвостов, т. 4 – А. Ф. Севастьянов (ранее он уже переводил Бартеlemi: «О благополучии, из путешествия юного Анахарзиса, сочинение славного Бартеlemi; пер. с франц. СПб., 1798), т. 5. – В. М. Севергин, т. 6 – И. А. Дмитриевский и Я. А. Дружинин. Из них Д. И. Хвостов и Я. А. Дружинин были членами «Беседы любителей русского слова» (Я. А. Дружинин состоял с 1811 г. в IV разряде).

Однако именно к этому времени уже завершал свой перевод «Путешествия Анахарсиса» профессор Московского университета П. И. Страхов (1757–1813), и труд его вскоре был напечатан в Москве [21]. Перевод А. А. Нартова напечатан несколько позже – в Петербурге [22]. «Синхронность» в выходе двух переводов одной книги вызвала много толков в литературной среде. Видимо, эта тема возникала и в беседах Г. Р. Державина с И. М. Муравьевым-Апостолом, чем и объясняется его просьба к члену Академии Г. Р. Державину прислать перевод А. А. Нартова, изданный «по приказу Академии»: известно, что все члены Академии по выходе книги получили ее в дар.

2. Когда Муравьев-Апостол просит прислать «Тацита перевод», вероятнее всего, имеет в виду «Летопись», также изданную Академией. Ее переводчик – вице-президент Академии астроном С. Я. Румовский (1732–1815) – давно работал над переводом и сам предложил включить Тацита в планы изданий Академии [135]. Несомненно, работа была сложная и большая; при этом текст Летописи напечатан параллельно на русском и латинском языках: Т. 1 – 1806 г., 468 с.; Т. 2 – 1808 г., 279 с.; Т. 3 – 1808 г., 305 с.; Т. 4 – 1809 г., 319 с.

Но, как оказалось, все известные труды Тацита уже были переведены коллежским советником Ф. Т. Поспеловым (1759 – после 1824), среди них

«Летопись» (Летописи К. Корнелия Тацита / Переведено с лат. языка Ф. Пospelовым. Ч. I–III. СПб., 1805–1806) и «История» (История Кая Корнелия Тацита / Переведено с лат. языка Ф. Пospelовым. СПб., 1807) были переведены по распоряжению императора Александра I и посвящены императору. Переведенные Пospelовым книги Тацита были и разосланы за счет Кабинета Его Императорского Величества в Педагогический институт и губернские гимназии – это означало их безусловную оценку и признание. Знаменательно также в контексте нашей темы, что после окончания Московского университета, в 1784 г. Ф. Т. Пospelов служил под началом Г. Р. Державина (в то время исправлявшего должность Олонецкого губернатора); с Державиным и впоследствии переписывался постоянно. В 1802 г. Ф. Т. Пospelов назначен директором банка. Именно по рекомендации Г. Р. Державина Ф. Т. Пospelов 16 декабря 1811 г. был избран членом Российской академии [27]. Можно представить положение в этой ситуации С. Румовского, который, между тем, по оценке М. И. Сухомлинова, «возвышался над общим уровнем филологических и литературных понятий своего времени научной основательностью соображений и требований» [139, с. 84].

3. Третье издание в списке Муравьева-Апостола – «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового света, то есть: описание всех по сие время известных земель в четырех частях света...» в переводе Булгакова – заслуживает особого внимания, хоть автор письма несколько свысока называет его «слишком огромным» и считает возможным обойтись двумя–тремя томами. Это 27-томное сочинение французского литератора аббата Жозефа де Ла Порт (1713–1779) сразу заслужило всеобщее внимание. Несмотря на компиляции, оно содержало много интересной и полезной географической, исторической, естественнонаучной и этнографической информации. Именно поэтому к переводу полезной книги обратился известнейший русский дипломат, с чьим именем связаны утверждение Кучук-Кайнарджийского договора (1774) и этапы присоединения Крыма к

России, Яков Иванович Булгаков (1743–1809) [235, с. 468]. Его политические заслуги были высоко оценены Екатериной II; исключительным уважением пользовался он в русском обществе.

Выбор «Всемирного путешественника» для перевода Я. И. Булгаков объяснил в предисловии, где объяснил также, почему внес некоторые «изменения», по сравнению с оригиналом: «Дабы еще полезнее и внятнее для каждого учинить мой перевод, старался я некоторые места объяснить примечаниями, другие дополнять, ежели где случилось что важного по написанию уже сочинителем книги; в иных местах делал перемены, поелику счел их нужными, быв сам очевидцем тех вещей или достав вернейшие известия (...) Деньги, меры, весы, расстояния приводил я на российские, сравнения и уподобления предметов делал, сколько было возможно, с вещами, нами знаемыми; иногда же ссылался и на наши книги, о коих знал, дабы, ежели читатель пожелает что-либо обстоятельнее ведать об описуемой вещи, смог скорее найти, чем себя удовольствовать» [69].

Книга оказалась настолько интересной русскому читателю, что на рубеже XVIII–XIX веков выдержала три издания. Державин, который хорошо знал Я. И. Булгакова и переписывался с ним, очень любил эту книгу [235, с. 470].

Я. И. Булгаков обучался сначала в гимназии при Московском университете (учился одновременно с братьями Фонвизинными и Г. А. Потемкиным), затем в Московском университете; хорошо знал латинский и французский языки; с юности пробовал себя в переводческой работе, выбирая древних авторов. Был человеком чрезвычайно трудоспособным и самоотверженным. Именно такой человек мог взяться за перевод «огромного» «Всемирного путешественника».

Но вот важнейшая для нас информация: Булгаков работал и над переводом «Путешествия молодого Анахарсиса в Грецию» Ж.-Ж. Бартеlemi. Однако когда узнал, что в Московском университете этот текст уже переводит «молодой недостаточный», т. е. небогатый, человек (это был

П. И. Страхов), подарил ему свой незаконченный перевод (*рукопись введения, т. 1 и гл. 1 т. 2*) [235, с. 469]. К слову: Я. И. Булгаков еще и то располагало к Страхову, что этот сын священника, как когда-то Булгаков, обучался в гимназии при Московском университете, затем в Московском университете. Впоследствии, несмотря на сопротивление недоброжелателей, Страхов возглавил кафедру физики в университете, стал автором учебника на русском языке «Краткое начертание физики» (М., 1810); являлся деканом физико-математического факультета; в 1805 г. избран ректором Московского университета. Немаловажно также, что Страхов был лично знаком с Ж.-Ж. Бартеlemi: они познакомились во время научной заграничной командировки Страхова в 1775–1776 гг.; возможно, именно тогда родился замысел перевода.

Итак, круг замкнулся. Теперь понятно, что все востребованные Муравьевым-Апостолом тексты оказываются связанными одной ситуацией: они все имеют практически одновременные «двойные» переводческие версии, сделанные людьми известными и достойными. Вообще «параллельные» переводы одного и того же текста не редкость; в идеале это должно способствовать теоретико-практическим наработкам. И все же естественно ожидать, что читатели будут сравнивать переводы. Логично предположить также наличие в литературном сообществе «сторонников» и «скептиков» в отношении того или иного переводчика, а в связи с этим – сомнения в качестве (или даже самостоятельности) переводов. Нельзя исключать, что этим вызвано стремление Муравьева-Апостола «сличить слог». Судя по краткому (без всяких пояснений) содержанию записки Муравьева, Державин хорошо знал о его планах. Возможно, именно по совету Державина, Муравьев-Апостол готовил на эту тему основательную рецензию или специальное выступление в Российской Академии – в 1811 г., по рекомендации Державина, он стал ее членом. Война 1812 года перечеркнула все планы. Но тот факт, что в 1811 г. он смело брался за столь сложную работу, свидетельствует о его уверенности в собственных силах и

лингвистических знаниях, а также о его желании активной литературной деятельности.

Складывается такая картина. «Беседа любителей русского слова», Российская Академия и державинское окружение очень органично «ответили» на многие психологические вопросы И. М. Муравьева-Апостола, мучавшие его в 1806–1810 годы: как жить в условиях унижающей его отставки, в какой сфере реализовать интеллектуальный потенциал, как найти круг людей, способных оценить этот потенциал. Полученные Муравьевым-Апостолом еще в молодости представления о литературном труде, работе над словом последовательно культивировались в этом кругу литераторов. Вопреки многократно высказанным мемуаристами и затем исследователями негативным оценкам обществу «Беседа любителей русского слова» [58, с. 5–7; 196, с. 117–118], сегодня объективность требует отдать должное начинаниям и достижениям, историко-перспективным векторам, разрабатываемым в «Беседе». Характерно, что исследователь деятельности «Беседы» М. Г. Альтшуллер посчитал необходимым так характеризовать ее основной состав: «Самый беглый взгляд на список членов “Беседы”... не позволяет рассматривать общество как сборище бездарностей и тупых реакционеров. Перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Во главе “Беседы” стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно присутствовавший на заседаниях И. А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунина, Гнедич (формально к “Беседе” не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.» [8, с. 17].

Несомненно, основная организующая роль принадлежала самому Державину, и это хорошо сознавал Муравьев-Апостол. В «Письме четвертом» «Писем из Москвы в Нижний Новгород» Муравьева-Апостола

появляются два абстрактных персонажа – Неотин и Археонов, которые олицетворяют собой два разных взгляда на историю и развитие русской культуры: Неотин – сторонник «новой» школы (в более поздней терминологии – «новатор»), Археонов – «старой» (соответственно – «архаист»): «Оба с детства мне друзья; умные, ученые люди, которые много читали, а того еще лучше – рассуждали о том, что читали» [177, с. 19]. «Письмо», таким образом, построено как диалог двух героев, и Археонов убеждает оппонента в следующем: «Разве мы не вправе гордиться нашим Державиным, которого природа наградила гением удивительным, а случайность предохранила в воспитании от робкого, изнеженного вкуса французов? <...> Я смело утверждаю, что Державин много обязан незнанию французского языка: опутанный цветками, подделанными из атласа и тафты, не размахнулся бы никогда наш богатырь» [177, с. 25].

Доверительные отношения с Г. Р. Державиным И. М. Муравьев-Апостол поддерживал до самой смерти поэта. Концом 1816 – началом 1817 годов датируется одно из писем И. М. Муравьева-Апостола неизвестному адресату (по предположению В. А. Кошелева, им мог быть Д. П. Трошинский, сенатор и член Государственного совета, министр юстиции). В 1887 году письмо было опубликовано в «Русском архиве» под названием «Как я сделался Апостолом. Рассказ И. М. Муравьева-Апостола» и подзаголовком «Письмо к приятелю». Муравьев-Апостол рассказывает историю появления второй части своей фамилии, которую получил в 1801 году благодаря происхождению от последнего украинского гетмана Данилы Апостола. Тогда он унаследовал и имение Хомуец. Однако в 1816 году выяснилось, что завещание, в котором наследником значился И. М. Муравьев-Апостол, было переписано. Началось судебное дело, которое Муравьев-Апостол выиграл. Своими советами ему в этом помогали друзья, к числу которых он «с гордостью» относил двоюродного брата Михаила Никитича Муравьева, графов Строгановых и Державина: «Любя меня и славу мою, они прилежно занялись предметом сим, рассмотрели оное

со всех сторон и единоустно объявили мне, что я без всякого зазрения совести не только могу, но должен принять предложение Апостола» [168, с. 41].

Со смертью в 1816 году Г. Р. Державина закончились заседания «Беседы любителей русского слова». В послевоенной России все более ощутимым становилось движение «новаторов». Создание в 1816 г. «Вольного общества любителей российской словесности», куда с самого начала вошли как «архаисты» (в частности, Д. И. Хвостов), так и их противники (Н. И. Греч, например) [17, с. 442], означало новый этап в кругу литературных явлений рубежа веков. Живший в это время в сельском уединении Муравьев-Апостол имел возможность издалека постигать происходившие в литературных кругах процессы. К слову, в 1817–1818 годах «Вольное общество любителей российской словесности» пополнилось лишь четырьмя членами-сотрудниками.

Муравьев-Апостол вновь занимается переводом. Продолжением переводческих опытов явилось издание на русском языке комедии Аристофана «Облака» [171]. Во вступительной статье он обращается к читателям: «Одобрение знатоков будет служить мне лестнейшею наградою и может поощрить меня перевести, если не весь Театр Аристофанов, то по крайней мере, еще некоторые из его Комедий. Желать, однако же, я могу, но обещать сего не смею. В занятиях ума нужны три обстоятельства, необходимые для успеха, обстоятельства, коими я в полной мере наслаждался в течение минувшего лета: досуг, здоровье и то расположение ума и сердца, которое мы счастьем называем. За таковые условия кто может мне вперед поручиться?

Местечко Хомуец. Декабря 16 дня 1819 года» [171, с. XV–XVI].

Обратим внимание на две детали. Первая: книга Муравьева-Апостола опубликована в типографии Н. И. Греча, являвшегося открытым противником «Беседы любителей русского слова». Вторая: если верить дате в

предисловии к книге, работу над переводом Муравьев-Апостол закончил незадолго до путешествия в Крым.

Сказанное позволяет в какой-то мере представить диалектику литературного мышления И. М. Муравьева-Апостола и объяснить смену направлений его литературной деятельности.

Лингвистически одаренный и хорошо образованный, Муравьев-Апостол в дальнейшем самообразовании ориентировался на энциклопедизм, характерный для XVIII – начала XIX, сказывающийся и в том, что литературный труд и, в частности, перевод античных источников признавался достойным и полезным делом для нравственного воспитания общества. Занятия И. М. Муравьева-Апостола литературным переводом в 1790-е годы демонстрируют выбор серьезной тематики в новейшей западноевропейской литературе (Р. Б. Шеридан, О. Голдсмит).

При этом государственная служба рассматривалась Муравьевым-Апостолом как обязательное условие его жизни и успеха. Переживаемый им психологический кризис в годы отставки побуждал искать иное поприще реализации интеллектуальных возможностей. Во многом примером стал для него М. Н. Муравьев. Обращение к переводам Горация, сближение с Державиным и его литературным окружением, участие в работе «Беседы любителей русского слова» и выбор в члены Российской Академии – вот тот круг событий 1808–1811 годов, который позволил Муравьеву очень быстро стать в одном ряду с представителями интеллектуальной элиты России тех лет.

Отечественная война 1812 года, заграничные походы русской армии (в которых к тому же участвовали сыновья Муравьева-Апостола), взятие Парижа, актуализация в общественных настроениях патриотической идеи побуждали к созданию и публикации «Писем из Москвы в Нижний Новгород».

Смерть Державина, прекращение деятельности «Беседы любителей русского слова», жизнь в сельском уединении повлияли на то, что в 1816–

1820 годы Муравьев-Апостол вновь (как после отставки в 1806 г.) переживает этап неопределенности, поиска новой деятельности.

Позволим себе предположение, что в период долгого (возможно, неоднократного) чтения присланных Державиным книг и раздумий над ними Муравьев «ощутил» себя уверенно в русской переводной литературе. В тактике его литературного перевода «Облаков» Аристофана, похоже, это сказалось. Случайно ли, во вступительной статье он объявляет читателю о своем желании перевести едва ли «не весь Театр Аристофанов» – может быть, в подобие тому, как Ф. Т. Пospelов взялся за перевод *всего* Тацита? Рядом со своим переводом Аристофана он помещает греческий текст – не подобно ли тому, как член Академии С. Я. Румовский публикует свой перевод Тацита, поместив рядом этот текст на латинском языке?

Как член Российской Академии, он не мог не видеть и не учитывать, что и в и прошлом, и в его современности путешествие, а также литература путешествий не утратили актуальности во всех жанрово-тематических преломлениях (жанровые и содержательные модификации темы «путешествия» у О. Голдсмита, «Всемирный путешественник» Жозефа де Ла Порта и «поправки» к нему «по опыту» Я. И. Булгакова, «академические» путешествия по России П. И. Стрхова и мн., мн. др.). Описание научного путешествия традиционно востребовано читателем и всегда останется востребованным, особенно если сопряжено с историческим открытием «на местности». Думается, именно так зародилась и вызрела идея поездки в Ольвию и Тавриду, где еще можно рассчитывать своими глазами увидеть античные памятники. Кроме того, думается, личный пример Я. И. Булгакова, с его государственными заслугами конца XVIII века и «таврической» славой, с его разносторонней образованностью и столь же разносторонней деятельностью, сказывался в поисках «отставным дипломатом» И. М. Муравьевым-Апостолом достойного для себя поприща. И честолюбие, и немалые исторические и лингвистические знания, и жажда полезной

деятельности – не позволяли ему остановиться на декларируемых в переводах од Горация «деревенском спокойствии» и эпикурейских темах.

Насколько его планы путешествия подкреплялись содержанием уже существовавших книг об античной Тавриде – отдельная тема, которой посвящен следующий подраздел.

2.2. Античная Ольвия в «историописании» И. М. Муравьева-Апостола

Мы используем слово «историописание» не только потому, что оно созвучно эпохе И. М. Муравьева-Апостола, но и потому, что его греческие (от ἱστορέω «узнавать, исследовать, спрашивать») и славянские корни не вызвали бы упреков у членов «Беседы любителей русского слова». В современной исторической терминологии это слово иногда употребляется как синоним слову «историография». Однако правильнее использовать этот термин в отношении исторического текста, отличающегося от строгого исторического исследования. Мы опираемся на одно из значений термина, выделенное С. Г. Мереминским: «Историописание как “писание” истории в противовес историческому исследованию, основанному на научном анализе. Тем самым историописание явно или неявно противопоставляется исторической науке» [159, с. 17]. Такое содержание термина базируется на наблюдениях А. Г. Тартаковского, видевшего в историописании «промежуточный, смешанный тип исторического повествования», сочетающий «качества традиционного исторического сочинения с мемуарно-личностным» [256, с. 40]. Ассоциативная логика позволяет нам использовать термин «историописание» в отношении к замыслу книги Муравьева-Апостола и может быть аргументирована следующим рассуждением С. Г. Мереминского: «Целесообразнее и уместнее всего рассматривать историописание двояко: во-первых, как процесс создания исторических текстов, а во-вторых – как результат этого процесса, то есть совокупность

текстов о прошлом, написанных в определенное время и в определенном регионе» [159, с. 18].

Исследователи находят, что такой тип исторического повествования свойственен был Древнему Востоку, античным историкам; развивался в средние века и, в определенной мере, сохранился до первой половины XIX века – времени «окончательного оформления истории как научной и учебной дисциплины, утверждения новых стандартов издания и анализа источников»: «Главное же, что именно в это время произошла окончательная смена исследовательских установок: отныне авторы исторических сочинений прошлого практически всегда рассматривались не как предшественники, а как “источники информации”» [159, с. 20–21]. Это был период, когда история активно искала и определяла «средства выражения уже накопленных знаний о прошлом» [37, с. 10]. Нельзя не заметить, что в этот период нарушались жанровые границы «историописательных» текстов, что объяснялось потребностью и необходимостью (поставленными задачами и возможностями их решения) и авторской потребностью представить собственные доводы, вынести собственные оценки; в рамках одного текста соединялся самый разнородный материал, использовалась стилистика, недопустимая, по современным представлениям, историческому исследованию.

«Синтетические» «историописательные» тексты – явление в истории распространенное: «Чтобы далеко не ходить за примерами, можно указать хотя бы на «отца истории» Геродота, в труде которого с вполне «историческим» (как мы его сейчас классифицируем) материалом соседствуют экскурсы в области географии, этнологии, даже биологии» [159, с. 22]. Не этот ли пример Геродота в «историописании» сказался впоследствии в книге Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде»?

Примеры различных форм исторического повествования в провинциальных интеллектуальных кругах России конца XVIII приведены в работе А. А. Севастьяновой [240, с. 468–470] – они отражают важнейшие

этапы в истории исторической мысли и, главное, потребность образованных людей в историческом знании. Совершенно понятно, что сейчас эти тексты не всегда могут рассматриваться как безусловный источник достоверной исторической информации, но как исторический памятник своего времени – с наблюдениями, свидетельствами, гипотезами, полемикой, оценками, философскими представлениями о ходе истории – они сохраняют свою непреходящую ценность. В сущности, именно так сейчас оценивается нами и книга «Путешествие по Тавриде», сохранившая наблюдения, гипотезы, полемику, оценки, философские представления Муравьева-Апостола о крымской истории.

Нам сейчас трудно судить, как возник у Муравьева-Апостола замысел путешествия, которое «врывалось» в обыденные дела помещика с большой семьей. Поиск деятельности, притом той, к которой он ощущал себя хорошо подготовленным и которая отвечала бы его положению члена Российской Академии, определил и решимость предпринять научное (академическое) путешествие, и выбор направления – античное Причерноморье.

В этом смысле на выборе маршрута могли сказаться и семейные предания. Дело в том, что вторая жена Ивана Матвеевича (с 1812 г.) Прасковья Васильевна Грушецкая (1780–1852) была дочерью участника боев в Крыму (на Перекопе в 1771 г. и под деревней Шума в 1774 г.), кавалера многих орденов генерала В. В. Грушецкого (1743–1813), женатого на дочери прославленного генерал-аншефа кн. В. М. Долгорукова-Крымского (1722–1782), известного победами на Перекопе и взятием в 1771 г. у турок без боя и разрушений Керчи и Еникале (так лишив турок «ключей» от проливов) [10, с. 84–97]. Совершенно понятно, что в семье Прасковьи Васильевны, а с ее замужеством – и в семье Муравьевых-Апостолов славные крымские предания звучали постоянно и, следует предположить, у внучки Долгорукова-Крымского не однажды возникали идеи посетить Крым.

Для литератора Муравьева-Апостола такое путешествие предполагало выход итоговой книги. Вряд ли он видел ее контуры и стиль, но что такая

книга должна соответствовать его статусу члена Российской Академии и иметь научный характер, – было ясно с самого начала. «Античный вектор» в путешествии по Причерноморью и, соответственно, в книге – это то направление литературной деятельности, к которой И. М. Муравьев-Апостол справедливо считал себя подготовленным. Кроме того, у него сохранялись те критерии научного труда, которые достаточно долго культивировались в жанрах философского или историко-философского рассуждения. Для примера приведем фрагмент из подобного рассуждения, принадлежащий современнику Муравьева-Апостола, историку М. П. Погодина и опубликованный в альманахе «Северные цветы» десятилетием позже выхода книги Муравьева-Апостола – в 1832 г. Рассуждение называется «Нечто о науке (Отрывок из письма к графине N.)» и содержит такое определение науки и ее места в жизни человека: «Наука, искусство и общество – три великие пособия или лучше – три мира наслаждений для человека в здешней жизни.

Первое место между ними занимает наука. Искусство и общество входят в число ее предметов, дополняются ею, в ней получают свое значение и делаются собственностью человека. Знание присутствует в действиях и чувствованиях.

Обратимся теперь к науке, определим яснее понятие об ней и отношение ее к жизни.

Предмет науки составляет все, что есть и что происходит. <...>» [216, с. 131–132].

Характерно, что журнал «Телескоп» Н. И. Надеждина в рецензии на альманах «Северные цветы» о статье М. П. Погодина отозвался несколько, на наш взгляд, иронично: «Мысли сии вполне верные и основательные, представлены ясно, последовательно и, что особенно важно, проникнуты теплотой одушевления, которая должны найти доступ не только к уму, но и к сердцу любознательной графини <...>» [241, с. 354].

Действительно, современному читателю текст Погодина тоже покажется высокопарным и не вполне ясным. Но не стоит относить это лишь на счет автора «рассуждения». Обратившись к прозе в «Северных цветах», встретим естественнонаучные, философские и исторические «рассуждения» литераторов: «О жизни растений» М. А. Максимовича, «Важный спор» Ф. Н. Глинки, «Леон, или Идеализм (Отрывок из романа)» А. В. Никитенко, «Живой в обители блаженства вечного» О. М. Сомова и др. Таким образом, это вполне традиционная форма философской «беседы» с читателем (думается, графиня Н. здесь вовсе не причем). Более того, статья Погодина (как, кстати, и «О жизни растений» М. А. Максимовича) ценна нам уже тем, что доносит из эпохи 1820–1830-х годов атмосферу «единения» науки (знания) с литературой. Точнее сказать, это был тот этап, когда литература считала себя «полномочной» донести до читателя «новое знание» и «приохотить» читателя к наукам. В этом виделась, прежде всего, просветительская задача. В рамках подобных представлений о своей научной и литературной задаче, думается, размышлял И. М. Муравьев-Апостол. Именно в таком идейно-стилевом литературном контексте мы должны сегодня рассматривать его «Путешествие по Тавриде». Но, помимо литературного контекста, следует учитывать и те конкретные факторы, которые повлияли (или могли повлиять) на его научные планы и в конечном итоге привести к решениям о жанровой форме будущей книги.

Что рассчитывал увидеть Муравьев-Апостол в ходе предстоящего путешествия? Что ожидал найти в Тавриде – не разрушенным временем и историей войн? В этом смысле следует опереться на те теоретические и практические наработки современных исследователей, которые, возможно, помогут уловить, какая идея-представление руководила Муравьевым-Апостолом в процессе подготовки к путешествию. Под обаянием какого образа Крыма он находился? Обратимся к современной теории «крымского мифа».

В конце XVIII – начале XIX вв. идет активное познание Северного Причерноморья и Крыма, в частности: ученые, государственные деятели, писатели, путешественники приезжают на полуостров, чтобы исследовать новоприсоединенные земли, изучать экономические и политические перспективы края, а также находить вдохновение для творчества. Современные литературоведы видят необходимость в обобщении материала, связанного с «характером отображения Крыма в русской культуре» [145, с. 1]. Так, в начале 2000-х годов А. П. Люсый, ориентируясь на уже сформулированное В. Н. Топоровым понятие «Петербургский текст», предлагает термин «Крымский текст», который, по мнению ученого, является «южным полюсом» петербургского литературного мифа и порожден мифом Тавриды [146, с. 5].

В формировании представления о Крыме немалую роль играли путешественники, которые «открывали и измеряли места для будущей культурной вспашки почвы» [146, с. 6]. Первым автором, привнесшим крымскую тему в русскую литературу, А. П. Люсый называет «поэтического Колумба Крыма/Тавриды», «перво-поэта Крымского текста» С. С. Боброва [147, с. 5]. Характерно, что в середине 1790-х годов в творчестве поэта на первый план выходит тема античности: С. С. Бобров посетил южный край, увидел развалины Херсонеса и эти впечатления вдохновили его на написание самого значительного произведения – описательной поэмы «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе». При этом М. Г. Альтшуллер замечает в поэме Боброва «слияние личных впечатлений С. С. Боброва от путешествия по Крыму, восприятия традиций античной культуры, давней тяги поэта к английской литературе» [8, с. 232].

Далее, по теории А. П. Люсого, тему развил К. Н. Батюшков в своей элегии «Таврида» (1815), написанной еще до посещения Крыма. Последнее обстоятельство позволяет, по мнению исследователя, видеть «романтическое преломление Крымского текста» [146, с. 7]. Следующий этап развития Крымского текста Люсый связывает с именем еще одного «перво-поэта» –

А. С. Пушкина; благодаря его творчеству происходит «окончательное открытие Тавриды и закрепление за ней высокого и полноценного статуса» [146, с. 8]. При этом, однако, как думает исследователь, происходит и «смещение» литературных приоритетов: «Разочарование Пушкина видом “Митридатовой гробницы” и ироничное прощание с Крымом в “Отрывке из письма к Д.” как прощание с погребаемым поэтом жанром “литературы путешествий”» [146, с. 8].

Процесс демифологизации Крымского текста, а также «вспышку краеведно-публицистического интереса к местности» А. П. Люсый относит к годам после Крымской войны. Еще один этап в развитии «крымского текста» связан с именами В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, А. Белого, В. В. Набокова, О. Э. Мандельштама, М. А. Волошина; на смену мифу Тавриды приходит Киммерийский литературный миф [146, с. 9].

Теоретические установки А. П. Люсого были в какой-то мере оспорены, уточнены и дополнены М. В. Строгановым в рецензии на книгу «Крымский текст в русской литературе» (Новое литературное обозрение, 2003) и статье «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» (2006). М. В. Строганов замечает, что Люсым не была освещена специфика крымского текста как локального пространства [253, с. 72]. Ученый формулирует специфику крымского мифа: «В основе поэтики локальных текстов лежит превращение художественного образа в реальность – метаморфоза, в результате которой происходит мифологизация пространства. В нашем конкретном случае Крым – это, во-первых, сад, а во-вторых, курорт» [253, с. 72–73].

Так, формирование определенного образа Крыма М. А. Волошин относит к 1820-м годам и связывает его с творчеством А. С. Пушкина. М. В. Строганов придерживается той же точки зрения: «Решающую роль в формировании крымского текста с его концептами “сад”, “курорт”, и “туризм” сыграли не С. С. Бобров, хотя его “Тавриду” читали все, и не многочисленные путешественники (от П. С. Палласа до И. М. Муравьева-

Апостола), оставившие подчас весьма содержательные и интересные записки. <...> Такой авторитет имел молодой поэт Александр Пушкин, опубликовавший в 1824 г. поэму “Бахчисарайский фонтан”, в которой он и создал первый крымский миф, так сказать, национального масштаба» [253, с. 73].

В. А. Кошелев в книге «Таврическая мифология» (2015) также отмечал, что обычно в сознании северорусского человека с понятием «Крым» связано представление о «курорте», «райском саде», но обращает внимание, что при восприятии «локального пространства Крымского полуострова» с самого начала присутствуют много разноязычных текстов: византийский, греческий, гунуэзский, татарский, русский [119, с. 8]. Все эти «составляющие» «крымского текста» исторически мотивированы и реально в крымской культуре представлены. Но какое историко-культурное значение обретает в этом смысле крымская «античность»?

Об античной составляющей «крымского текста» говорили и в рамках международной научной конференции «Крымский текст в русской культуре», которая была организована в сентябре 2006 года Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), Сорбонной и филологическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета. Так, О. М. Гончарова в статье «Крым как Византия (вторая половина XVIII века)», ссылаясь на письма Г. А. Потемкина Екатерине II, а также на путевые впечатления П. И. Сумарокова, заключает, что образ «Эдема в Тавриде» был в целом характерен для русской культуры и литературы уже в конце XVIII – начале XIX века; именно в это же время Крым «переосмыслился» и как греческое пространство («Греческий проект» Екатерины II). Вторую половину XVIII века исследовательница называет «временем интенсивного освоения семантического потенциала Крымского мифа и идеи “Византийского наследия”» [57, с. 19–20].

Последние несколько лет крымскими литературоведами также разрабатывалась теория «крымского текста». В. В. Курьянова в кандидатской

диссертации «Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого» (2013) предприняла попытку разграничить «культурологическое и филологическое понимание сверхтекста, которым является топиический текст, в частности Крымский текст» [129, с. 5]. С. О. Курьянов обращается к теоретическому обоснованию понятий «крымский миф», «крымский мотив», «образ Крыма» и «крымская тема», при этом отмечая шесть инвариантов *Крымского мифа*: «христианский», «восточный», «райский», «античный», «военный», «курортный» [129, с. 64]. *Крымский мотив*, в его трактовке, – любой из тех или иных мельчайших смысловых элементов Крымского мифа, как закрепленных в известных произведениях (Херсонес, крещение Владимира, храм Дианы и т. п.), так и не закрепленных или проявившихся в произведениях, неизвестных массовому читателю (например, географические и этнографические приметы [130, с. 172]. *Образ Крыма* базируется на восприятии и освоении Крыма автором, а затем и читателем (зрителем, слушателем), который получает и набор сведений, и своеобразный информационный код к ним [130, с. 173]. Тема – это комплекс проблем и явлений, отраженных в литературном произведении, объединенных единой направленностью, которая подчинена замыслу автора; *Крымскую тему* каждый художник раскрывает по-своему, добавляя чему-либо известному новые черты (топонимы, этнографические детали, особенности развития, истории, культуры) [130, с. 174].

При всех очевидных расхождениях в понимании «крымского мифа» мы улавливаем одну общую характеристику, «увязывающую» «византийский, греческий, генуэзский, татарский, русский» тексты (В. А. Кошелев) в литературе о Крыме – это их актуализация в определенные исторические периоды в художественной литературе и исторической науке.

В. В. Орехов рассуждает в этом смысле таким образом: «Думается, причина в особом значении крымского мифа для русской культуры. Этот миф дарил ей то, чего ей отчаянно не хватало: *свою* античность, *свое* Средневековье, *свой* чарующий юг, *свой* сказочный Восток, наконец, *свою*

вожделенную и идеальную «обитель дальнюю трудов и чистых нег». Крымский миф русской культуры с полным правом можно было бы называть крымской мечтой! Мечтой, достижение которой не *было* навязано сверху, а естественно и добровольно было принято коллективным сознанием как общенациональная задача» [193, с. 419]. А все те «античные детали», которые в свое время подметили иностранные спутники Екатерины II в ее путешествии по Крыму в 1787 году, – вовсе не развлекательные элементы: «Названные на греческий манер города, балаклавский батальон “греческих амазонок” и другие атрибуты “греческого” быта должны были сообщить спутникам Екатерины, что, благодаря России, в Северном Причерноморье на смену кочевому, воинственному варварству приходит возрожденная и обновленная греческая культура» [193, с. 334].

Однако в какой мере «античность», если ее вычленишь из тематических направлений «крымского мифа», является собственно мифом, а не исторической реальностью (или пока не подтвержденной исторической истиной)? Для Муравьева-Апостола наличие античных городов в Крыму было не мифом, а исторической данностью: об античной истории в Тавриде у хорошо известных ему древних историографов содержится немало сведений, пусть и не «проверенных на месте». Как миф он это не воспринимал, но допускал историческое искажение, нарушение хронологии, пространственных координат. Потому в конечном итоге в его «Путешествии по Тавриде» немало полемических по отношению одна к другой ссылок.

Общая диалектика заселения Причерноморья греками такова. Причерноморье было населено воинственными племенами, поэтому греческая колонизация замедлилась, и все же с VII в. до н. э. на берегах Черного моря стали возникать греческие поселения и города, Причерноморье обрело свою «эллинскую кайму» [54].

«Проверка» этих сведений есть задача уже русских исследователей, и складывается она из последовательного и скрупулезного обнаружения и изучения античных памятников. Именно это «Необходимость и возможность

широко исследовать древности возникла только после приобретения Новороссии и Крыма, – пишет В. В. Орехов. – Однако исследовательский процесс наталкивался здесь на вполне объективные и разнообразные трудности. Памятники не были выявлены и описаны. Школы собственной по изучению античных и средневековых памятников не было. Если бы раскопки нужно было вести в центре империи, то вопрос решался бы проще. Но археологические сокровища оказались на краю страны, где не было никакой инфраструктуры и в то же время была постоянная угроза новых военных действий» [193, с. 206]. Это утверждение можно отнести и к районам близ Одессы – античной Ольвии.

Сегодня археологические раскопки приводят историков ко вполне конкретным историческим выводам. Но в начале XIX века разговор о некоторых античных городах в Тавриде и Новороссии велся в ряде случаев на гипотетическом уровне и требовал «изучения на месте». В 1782 г., еще до присоединения Крыма к России, на полуостров прибыла экспедиция адъютанта В. Ф. Зуева, которому, среди прочего, Российская Академия наук поручила описывать старинные городища, курганы и другие древности. Это была тяжелая экспедиция, поскольку именно в это время разразилось восстание татар против хана Шагин-Гирея, и потому пришлось преждевременно прервать поездку. Затем были научные путешествия К. И. Габлица и П. С. Палласа, ориентированные на всестороннее описание полуострова и ставшие важным этапом в открытии древних памятников [100; 190]. Этот проявленный интерес к памятникам старины после путешествия Екатерины II и Александра I по Крыму «способствовали распространению среди русского дворянства *традиции посещения полуострова с познавательными целями* (выделено нами. – А. О.)» [288, с. 87].

Направление «познавательных целей» Муравьева-Апостола уловить легко – античность в русском Причерноморье. И в Императорской Российской Академии наук интерес к античности проявлялся все более, обретая исследовательский характер, тем более что в 1818 г. президентом

Академии становится С. С. Уваров, антиковед, автор широко известных на то время работ по древнегреческой литературе и археологии [278, с. 270–272]. Кроме того, С. С. Уваров являлся попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, что также влияло на направление исследовательской работы и учебной деятельности. Характерно, что С. С. Уваров создал при Академии Азиатский музей, призванный стать научно-исследовательским центром востоковедения. Это означало, что и пресловутая «восточность» как экзотика заменяется в общественном сознании на важное историческое, этнографическое и лингвистическое направление исследований, в которых научные критерии обретают первостепенную важность. В образованном в 1819 г. С.-Петербургском университете был открыт на историко-филологическом факультете разряд (кафедра) восточных языков.

Новые «контуры» предстоящей исследовательской работы во всех направлениях научной деятельности нельзя было не заметить: умозрительность сменялась строгим исследовательским началом (постановка на новый уровень изучение древней словесности, обнаружение и регистрация древних памятников, археологические раскопки, научное описание артефактов и сохранение их). В этом давно назрела потребность. В 1807 г. Н. Ф. Кошанский перевел на русский язык и издал, при поддержке М. Н. Муравьева, книгу французского археолога Обена-Луи Миллена «Руководство к познанию древностей» (это была первая книга по археологии на русском языке), а чуть позднее – двухтомную «Ручную книгу древней классической словесности, содержащую археологию, <...> древности греческие и римские» немецкого искусствоведа И. И. Эшенбурга (1816–1817); эти книги должны были познакомить всех занимающихся древней историей с современными европейскими методами археологической работы.

По утверждению Э. Д. Фролова, антиковедение в это время вступает в новый этап развития: «Процесс формирования этой науки затянулся на столетие с лишком, поскольку проходил он как бы в два этапа, с большим перерывом посередине. Первоначальное внедрение антиковедных занятий в

России, связанное с основанием Петербургской Академии наук и Академического университета, если и не пресеклось совершенно к последней трети XVIII в., то сильно замедлилось, после чего движение возобновилось лишь во второй трети XIX в., но на этот раз оно увенчалось разительным успехом <...> Как бы то ни было, окончательное оформление занятий греко-римскими древностями в преемственное научное направление происходит в России в 1-й половине XIX в.» [278, с. 262]. Более того, пришло время углубленного изучения античности, «свободного от прежнего классицистического лоска» [278, с. 262]. Актуализация в эпоху С. С. Уварова «восточного» и «античного» векторов академического знания объяснимо: «Признание огромного значения Востока как колыбели человеческой цивилизации не мешало ему (С. С. Уварову. – А. О.) видеть культурное родство России с европейским Западом и в античности усматривать общий с Западной Европою источник образованности и культуры. Только для России он признавал большее значение не латинской образованности, как это было в случае с Западной Европой, а греческой, через Византию смыкавшейся с Древней Русью» [278, с. 268].

В этом смысле русских знатоков античности, а в том числе Мурвьева-Апостола, помимо античного Крыма, интересовала группа Новороссийских античных городов, среди них – Ольвия, одна из «наиболее ярких звезд в плеяде греческих колоний, рассеянных по берегам Понта Евксинского»: «Ее выдающееся положение в истории Причерноморья объясняется не только той ролью, которую она играла в политике, экономике и культуре региона, но и самим характером памятника, степенью его изученности и потенциальными возможностями, в нем заложенными» [47, с. 5]. Первые путешествия в Ольвию оценены современными историками в соответствии с осуществленными наработками: «В конце XVIII в. туда (в Ольвию. – А. О.) отправляются П. Сумароков и П. С. Паллас, правильно локализовавшие в своих трудах местоположение Ольвии у с. Ильинское (соврем. Парутино) в низовьях Буга и описавшие остатки ее развалин.

Первая попытка создать краткий очерк истории Ольвии на основании известий древних авторов и данных нумизматики принадлежит голландскому эмигранту И. П. Бларамбергу. Практически одновременно с ним выпустили свои труды Д. Р. Рошетт и П. Кеппен, не бесполезные для своего времени главным образом тем, что они ввели в научный оборот новые эпиграфические памятники; последний, например, одновременно с Г. Келером впервые издал знаменитый Протогеновский декрет, снабдив его скромным комментарием» [47, с. 7]. Впрочем, историки считают, что перечисленные труды, «несмотря на удачные наблюдения, ни по охвату источников, ни по методическому уровню их изучения нельзя признать в полном смысле научными исследованиями» [47, с. 8]. А мы заметим также, что в этом списке нет имени И. М. Муравьева-Апостола, что может означать лишь одно: никаких открытий в Ольвии с этой книгой историки не связывают. Но Ольвия была первым «античным» объектом в плане путешествия Муравьева-Апостола. В его книге «Путешествие по Тавриде в 1820 году», состоящей из двадцати пяти писем, первое, одесское, датируется 11 сентября 1820 года, когда И. М. Муравьев-Апостол и его супруга прибыли в Одессу. Рассказ об «одесских» и «ольвиопольских» впечатлениях достаточно скоро вышел отдельным изданием в 1821 г. [172], а позднее вошел в качестве первой главы в книгу «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823).

Ольвия (др.-греч. Ὀλβία – счастливая, богатая) – античная греческая колония, основанная выходцами из Милета в первой четверти VI века до н. э. на правом берегу Днепро-Бугского лимана к югу от современного Николаева и современного села Парутино (Очаковский район Николаевской области). Об Одессе Муравьев-Апостол предпочел ничего не писать, ограничившись признанием, что «страстно любит Одессу»: «А как рассказам влюбленного о любезной худо верится, так лучше и мне прейти в молчании прелести, которые, статься может, говорят только моему сердцу, а не иного» [180, с. 256]. Для И. М. Муравьева-Апостола Одесса – место отдыха и покоя, время здесь – подобно «Алкионовым дням». Так, уже в первых строках мы видим

подчеркнутое стремление автора во всем искать ассоциации с древним миром и культурой. Алкион (греч.) – «зимородок»; по одному варианту мифа, Алкиона бросается в море, узнав, что ее муж утонул, и превращается богами в зимородка. Зимородок высиживает яйца на берегу моря зимой, и Зевс повелел ветрам утихнуть на это время: по семь дней до и после зимнего солнцестояния. Эти 14 дней морского зимнего спокойствия называются «алкионовыми днями» («зимородковыми днями»).

Несмотря на небольшой объем одесского письма, Муравьев-Апостол делает в нем громкое заявление, касающееся истории: «Новую нашу Одессу я полагаю не на том месте, где древняя стояла». В своем выводе он основывается на повествованиях древних географов – «Перипле Арриановом и Безыменном, который не иное что, как превращенная в прозу Географическая поэма Скимна Хиосского» [180, с. 257].

Авторы периплов (греч. «плыть кругом, огибать») описывали морские плаванья вдоль берегов; сегодня выделяют два вида периплов: описывающие морское путешествие и дающие практическое руководство мореплавателю. Один из самых известных и значимых для нашей истории – «Перипл Понта Евксинского» («Объезд Черного моря») Флавия Арриана. Плавание Арриана состоялось в первой половине 130-х гг. Характерно соединение в тексте самого разнородного материала: названы встречающиеся на пути населенные пункты, приводится расстояние между ними в стадиях; описано расположение гаваней и крепостей, донесены некоторые сведения о народах Восточного Причерноморья и их правителях; в текст вписываются некоторые мифы (об аргонавтах, Прометее и др.) Именно поэтому «Перипл Понта Евксинского» Арриана и сейчас считается важным источником для изучения римского периода истории Колхиды [72, с. 56]. «Перипл...», кроме того, – одно из первых литературных путешествий, и текст этот был примером описания географии и истории края. Говоря современным языком, это был «синтетический жанр» «путешествия-историописания», и его обаяние «свободного» письма постоянно ощущал Муравьев-Апостол.

«Географическая поэма» Скимна Хиосского (Псевдо-Скимна) предположительно была написана в 90-е годы до н. э., хотя Скимн жил в III–II веках до н. э. Приписываемый Скимну стихотворный трактат в ямбах – географическое описание стран европейского Средиземноморья и прилегающих к Черному морю государств, причем в своих наблюдениях автор основывается на еще более древних трудах. «Безыменный» – «Анонимный перипл Понта Евксинского» – также греческое географическое сочинение V в.; по мнению исследователей, является расширенной редакцией перипла Арриана [5, с. 13–14]; кроме того, анонимный автор основывается и на поэме Скимна. И. М. Муравьев-Апостол высказывает свой взгляд на эти исторические источники, считая оба перипла не самостоятельными сочинениями, а «переделкой» «Географической поэмы» [180, с. 253], что, несомненно, предполагает детальное знание этих текстов, долгое размышление над ними и их сопоставительный анализ. Ясно, что такое заявление Муравьева-Апостола рассчитано на специалистов-«классиков», обычному читателю потребуются многие комментарии.

Следующее «одесское» письмо Муравьева-Апостола написано в Парутине, где, предположительно, и находилась древняя Ольвия. Написано оно в неожиданной манере – это не описание увиденного, это – сон, который переносит читателя на много веков назад: на «пространной набережной площади», рядом с «городом, стеной обнесенным», повествователь случайно встречает собеседника – «такого же странника», «коего любопытство влечет далее на Восток, может быть, посетить Тавриду, о которой столько говорят и так мало знают» [180, с. 257]. Странник-незнакомец рассказывает о своих путешествиях: к берегам Лидийского Царства, Троаду, Витинию и Понт, Колхиду, Севастополь, Фанагорию, Пантикапей, на «Скифский полуостров». И теперь вот Муравьев-Апостол встретил его в Ольвиополе – «знаменитом торговлей городе, средоточии Скифского приморья» [180, с. 257].

«Собеседником» во «сне» И. М. Муравьева-Апостола оказался Дион Хрисостом (Златоуст) – древнеримский оратор и философ греческого

происхождения. Антиковедам известно, что любимым жанром Диона Хрисостома являлась диатриба, «выросшая» как жанр из публичной философской проповеди киников и стоиков, литературно обработанной. Константными признаками диатрибы называют обличительный пафос, морализирование и всевозможные ораторские приемы, помогающие доказать философский тезис. По мнению М. Л. Гаспарова, диатриба – специфическая устная форма речи, импровизация; развивалась она из сократической беседы и немислима без общения с аудиторией, обмена репликами. Ученый подчеркивает, что при письменной фиксации диатриба сближалась с литературным диалогом, трактатом, памфлетом или другим традиционным жанром, и потому о диатрибе можно говорить не как о жанре, а как о комплексе приемов [53, с. 131].

Очевидно, что часть ольвинопольского письма И. М. Муравьева-Апостола – подражание этому древнему жанру: читатель становится свидетелем «проповеди» прославленного оратора, который говорил с «несметной» толпой жителей; но вот из толпы выходит «пожилой человек по имени Росон» и просит Диона рассказать о современных философах: «Мы, Дион, худо понимаем все эти уточнения Философии, которыми вы теперь славитесь; для нас, как ты сам знаешь, один на свете поэт – Омир; и для немногих из нас, из числа коих я, один только Философ – Платон...»[180, с. 263]. Реплика старца побуждает Златоуста рассказать о Фокилиде (древнегреческом поэте из Милета, жившем в VI веке до н. э.).

Итак, в своем «Путешествии» Муравьев-Апостол не ставил никаких композиционно-стилистических преград, даже если это нарушает динамику повествования – во всяком случае, при первой публикации отрывка об Ольвии в 1821 г.

Отметим, что речь Диона Хрисостома после издания 1821 г. повторно внесена (с небольшим предисловием) в издание «Путешествие по Тавриде в 1820 году» в качестве приложения («Перевод отрывка из речи, Вористенскою называемой, Диона Хрисостома»). Сам И. М. Муравьев-Апостол так

объясняет воображаемому адресату «одесского письма» пространно переданный «сон»: «Вот тебе, любезный друг, сон мой. Ты, конечно, скажешь, что он долговат, – согласен; может быть, найдешь, что он немного бредом пахнет, – и это дело возможное, но когда судьба Ольвии, по видимому, такова, чтобы о ней бредили не только новейшие, но и древние, то для чего бы возбранно было и мне в очередь свою побредить; хотя, впрочем, могу уверить тебя, что все то, что мне грезилось о ней, взято мною из Диона Хризосома, коего повествование я почитаю любопытнейшим из всех дошедших до нас о сем городе в последнем периоде его бытия» [180, с. 265]. Кроме того, в сноске автор поясняет читателю дополнительно: «Читатель простит мне бред мой: я хотел поместить здесь все сказанное об Ольвии Иродотом и Дионом и вместе дать описанию моему живость драматическую; для сего я не мог придумать другого средства, как только видеть во сне то, чего наяву представить было невозможно» [180, с. 268]. В конце книги помещен перевод отрывка из Дионовой речи, *Vorysthenica Oratio XXXVI*. По сути дела, Муравьев-Апостол, избежав подробного рассказа об увиденном, как бы «передал слово» «очевидцу» процветания Ольвии Диону; себя автор тоже называет «очевидцем», описывающим, однако «не город, а прах оного».

После такого «драматического» отступления И. М. Муравьев-Апостол продолжает рассказ об Ольвии; указывает, что точное местоположение древней колонии – «Стомогильное урочище». Такому открытию, по мнению писателя, мы обязаны случаю: «Управителю села Порутино, который, отрыв урну с медалями, поступил с ней (и спасибо ему за это) так, как Эзопов петух с жемчужиной – отправил ее к помещику своему» [180, с. 266]. Но характерно, что Муравьев-Апостол не останавливается на описании уже найденных артефактов, отдавая должное археологическим раскопкам: «Теперь уже и местоположение оной (Ольвии – *A. O.*) не есть проблема: открыты здесь мраморные доски с надписями, основания зданий, обломки Статуй, урны и бесчисленное множество медалей – все это *служит уже не*

догадками, а математическими доводами (выделено нами. – А. О.) к тому, что Ольвия подлинно стояла на самом том месте, которое здесь называется *Стомогильным Урочищем*» [180, с. 265].

Учитывая, что два одесских письма открывают книгу «Путешествие по Тавриде» и написаны ранее остальных разделов (напомним о публикации 1821 г.), мы обязаны с особым вниманием отнестись здесь к повествовательным поискам автора. На основании композиционного анализа можно сказать следующее.

Во-первых: безусловным информативным «центром тяжести» «одесских» («ольвиопольских») писем являются исторические суждения Муравьева-Апостола об Ольвии, основанные на переведенных свидетельствах из древних источников и подкрепленные приложенным Муравьевым-Апостолом планом Ольвии. Автор книги гордился составленным планом: «О планах я могу говорить с полным уверением в их топографической точности, а особливо о первом, Стомогильном урочище, коим я обязан дружбе почтенного адмирала Грейга, посылавшего снимать оный нарочно для меня» [180, с. 253]. Отметим, что и сейчас среди трех сохранившихся планов Ольвии, относящихся к 1822–1823 гг., историки выделяют план в книге И. П. Бларамберга «*Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia*» (1822) и план, приложенный к «Путешествию по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола. План в книге Муравьева-Апостола, как отмечает В. А. Папанова, отличается своей «живописностью»; «рельеф местности обозначен с большей условностью и допусками, однако его исполнителям нельзя отказать в добросовестности» [212, с. 20].

Во-вторых: заметно, что Муравьев-Апостол «уходит» от вопросов археологических открытий последних лет, не сосредоточивает на них читательского внимания, что можно объяснить недостаточной осведомленностью, справедливо признаваемой автором. Именно поэтому немало текстового пространства занимают исторические и философские дискуссии, организованные сюжетом «сна» и фрагментом перевода диатрибы

Диона Хрисостома. Включение значительных переводных «массивов» в текст «путешествия» свидетельствует об уверенности автора в точности своих переводов.

В-третьих. Текст организован в форму писем другу, которому также близка «археологическая» тема и которому автор в самом начале, как бы между прочим, объясняет избранную им манеру письма: «Во время путешествия моего я буду писать к тебе исправно, но дневных, путевых заметок от меня не ожидай; я буду говорить тебе только о том, что покажется мне достойным любопытства твоего. Как любителю учения древностей, я буду сообщать тебе мои о них *соображения, догадки, бреды* (выделено нами. – А. О.); ты из всего выберешь то, что, может быть, не вовсе будет недостойно внимания» [180, с. 253]. При этом «письма» подчеркнута не содержат «церемонных» приветствий, но зато завершаются весьма информативно. Так, письмо первое («Одесса») заканчивается словами «Я сажусь в коляску; прощай!», а второе («село Парутино») – фразой, изюминку которой составляет игра слов: «Письмо мое уже слишком длинное. Итак, прощай, друг мой; будь во всем благополучным, в существе *благополучным*, а не по слову только, как была Ольвия». Чтоб читатель уловил антонимическое содержание, в подстрочнике автор поясняет: «*Ольвия* на греческом языке значит *благополучная*» [180, с. 254].

Все сказанное позволяет нам отнести «одесские письма» к «синтетическим» формам «историописания»: они содержат богатый историографический материал (систематизация, перевод, толкование древних источников), скрупулезно «корректируемый» на «исторической местности» и «подкрепленный» свидетельской ролью автора-путешественника. Но чем объяснить такой выбор повествования? Выскажем свои предположения.

Думается, Муравьев-Апостол учитывал современный ему «археологический» контекст. Будучи членом Императорской академии, он знал о предпринятой в 1821 г. академической экспедиции в Северное

Причерноморье «профессионального антиковеда» академика Е. Е. Келера; экспедиция продолжалась 5 месяцев: с 29 мая по 31 октября; с в его маршруте были Ольвия (Парутино), остров Березань, Очаков, ряд античных поселений в окрестностях Ольвии, Крым. В поездке его сопровождал французский архитектор Эжен Паскаль, которому поручалось сделать «зарисовки эпиграфических находок, планы и чертежи археологических объектов и оценить возможности реставрации памятников» [267].

Разумеется, и археологические знания, и практические возможности Е. Е. Келера, директора 1 Отделения Эрмитажа, для «целевого» научного исследования были неизмеримо большими, нежели у Муравьева-Апостола. В эти сроки (1821 год) Муравьев-Апостол уже работал над итоговой книгой о путешествии в Тавриду, в частности, над первой ее частью – о путешествии в Ольвию. Может быть, в предчувствии исследовательской ответственности, Муравьев-Апостол в издании 1823 г. в самом начале предупреждает, что «желал бы» дать своему труду заглавие «*Опыт* путешествия по Тавриде», объясняя это тем, что восемь недель, которые он провел на полуострове, недостаточны для «обозрения земли классической, заслуживающей на каждом шагу прилежное исследование, где, невзирая на истребление памятников, столько еще осталось следов, по которым можно выводить заключения, служащие к пояснению древних Истории и Географии Тавриды» [180, с. 252]. Такое предупреждение обуславливал определенный алгоритм читательского восприятия: автор книги антиковед-переводчик Муравьев-Апостол предпринял «обозрение» древних памятников, но впереди – «прилежное исследование», на которое он не претендует. Таким образом, уже с первых страниц книги он ищет форму повествования, которая, по его литературному предчувствию, не должна была выглядеть легковесной в научном смысле и, в то же время, должна была сохранять сюжетную привлекательность для любого читателя. Следовало найти и «доверительную» форму подачи материала, что обеспечивалось формой

«писем к другу». В какой мере это удастся автору, рассмотрим в следующей главе. Но прежде остановимся еще на одном характерном факте.

В Ольвию совершил две поездки – 1817 и 1819 гг. – и П. И. Кеппен, впоследствии академик, но в тот период еще начинающий 26-летний исследователь. После поездки он в течение нескольких лет собирает все новые и новые печатные сведения об Ольвии, готовясь выпустить солидную книгу. В 1822 г. при поддержке гр. Кушелева-Безбородко П. И. Кеппен опубликовал снятый им план Ольвии [186]; но «целиком» книга так и не была издана. Найденная в наши дни рукопись этой книги («Ольвийского Сборника») П. И. Кеппена высоко оценивается историками: материалы Кеппена, наряду с «романтическим описанием Ольвии И. М. Муравьевым-Апостолом», и сейчас знакомят читателя «с первоначальным видом руин городища» [187].

Найденная рукопись П. И. Кеппена, кроме того, останавливает наше внимание тем, что, во-первых, автор, как и Муравьев-Апостол, прибегнул к форме «письма к другу», а во-вторых – рукопись сохраняет все видимые признаки жанра «путешествия». Разумеется, ни о каком заимствовании и вторичности речи нет. Возможно другое: П. И. Кеппен, при данном себе задании подготовить итоговый научный труд, почувствовал себя недостаточно готовым в профессиональном смысле и остановил свой выбор на многократно апробированной до него форме «путешествия по историческим местам». Жанр путешествия позволил ему широко включать философские и лирические отступления, так что его описания руин Ольвии можно назвать «романтическими». Приведем один фрагмент: «На другой день пошел я еще раз к развалинам Ольвию, и опять любуюсь Бугскими и Днепровскими водами, спустился к берегу. Стены, поросшие плющом, город, заросший бурьяном... Обращаюсь назад за 30 веков – какая разница! Места, некогда одушевленные деятельностью Греков, Буг, покрытый судами, гора, украшенная прекрасными зданиями, чертогами и храмами – какая перемена – время все истребило! Ныне по развалинам ползут змеи, а хищные птицы

(ястреб) пожирают свою добычу на мраморных отломках... Отошедши еще несколько шагов, заметил я место, где, вероятно, некогда была пристань, – видны были остатки моста. Слышал я, что в гору был ход; уверяли меня также, что некогда на два дня пропал солдат, который вздумал спастись в горе и с фонарем ходил по подземельям (пещерам). Но самого входа показать мне не умели, а видел я рытвины и сам входил в одну пещеру, из которой, по уверению проводника моего, крестьяне брали камень для постройки домов». Заканчивается глава-письмо традиционной для эпистолярных форм фразой – о «следующем письме»: «Зимою Буг переезжают на санях. Здесь переночевал я, дабы видеть Николаевское депо. О нем скажу вам в следующем письме» [187].

Путешествие по историческим местам вовсе не исключает подлинного историзма. Важно, что и Кеппен, и Муравьев-Апостол стремятся основательно подготовиться к путешествию, изучая исторические источники, и продолжают работать с научными материалами в период работы над рукописями. В частности, о серьезной подготовке Муравьева-Апостола к предстоящему путешествию говорит то, что автор довольно долго изучал различные источники по истории и географии, о чем написал в начале книги: «Хотя путешествие мое продолжалось только два месяца, но я готовился к нему два года, в течение которых занимался, почти исключительно, чтением всего того, что, относительно к Тавриде, находится в древнейших повествователях и Географях (так в тексте. – *А. О.*), в Летописях средних веков и в описаниях новейших путешественников» [180, с. 253]. Но если И. М. Муравьев-Апостол в своем сочинении называет имена «древнейших» (Страбон, Плиний, Птолемей и другие) и в дальнейшем в книге ссылается на их труды, то на «новейших, собственных наших писателей» он не дает ссылок, объясняя это «опасением чрез меру испестрить книгу примечаниями» [180, с. 253].

Вместе с тем И. М. Муравьев-Апостол совершенно осведомлен о «новейших» археологических разработках и о проблемах, связанных с

сохранением и изучение древних памятников. На страницах «ольвиопольского» повествования появляются сюжетные зарисовки (сцены), изображающие, как автор-путешественник буквально «под ногами» видит бесценные свидетельства старины. Так, прогуливаясь по черноморской набережной, в месте, где предположительно находилась древняя Ольвия, он с помощью своего «чичероне» обнаруживает под водой каменные плиты, что для него явилось лучшим доказательством, что когда-то на этом месте действительно была набережная площадь, на которой, возможно, выступал и сам Дион Хрисостом: «Если бы я нашел Этрусскую вазу или даже белого Грифона, я не думаю, что бы так обрадовался находке моей, как этому открытию, которое чрез сии плиты, водою подмытые и в реку обрушившиеся, неоспоримо мне доказало, что пристань и площадь Ольвии были на том самом месте, где я видел их во сне» [180, с. 268]. Но к радости примешивается «печальное впечатление», а правильнее сказать – глубокая тревога и возмущение: «Все изрыто здесь! Все ископано! Увы! Нет покоя и праху бедных Ольвиополитанцев от потомства угнетавших некогда их *варваров!* – Вместо того чтобы, следуя методу, систематически делать ископания, которые, без всякого сомнения, довели бы до какого-нибудь любопытного открытия, здесь мужик с заступом идет, куда ему заблагорассудится, добывать *денежек* и *горшков*. Разроют ли где могилу и найдут ли основание здания, тут берут камень для строения, мрамор на известь; и оттого, где ни ступишь здесь, то увидишь обломки камня или отбитые от урны ушки. Нельзя в этой картине без ужаса видеть, что то, чего не успели истребить варвары, чего не успело и всеразрушающее время, то едва ли (не) довершила рука невежества» [180, с. 268].

Насколько значимым оказался этот взрыв негодования со стороны члена Императорской Академии наук И. М. Муравьева-Апостола (наряду с отчетом члена Академии Е. Е. Келлера об «академической» поездке 1821 года), свидетельствует тот факт, что вскоре последовало Высочайшее повеление императора Александра I от 4 июля 1822 года («О сохранении

памятников древности в Крыму»; выделялось 10 тыс. руб. на реставрацию ряда исторических объектов [217, с. 322–324].

«Высочайшее повеление» было опубликовано в XI номере «Журнала Департамента народного просвещения» за 1822 год. И. М. Муравьев-Апостол заслуженно должен был ощущать себя причастным ко всем мерам по сохранению «достопамятностей». О «Высочайшем повелении» он с надеждой пишет в примечаниях к «Путешествию по Тавриде в 1820 году», которое готовил к выпуску в 1823 году.

Ольвия вызывала широкий интерес просвещенных путешественников. Насколько значимыми оказались для современников «ольвиопольские» сведения Муравьева-Апостола, свидетельствуют путевые «Заметки» А. С. Грибоедова, в частности, лаконичная, но убедительная фраза: «Сто-Могилы при устье Буга, остатки Ольвии или Борисфена весьма замечательны для путешественника (см. Муравьева)» [61, с. 372; 205].

В современной исторической науке есть мнение, что И. М. Муравьев-Апостол был одним из первых античных нумизматов в России: «После присоединения Северного Причерноморья к Российской Империи в новоприобретенные земли устремились экспедиции Петербургской Академии наук под руководством В. Ф. Зуева и П. С. Палласа, множество русских и иностранных путешественников – Л. С. Ваксель, И. О. Потоцкий, М. Гатри, П. И. Сумароков, Э. Д. Кларк, И. М. Муравьев-Апостол и другие., которые стали первыми коллекционерами античных монет Причерноморья» [87, с. 11].

Собирание древностей в частных коллекциях само по себе не новость в изучении древности. Особенно когда «древности», что называется, «под ногами» или их надо спасти от переплавки, банальной потери, попадания к некомпетентным лицам. Во многих случаях содержимое частных коллекций не скрывалось, являлось предметом гордости и показателем просвещенности обладателя. Описания коллекций обнародовались, давая толчок для исследовательского анализа, сравнений и проч. Этот период в

археологической науке – достаточно широкий и предшествующий системным археологическим поискам – называют «антикварным периодом». В России «антикварный период» связывают с XVIII – началом XIX вв., и характеризуется он как «начальный этап» русской археологии – с присущими ему энциклопедизмом в науке, с созданием археологических коллекций [213], которые нередко передавались владельцами государству.

Что касается И. М. Муравьева-Апостола, то о своем интересе к нумизматике (собранию «медалей») он писал и сам, но называл себя начинающим, «учеником» и «оглашенным» в этой области; а своему другу, коли хочет он «много любопытного узнать» о «медалях», рекомендовал: «Поезжай в Одессу и познакомься с г. Бларамбергом. Кроме того, что всегда выгодно знакомство с человеком приятным и умным, ты найдешь в нем истинного знатока, а в собрании его медалей – сокровище в отношении к Ольвии. Сверх сего, он имеет у себя доски с надписями, урны, статуи и другие редкости, открытые в Парутине» [180, с. 271]. Упоминание о Бларамберге кажется нам неслучайным и, возможно, сам факт знакомства с этим человеком много значил для Муравьева-Апостола и его размышлений о будущей «ольвиопольской» книге.

И. П. Бларамберг (1772–1831) – известный исследователь древностей на побережье Черного моря; на русской службе – с 1804 г. В то время, когда Муравьев-Апостол приехал в Одессу, И. П. Бларамберг являлся начальником Одесского таможенного округа; одновременно, при поддержке М. С. Воронцова, много занимался археологией; был дружен и тесно сотрудничал с выдающимся археологом И. А. Стемпковским (впоследствии И. А. Стемпковский издал «Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Ворисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 году остатков древности в Одессе полковником Иваном Стемпковским»), с А. Ф. Панагидором-Никовулом – страстным археологом, великолепным переводчиком с древнегреческого языка, хоть и «оригиналом по физиономии

и по одежде», как писал о нем Н. Н. Мурзакевич в «Воспоминаниях». Позднее И. П. Бларамберг был назначен директором музеев древностей в Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.). И немаловажным фактором такого назначения стало то, что в 1822 г. в Париже вышло сразу два его труда: «Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus, pres du site de l'ancienne Panticapée» (о древностях Пантикапеи-Керчи) и «Choix des médailles antiques d'Olbiopolis, ou d'Olbia, avec une notice sur Olbia» («Описание древних медалей Ольвии, или Ольвиополя, находящихся в Одессе, в кабинете г. Бларамберга»). К изданию был приложен план Ольвии, а также 21 таблица с 204 изображениями и 29 монограмм.

Думается, что Муравьев-Апостол уже 1820 г. в Одессе узнал о подготовке этих изданий от самого Бларамберга и предполагал, насколько значимыми в историческом отношении они будут. Нельзя исключать, что именно это обстоятельство побудило Муравьева-Апостола выступить в 1821 г. со своей книгой об Ольвии, где ему хотелось представить исключительно свои, *самостоятельные*, соображения и доводы, без оглядки на научные труды, без претензий на какую-либо научную конкуренцию. Для этого следовало выбрать в книге совершенно особую интонацию и «угол зрения». И, как мы убедились, он выбрал и реализовал в «ольвиопольском» сочинении 1821 года «эпику» философско-исторического экскурса, обрамленного в жанровые рамки частного путешествия.

Но в его понимании это вовсе не исключало требований исторической точности. Так, при первой публикации письма из Ольвии (1821) он обнаружил допущенную ошибку в периодизации («от Августа Октавиана до Александра Севера»), немедленно написал письмо «К издателям “Сына Отечества”» (№ 35, 1821), в котором «исправлялся» перед читателем: «Хотя разность сия нимало не уменьшает силы *отрицательного* доказательства о пресечении бытия Ольвии в периоде, мною назначенном, но погрешность в Нумизматике столь велика, что я обязанным себя считаю просить вас, Милостивые Государи мои, как можно скорее исправить оную напечатанием

письма сего в вашем Журнале не столько для меня, *оглашенного* в Нумизматике, как для Г-на Бларамберга, не заслуживающего разделять со мною осуждение знатоков» [127, с. 163].

Когда оба издания Бларамберга вышли в Париже, Муравьев-Апостол уже напряженно работал над «Путешествием по Тавриде». Не мог он не знать о научном резонансе, произведенном работами Бларамберга, а также о том, что член Императорской Академии наук (с 1809 г., по предложению Г. Р. Державина), президент Московского общества любителей истории и древностей Российских (с 1 января 1823 г.), генерал-лейтенант в отставке А. А. Писарев переводит на русский язык «Описание древних медалей...» Бларамберга. Издание вышло в Москве в 1828 г., когда А. А. Писарев стал попечителем Московского учебного округа и Московского университета.

Между тем журнал «Сын Отечества» (1821, № 25) в разделе «Современная русская библиография» сообщил о книге Муравьева-Апостола об Ольвии первой в списке изданий 1821 года. Была присовокуплена и небольшая рецензия: «Один почтенный любитель и знаток древней Литературы (И. М. Муравьев-Апостол. – *А. О.*), на путешествии своем в Тавриду, посетил и тот ныне скромный уголок, который некогда занимала Ольвия. Желая придать жизнь и движение своему описанию сего любопытного места, он рассказывает нам сновидение, в котором переносится в древнюю Ольвию и описывает ее словами Софиста Диона Хрисостома, оставившего нам сведения о ней в одной из Речей своих. Присовокупив к сему мечтательному изображению сведения о положении и нынешнем состоянии сего места, Автор сообщает и точный перевод всего отрывка из Дионовой речи, подавшего ему материал для составления сей статьи. Мысль, чувство, передающиеся нам из древнего мира, подобны дуновению прохладного ветерка в томительный зной полудня! – Мы читали сию книжку с большим любопытством и удовольствием, и досадовали только на два или три галлицизма, которые встретили нас в начале самой книжки и во вступлении в отрывок из Диона, и поразрушили восхитительное очарование,

переносившее нас на площадь Ольвии благополучной» (СО 1821. № 25. С. 232–234). Как видим, по мнению автора заметки, ольвиопольский «сон» не затягивал действия (как видится современному читателю), а, напротив, придавал «жизнь и движение» авторскому «описанию».

Кстати, романтический сюжет из прошлого древней Ольвии создает в 1825 г. и археолог И. Стемпковский: о любви к прекрасной Хрисеиде двух друзей, Индара и Радаиса, связанных клятвой дружбы. Преступивший клятву Индар поразил себя мечом на глазах Радаиса; Радаис не смог пережить потрясения. О дружбе юношей сохранилась память в легенде о Кургане близ Ольвии [252]. Это означает, что философско-исторические и романтические сюжеты воспринимались читателями того времени как должное и даже предпочтительное. И это обстоятельство следует учитывать, чтобы судить о композиционно-стилевых особенностях текста по законам времени его написания.

Выводы к разделу

И. М. Муравьев-Апостол являлся ярким представителем русского Просвещения, предполагавшего разностороннее образование и развитие личности, основательность познаний древности и личную активность писателя (ученого) в распространении знаний, участие в литературном процессе. У Муравьева-Апостола были все данные для литературной и переводческой деятельности.

После отставки от дипломатической службы в 1806 г. Муравьев-Апостол испытывал глубокую неудовлетворенность от доставшейся ему в удел помещичьей жизни. Поиск новой деятельности побуждает продолжить успешно начатые еще в 1796 году «переводческие опыты». Развернувшаяся в

Императорской Российской Академии серия публикаций античных авторов в переводе членов Академии («Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» А. А. Нартова и др., 1806–1809; «Летопись К. Корнелия Тацита» в пер. С. Я. Румовского, 1806–1809) заставляла Муравьева-Апостола именно в переводческом труде искать не только поле деятельности, но и круг литераторов-единомышленников.

В этом смысле важным шагом на пути в литературное сообщество стала публикация оды Горация и рецензии на ее профессора Московского университета Буле; незначительная дискуссия (Буле – Каченовский) по поводу перевода Горация, по сути дела, ставила Муравьева-Апостола в один ряд с известными переводчиками его времени.

Вступление в 1811 г. в общество «Беседа любителей русского слова» и близость с Г. Р. Державиным утверждало положение Муравьева-Апостола в литературном сообществе. Авторитет скрупулезного переводчика сделал возможным принятие в 1811 г. Муравьева-Апостола в Императорскую Академию наук. С этого момента он видел свою деятельность в русле литературных, лингвистических и исследовательских планов Академии.

Привлечение контекстовых литературных материалов приводит нас к гипотезе о том, что взятые из библиотеки Г. Р. Державина в 1811 году книги «для сравнения слога» необходимы были ему для подготовки обширного доклада в Академии наук, и к этому докладу И. М. Муравьев-Апостол готовился основательно, понимая значимость и ответственность своего первого «академического» выступления.

Война 1812 г. оборвала многие надежды Муравьева-Апостола. Но значительный успех «Писем из Москвы в Нижний Новгород» убеждает его в возможности и необходимости поиска новых жанровых решений, позволяющих проявить себя как литературную личность в различных творческих аспектах.

Перевод (1819) и публикация «Облаков» Аристофана свидетельствует, с одной стороны, о продолжении переводческой практики Муравьева-

Апостола (обещание в Предисловии перевести «всего Аристофана»), а с другой – о серьезной исторической подготовке автора и расширении его «полномочий» в тексте: в издании Аристофана Муравьев-Апостол выступил и как переводчик, и как комментатор-лингвист, и как историк, и как автор вступительной статьи.

После Наполеоновских войн Императорская Академия, особенно со вступлением на пост президента С. С. Уварова, достаточно быстро стала развивать приоритетные направления в естественнонаучном и историческом изучении Отечества. К началу 1820-х годов было организовано несколько научных экспедиций, предусматривающих последующие доклад и публикацию экспедиционных отчетов, составление карт, схем и т. п. Сложившийся научно-исторический «дискурс» побуждает Муравьева-Апостола применить свои знания древности в «археологическом» направлении. Но уже тогда становится понятным, что все более набирает силы «профессиональная» археология, собрание и открытие «стационарных» музейных экспозиций. Муравьева-Апостола, с одной стороны, это удовлетворяло и радовало, но с другой – убеждало в логике нового жанрового решения, которое позволило бы ему соединить научное знание со свободным самовыражением и слогом. Возникшая идея путешествия в Тавриду была «поддержана» и семейными преданиями.

Поездка в Одессу для ознакомления с историей античной Ольвии отражена в публикации в 1821 г. текста «Ольвия: Отрывок из Путешествия в Тавриду в 1820 году». Публикация этих материалов демонстрирует стилевой и содержательный поиск автора. В редакции 1821 г. «Ольвия...» представляла собой соединение собственно перевода («Речь Диона Хрисостома») с достаточно пространством философско-умозрительным эссе («сновидение» о древней Ольвии).

Эти материалы были повторены в «Путешествии по Тавриде в 1820 году» (1823), но изменены композиционные параметры: перевод «Речи Диона Хрисостома», видимо, как нарушающий общий сюжет путешествия,

помещен в качестве приложения в конце книги; «сновидение» сохранялось, но с авторским предисловием достаточно органично вписалось в стилевую диалектику «Путешествия по Тавриде».

РАЗДЕЛ 3. «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАВРИДЕ В 1820 ГОДЕ»: ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ТАКТИКА

Начало 1820-х годов стало временем авторского успеха И. М. Муравьева-Апостола. Выходит в печати его перевод «Облаков» Аристофана (СПб., 1821), в том же году – «Ольвия: Отрывок из Путешествия по Тавриде» (СПб., 1821). В 1821–1822 годах он усиленно работает над книгой «Путешествия по Тавриде».

Положение И. М. Муравьева-Апостола в литературной среде того времени рельефно обозначено Н. И. Гречем в «Опыте краткой истории русской литературы» (СПб., 1822): «Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, Тайный советник и Кавалер, Член разных ученых Обществ, бывший Российским Министром в городе Гамбурге и при Мадрицком Дворе, живущий ныне в Малороссийских своих поместьях, посвящает досуги свои обогащению нашей Словесности переводами древних Классиков: в Чтениях Беседы Любителей Русского Слова напечатаны переводы его (в прозе) *Горациевых Сатир*, а в 1821 году в С.-Петербурге вышел в свет перевод его Аристофановой Комедии *Облака*, с подлинника, прозою же. Всем любителям Словесности известны *Письма его из Москвы в Нижний Новгород*, украшавшие в 1813, 1814 и 1815 годах Журнал Сын Отечества» [60, с. 341].

Сразу после выхода в 1823 г. «Путешествия по Тавриде» журнал «Сын Отечества» Н. И. Греча (1823, № 51) откликнулся «извещающей» рецензией на книгу, где Муравьев-Апостол получил самые высокие оценки: «Не всякий путешественник имеет возможность, способы и умение пользоваться для себя и для других плодами своего странствия, и редко можно найти человека, который был бы в состоянии рассматривать земли, их произведения и памятники, как Историк, Археолог, гражданин и Поэт. В нынешнем случае находим приятное из общего почти правила исключение. Путешествие, о коем мы извещаем читателей наших, писано известным Литератором нашим Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом, который, редким

знанием многих древних и новых языков, основательною ученостью в других частях, знакомством со всеми странами просвещенной Европы и Авторским талантом стяжал отличное место в ряду Русских Писателей (Курсив мой. – А. О.)». У рецензента есть, однако, и замечания к автору «Путешествия», и касаются они повествования, точнее сказать, необходимости «разделения» материалов, традиционно относимых к разным «стилям»: «Жаль, что почтенный Автор не отделил описания собственного путешествия от археологических и исторических изысканий, которые не для всякого читателя могут быть любопытны и не всякому вразумительны. Книга сия не потеряла бы ничего, если бы все ученые исследования, ссылки на других Авторов и т. п. отнесены были в замечания и помещены в конце книги. Так поступил Г. Головин при издании последнего своего путешествия» [59, с. 229].

В 1824 году в № 9 журнала «Северный архив» (Журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным) была опубликована более пространная рецензия, где рецензент отмечал, что Таврида – «классический уголок Российской империи», который в последнее время обратил на себя внимание ученой Европы; но, несмотря на популярность полуострова, «до XIX века один Паллас из новейших путешественников в своей второй поездке через Крым посвятил несколько глав на описание древностей сего полуострова» [25, с. 151]. Тем не менее, наблюдения Палласа, по мнению автора, «при всем достоинстве» своем, «недостаточны для человека, незнакомого с древними Географами Греков и Римлян»; с точки зрения освещения древностей полуострова он выделяет работы И. П. Бларамберга, И. А. Стемпковского, Е. Е. Келера. Но и «сочинения сии, состоящие большей частью из ученых разысканий, при всем своем достоинстве не могли по роду своему и своей односторонности иметь большое число читателей» [25, с. 151]. Среди названных авторов-ученых, рецензент выделяет И. М. Муравьева-Апостола – «человека, одаренного светским умом, с глубокими сведениями в древних языках, который решился

познакомить нас с древнею и новою Тавридою, облекши известия свои в милую наружность, привлекательную не исключительно для одних Археологов, но и для всех просвещенных читателей»; его «догадки не подвержены ни малейшему сомнению, потому что они подкреплены неоспоримыми доказательствами (Курсив мой. – А. О.)» [25, с. 151–152]. Именно эта особенность повествовательной манеры автора – доступность всем «просвещенным читателям» – при том, что исторические «догадки» доказательны и профессиональны (в той степени, что «не подвержены ни малейшему сомнению»), по оценке рецензента, делает текст Муравьева-Апостола в своем роде уникальным. «Путешествие по Тавриде» автор рецензии ставит в один ряд с «отличнейшими Европейскими сочинениями», особенно отмечая «живой слог», который, «хотя и не везде чистый, но разнообразен, точно как и предметы, в книге сей находимые, и всегда соответствующий повествованию»; в качестве примера приводятся керченские письма И. М. Муравьева-Апостола: «Прекрасный эпизод о Митридате написал пером красноречивым, достойным Великого Царя Понтийского» [125, с. 151–152].

Обе рецензии, как видим, отметили важнейшие достоинства вышедшей книги и, несомненно, импонировали ее автору. Более того, обе рецензии, в конечном счете, констатируют, что автор нашел ту единственную манеру письма (говоря современным терминологическим языком – нарратива), которая, как мы показали в предыдущем разделе, формировалась в ходе всех литературных, переводных и исторических опытов автора, и особенно – в процессе работы над «ольвиопольским» сочинением 1821 года. Популярность «Путешествия...» И. М. Муравьева-Апостола оказалась высокой, что очень скоро подтвердится «совместным» изданием отрывка из «Путешествия...» И. М. Муравьева-Апостола о Бахчисарае и поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (о чем отдельно будет сказано далее), а также «повторными» публикациями фрагментов «Путешествия...» (о Бахчисарае и Чуфут-кале). Книга И. М. Муравьева-Апостола дважды была

издана на немецком языке: в 1825 г. в Берлине и 1826 г. в Вене. В 1833 г. в Неаполе вышел итальянский ее перевод.

Однако уже спустя полвека «Путешествие по Тавриде в 1820 году» попало в число «малоизвестных» книг. Так, в 1882 г. в одесском журнале «Юг» в статье «Известия о редких и малоизвестных книгах и брошюрах, касающихся Новороссийского края и Бессарабии», подписанной псевдонимом «Н. Ш.» (В. А. Яковлев, редактор и издатель журнала, историк литературы, профессор Новороссийского университета [235, с. 609]), книга И. М. Муравьева-Апостола, являющаяся, «бесспорно, одним из лучших исторических сочинений о Крыме», упомянута третьей в ряду 25 «малоизвестных» изданий начала и середины XIX века; причем «сочинителю» Муравьеву-Апостолу уступчиво «извинялась» его повествовательная манера: «За исключением некоторой напыщенности слога, общей всем авторам того времени, к которому принадлежит сочинитель, в книге приведено множество очень важных указаний, в особенности по древней истории Крыма. Все сочинение написано с большим знанием дела и чрезвычайно основательно. <...> В книге своей он (автор – А. О.) приводит свидетельства древних писателей, по большей части в подлинниках» [183, с. 152].

В наши дни историки либо вовсе не упоминают книгу И. М. Муравьева-Апостола среди собственно исторических исследований [267], либо привлекают ее в качестве историографического свидетельства [212, с. 12; 234]. Это обстоятельство, впрочем, не унижительно для И. М. Муравьева-Апостола, поскольку в наше время даже «работы А. К. Мейера, П. С. Палласа, П. И. Сумарокова, Н. С. Вакселя, И. О. Потоцкого, Г. К. Келера, И. П. Бларамберга, Д. Р. Рошетта и П. И. Кеппена не являются <...> в полном смысле научными исследованиями»: «Ценность работ выше названных авторов неоднозначна по охвату источников и уровню обобщения и интерпретаций. Главная их заслуга в точной фиксации <...>, публикации эпиграфического и

нумизматического материалов» [212, с. 15]. При этом книгу И. М. Муравьева-Апостола историки склонны отнести к «романтическим запискам» [212, с. 19]. Между тем известный антиковед Н. В. Морева-Вулих назвала книгу И. М. Муравьева-Апостола «исследованием о Крыме» [50, с. 56].

На этом основании книга И. М. Муравьева-Апостола рассматривается сегодня и как важнейший источник в историческом краеведении, и как собственно литературный текст, литературный памятник эпохи. При этом «Путешествие по Тавриде в 1820 году» относят к романтическому направлению в литературе [62, с. 76; 151, с. 41] и к сентиментальному [119, с. 13; 129, с. 275]. В сущности, в книге можно обнаружить и установки классицизма. Но главное в другом: в исторической перспективе произошло смещение акцентов в «жанровых» характеристиках книги: с исторических – на литературные, с «историописания» – на жанр «путешествия». Как ни странно, точнее всего это видит широкий, «неискушенный» читатель, которому понятно, что книга И. М. Муравьева-Апостола, при всех архаичных приметах авторской речи в ней, – бесценный свидетель эпохи и литературы той эпохи. Иными словами, текстовый образ И. М. Муравьева-Апостола как литератора и художника постепенно, в силу объективных причин (развитие исторической науки), потеснил авторский образ «историка», «знатока античности». И вместе с тем книга И. М. Муравьева-Апостола навсегда почетно вошла в разряд литературных памятников о Тавриде.

Мы исходим из того, что литературный жанр настолько же ориентирован на передачу информации и авторских впечатлений, насколько и на читательское восприятие современников. Любое произведение в жанре «путешествия» в эпоху И. М. Муравьева-Апостола предполагало немедленный читательский отклик, причем как из «цехового круга» – историков, переводчиков, литераторов, так и в целом «просвещенной» читательской аудитории. «Авторская современность», реализованная в тексте

«Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, и открыто, и подспудно определяет его стилевую стратегию и тактику.

В задачи раздела входит:

- изучение способов композиционного и стилового соединения в тексте «Путешествия по Тавриде» тематически и хронологически разнородных материалов;

- выявление роли историко-литературного «фона» в текстовых решениях как в книге «Путешествие по Тавриде» (1823), так и в «бахчисарайских» фрагментах И. М. Муравьева-Апостола при издании «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина и в журнальной версии «Отечественных записок» 1824 года;

- установление функций «эпистолярной» формы «Путешествия по Тавриде» и образа адресата-«ученого» в логике художественной адаптации текста для широкого круга читателей.

3.1. «Крымский текст» и «античный контекст» в повествовательной структуре «Путешествия по Тавриде»

Как мы уже показали во втором разделе, И. М. Муравьев-Апостол предусматривал в своем путешествии, на основании личных наблюдений и проверки на местности, решение ряда исторических задач, связанных с сохранившимися свидетельствами древних историков, труды которых он знал в подлиннике. В этом он ощущал исследовательскую потребность и логично видел актуальную целесообразность в том, чтобы «свести воедино» древнее «историческое знание» с сохранившимися следами античной культуры в Крыму и предложить, в частности, свою версию «исторической локализации» древних городов и укреплений. В такой постановке проблемы его поездка, несомненно, имела перспективу стать научным исследованием.

Традиционное частное путешествие вряд ли может вместить в себя столько научных задач, решать которые, к тому же, приходится в одиночку. Кроме того, решать поставленные задачи И. М. Муравьеву-Апостолу приходилось уже «в контексте» предпринятых до него исследований и путешествий. По нашему убеждению, это сказалось, в конечном итоге, на концепции книги и ее повествовательной организации: книга не утрачивала научного историзма (по современной терминологии – «сохраняла исторический нарратив»), но все повествование «организовалось» по логике и хронологии реального путешествия автора, наполняясь картинами и сценами «живой» реальности (в том числе рассказами о встречах с крымскими жителями), авторским комментарием, суждениями, оценками. В пространстве текста «Путешествия...» И. М. Муравьев-Апостол сумел соединить в своем «авторском лице» и историка, и переводчика, и поэта, и гражданина, и помещика, разбирающегося в делах хозяйствования, и семьянина, и праздного «путешественника», и барина-сибарита. На то ориентировали и маршрут, и вынужденные остановки («гостил у...»), и разнообразные впечатления (и сопутствующее им настроение автора), и безусловное чутье к тому, *что* непременно станет интересно его читателю.

Следует признать, что он был тонким психологом и потому легко ориентировался как в «программе» своих действий, так и в программе художественного повествования. Он был литератором в самом полном смысле слова: хорошо знал и понимал литературу, хорошо ориентировался в литературных канонах и предпочтениях своего времени (что показано было во 2 разделе), предчувствовал эффект, к которому приведет продуманное нарушение канона. В связи с этим можно привести строки из его вступительной статьи к переводу «Облаков» Аристофана, в частности, рассуждение, почему Сократ особенно ценил Еврепида: потому, что признавал «в нем Писателя, соединяющего прелесть Поэзии с глубокою Философиею, силу разума с живостию чувства» [171, с. IX]. И сразу после этого следует «громкое» наблюдение, которое относится не только к

античным авторам, но легко транспонируется на его, Муравьева-Апостола, литературные времена: «Кто знает, до какой степени *раздражителен род вдохновенных* (*genus irritabile valum*), тот легко поймет, что и этой причины уже достаточно было вооружить Аристофана против Сократа» [171, с. IX]. Отметим, что, как и в издании «Облаков», в своем «Путешествии» И. М. Муравьев-Апостол выступает в нескольких творческих ролях: автор текста, переводов, построчных примечаний, вступительной статьи; кроме того, в книгу включена большая «Карта Таврического полуострова, с означением древних названий по землеописанию Стравона. Сочинена для Путешествия по Тавриде 1820». Это все программирует «синтетизм» (от фр.: *synthétiser* – охватывать, объединять) повествования, понимаемый как соединение техник различных художественных стилей, смелое нарушение некоторых традиционных жанровых представлений. Это позволяет прийти к «объемному» изображению, соединению лингвистического «аристократизма» (подчеркнутое привлечение античных источников, характерное лишь для интеллектуальной элиты) с «колоризацией» бытового плана изображения и пейзажей.

«Крымское» сочинение И. М. Муравьева-Апостола было опубликовано в 1823 году в Санкт-Петербурге; печаталось в типографии, состоящей при особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел. На титуле – посвящение автора супруге Прасковье Васильевне, «нежному другу» и «сопутнице по Тавриде и на поприще жизни». Разумеется, такое посвящение самыми лучшими чертами характеризовало автора-семьянина, а также его жену – внучку В. М. Долгорукова-Крымского, отважно отправившуюся с мужем в путешествие в Крым. И в дальнейшем повествовании И. М. Муравьев-Апостол пишет о жене самыми почтительными словами: «<...> Добрая, дорогая сопутница моя требует отдохновения» [180, с. 273]. Описывая опасные обрывы Кикинеиза, под нависшими «гроздами» Муравьев-Апостол взывает: «О! Роковое страшилище, помедли! Не о себе

молю тебя, дай миновать себя матери семейства, добродетельной, нежной, которая никогда и помышлением не оскорбила небо!» [180, с. 333]

Книга вышла, как писал автор, с небольшим запозданием, которое он объяснял «обстоятельствами, от него не зависящими». Но, хотя «замедление» могло бы «послужить к пользе книги», давая возможность «пересмотреть и почистить» ее [180, с. 254], «Путешествие по Тавриде» было опубликовано так и не вычитанным автором: современники указывали на многочисленные опечатки и отсутствие оглавления в книге: «Вообще мы желали бы для большего совершенства книги Г. Муравьева-Апостола, чтоб наружное достоинство соответствовало сколько-нибудь внутреннему» [25, с. 151]. Книга подписана в печать 18 апреля 1823 г. цензором А. И. Красовским, известным своими придирками, доходящими до курьезности [163]. Впрочем, И. М. Муравьев-Апостол, предваряя разговор о допущенных ошибках, неточностях и опечатках, заключает вступительную статью (она датирована двумя месяцами позже цензурного разрешения – 16 июня 1823 г., Хомуец) цитатой из «Скорбных элегий» Овидия:

Si qua meis fuerint, ut erunt, vitiosa libellis

Excusata, suo tempore, lector, habe.

[«Если погрешности есть – да и будут – в моих сочиненьях,

Вспомнив, когда я писал, их мне, читатель, прости»

(Пер. С. В. Шервинского)] [180, с. 254].

Подобное «доверительное» обращение располагает читателя к автору (по крайней мере, широкого читателя), но решительно противоречит традиционному научному стилю, и это читатель сразу заинтригованно улавливает. Таким образом, уже на первых страницах текста автор завоевывает читательское внимание и последовательно стремится его сохранить до конца книги.

Она состоит из двадцати пяти писем; открывается письмом одесским, датированным 11 сентября 1820 года, а на последнем, керченском, письме

указана дата 25 октября 1820 года. Именно эти письма указывают на хронологические рамки путешествия; остальные письма не датируются, адресат не указан, что говорит об их литературном характере и художественной переработке из путевых заметок. И. М. Муравьев-Апостол, однако, настаивает, что писал «путешествие не на память, а на тех самых местах, которые описывал» [180, с. 254], и настойчиво демонстрирует это характерными «эпистолярными» приметам (на них остановимся в дальнейшем). Например, уверяет читателя, что повествование о Митридате «начертано было на горе», где когда-то «стояли царские чертоги», а по возвращении домой «оставалось только собрать письма и привести их в порядок», что он и сделал «в конце того же 1820 года» [180, с. 254]. В Чоргунах, в прошлом принадлежавших К. Габлицу, он пишет письмо, «может быть, на этом самом столе», на котором К. Габлиц «производил творение, поставившее его наряду с почетными испытателями природы» [180, с. 340]. Более того, И. М. Муравьев-Апостол тут же, между прочим (что вполне характерно для эпистолярных форм), упоминает о биографической причастности к Габлицу: «Для меня оно (с. Чоргуны. – *А. О.*) драгоценно и по собственным моим (воспоминаниям. – *А. О.*): первый здешний русский владелец знал меня едва выходящего из отроческого возраста. Сколько лет протекло с тех пор! Какой ряд воспоминаний представляется воображению моему, и сладостных, и горьких! Мне здесь мечтается видеть пред собою К. И. (Карла Ивановича Габлица. – *А. О.*) с его доброю, умною улыбкою, живо и с благодарностью в сердце представляю себе его благосклонное ко мне снисхождение» [180, с. 339–340]. Точно так же впечатление «сиюминутности» происходящего и «записанного» соблюдается в письме о Гурзуфе, где как бы невзначай передан разговор с жителями о Ришелье: «Мы по нем *пропадаем*», – говорил мне гурзуфский Староста. Я сказал ему, что знаком с Дюком, и это мне послужило лучше всякого фирмана. С какой жадностью случившиеся здесь татары слушали мои о нем рассказы. “Он первый человек при короле, – говорил я, – пользуется полною и заслуженною

доверенностью государя своего, однако же, он все помнит и любит здешний край и, может быть, когда-нибудь посетит”. Слезы засверкали на глазах у слушателей моих» [180, с. 327].

К тому же практически каждое письмо «к приятелю» содержит «непринужденную» информацию о происходившем конкретно «сегодня» или сутки назад; это «непринужденно» наполняет текст «светской темой», будто бы и не адресованной широкому читателю, но, по чуткому представлению Муравьева-Апостола, востребованной читателем. В Кучук-Ламбате, например, съезжается большое общество: «На другой день весь дом наполнился гостями. Сперва приехал с большою при себе свитою старинный приятель мой, Генерал Б<ороздин>. Мы оба друг другу обрадовались, рассуждали о странностях случая, который заставил одного родиться в Тенерифе, другого – в России, познакомиться в Мадриде, съехаться в Тавриде; и между тем, как мы говорили о случайностях, конский топот возвестил нам еще приезжего – Начальника Симферополя. Он не успел поклониться, как опять топот и еще гости – Начальник Феодосии. Я им сказал, что съезд наш похож на последнее явление в комедии, когда в развязке все действующие лица вместе появляются, или еще более того, на встречи в Сьерр-Морене, к коим не доставало только Алгирского узника, читающего нам свои приключения в плену» [180, с. 324].

За неполных два месяца путешествия (11 сентября – 25 октября) Муравьев-Апостол с супругой успели осмотреть большую часть полуострова. Маршрут был примерно таким:

- Одесса, ее окрестности;
- Перекоп (добирались из Одессы «сухим путем»): в «Письме III» переданы впечатления от Николаева и Херсона;
- деревня Саблы: в имении губернатора А. М. Бороздина Муравьев-Апостол гостил четыре дня, встретился с «такими же путешественниками» – семьей Раевских (но А. С. Пушкин к этому времени уже покинул Крым);

- Севастополь, Балаклава, куда должен приехать всякий, «кто хочет испытать, что такое Русское гостеприимство, истинная сердечная вежливость»;

- Бахчисарай – место, где «область догадок граничит с областью воображения»; Чуфут-Кале (этот фрагмент публиковался отдельно в «Историческом, статистическом и географическом журнале» в 1824 г.);

- Южный берег Крыма: Алушта, Кучук-Ламбат, Гурзуф, Никитский сад, Алупка, Кикинейс;

- Байдарская долина, которая «славою своею обязана не столько природе, как воображению посетителей ее»;

- Чоргуны, Мангуп, Бахчисарай;

- Судак, Старый Крым, Феодосия, Керчь («Письмо XXV», 25 октября).

За время поездки Муравьев-Апостол легко мог убедиться, что все перечисленные города и поселения не похожи друг на друга, все «со своим лицом». Античное прошлое прибрежных городов влекло прежде всего к ним.

Крымское античное прошлое давно привлекало внимание ученых и путешественников – П. С. Палласа, П. И. Сумарокова, В. В. Измайлова. Среди всех трудов о Крыме Муравьев-Апостол выделял сочинение католического епископа, члена Российской Академии (с 1807 г.) Станислава Богуша-Сестренцевича «История Тавриды» (1806); называл ее «вернейшим указателем источников, в коих можно находить сведения о Тавриде» [180, с. 253]. Это объясняется тем, что Богуш-Сестренцевич в своей работе по истории полуострова опирался на античных и средневековых авторов, отмечая их отрывочность и неполноту [220, с. 140]. И. В. Тункина называет его сочинение «одним из первых сводных пересказов нарративной традиции о северном побережье Понта» [269, с. 42]. В тот период, когда археологические раскопки еще не велись и историки не располагали системными выводами, книга Богуша-Сестренцевича, хоть и содержала непроверенные факты и мифологию, выполнила свою историческую задачу, познакомив российского читателя с переводами из античных источников и,

если не с реальной историей Тавриды, то с тем объемом потенциальной исторической информации, которая сохранялась в крымской земле на протяжении веков и тысячелетий. В этом заключалась ценность и магическое обаяние текста Богуша-Сестренцевича. У многих появилась убежденность (или ожидание), что, побывав в Северном Причерноморье и, конкретно, в Крыму, непременно встретишь «следы» минувшего и, в частности, мраморную «античность» – хотя бы в виде романтических руин. Эти ожидания не оправдывались: достаточно вспомнить разочарование молодого А. С. Пушкина, побывавшего в 1820 г. в Керчи и написавшего брату: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я, – на ближней горе посреди кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни – не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землей, – вот все, что осталось от города Пантикапеи» [228, т. 13, с. 17–20].

Забегая вперед, отметим, что изучение «античного Крыма» и Северного Причерноморья со времен Богуша-Сестренцевича и Муравьева-Апостола пережило несколько этапов, каждый из которых сопровождался существенной источниковедческой корректировкой, изучением новых эпиграфических памятников и сопряженной с этим историко-филологической работой и т. д. Так, важнейший из этапов связан с трудами российских антиковедов М. С. Куторги, Ф. Ф. Соколова, В. В. Латышева [245, с. 52], а также крымских ученых К. Е. Думберга, В. В. Шкорпила, К. К. Косцюшко-Валюжинича, Л. А. Моисеева (1880–1890-е годы). По мысли А. А. Непомнящего, именно этот этап характеризовался «ориентированием» на «разработку источников древнего и средневекового Крыма»: «Становилось понятно, что восстановление канвы исторических событий, их осмысление во взаимосвязи невозможно без тщательной подготовительной источниковедческой работы» [188, с. 51]. Но даже и современное состояние науки не дает нам оснований отнести книги Муравьева-Апостола и Богуша-

Сестренцевича к наивно-историческим или, тем более, любительским. Во-первых, потому, что научная увлеченность способна привести к серьезным результатам даже тогда, когда у исследователя нет специальной профессиональной подготовки (чему в эллинистике немало precedентов). Во-вторых, потому, что пример Богуша-Сестренцевича и Муравьева-Апостола отражал состояние и устремления современной им историографии, и оценивать их работу необходимо в контексте их времени.

При внимательном прочтении «Путешествия по Тавриде» можно заметить, что наиболее концентрировано научная информация сосредоточена в двух частях сочинения: в севастопольских письмах и керченских, что объясняется «античной» насыщенностью визуальных впечатлений. В иных случаях композиция строится по временной хронологии в виде сюжета путешествия. Так, письмо из Перекопа начинается: «Волшебство разрушилось, я ступил уже ногою в Крым. Приехав сюда пред восхождением солнца, первое движение мое было сходить за *Перекоп*». По ходу даются комментарии: *Перекоп*, или *Тафрос*, что «по-гречески значит *ров*, или *перекоп*» [180, с. 272]. Дается и описание современного города с уловимой долей скептицизма: «Нынешний город Перекоп – не что иное, как широкая, с версту в длину, слобода на большой дороге <...> Она населена торгующими мещанами и солеными пристанями. Крепость, татарская Ор-Капи, стоит по ту сторону рва, от слободы на восток, в близком расстоянии от каменных ворот. Вот все, что я имею сказать о городе сем, и если *Неон Тихос* (новая стена) и того еще древнейший *Тафрос*, о коем упоминают Плиний, Птолемей и некоторые другие, не лучше был нынешнего Перекопа, то нельзя пенять Стравону, что он, говоря о народе *тавфрах*, ни слова не сказал о городе их. Здесь также замечу тебе, что на самом пороге Тавриды Стравон уже внушает доверенность к себе по исправности, с которою он определяет ширину перешейка в 40 стадий, т. е. 8 верст – настоящая мера пространства между обоими морями» [180, с. 273]. А далее – как в частном письме, хронология нарушается воспоминанием: о степном зное на пути в Крым, об «обманах

оптики», о «памятнике Гоуарду» (Д. Говарду) в Херсоне и отсутствии *Солнечных часов* над памятником (установить их просил умиравший во время эпидемии тифа Говард). Все это сопровождается исследовательским комментарием как внутритекстовым, так и подстрочным. К Перекопу автор более не возвращается и обрывает письмо на полуслове, имитируя «сиюминутность» написания: «Но я записался, пора перестать, прибавлю только, что и выезд мой Днепром из Херсона в Алешки имел что-то похожее на выезд из царства теней, коих – *Styx novies coërcet*. Верст на пятнадцать плаванья по излучистым узким рукавам реки, извивающимся между высокими камышами: я ничего печальнее этого не видывал.

От Алешек, оставив позади себя на севере *скифов оратаев*, я проезжал по земле *Илейской*. Иродот так ясно определяет это место (следует подстрочная ссылка. – *А. О.*)! Давно ли там не стало лесов, по которым эта страна носила имя *Илей*? Где та роща, в которой Анахарсис пал, пронзенный стрелой, пущенною братоубийцею?» [180, с. 277]. Вот и воспоминание об Анахарсисе, ассоциативно выводящее на многотомный перевод, предпринятый Академией наук и П. И. Страховым. Как видим, «исследовательский план» и «план современный» как бы «вмещаются», по принципу комментария и по ассоциативной связи, в бытовой и «медитативный контекст» (чаще всего античный), который как раз и является сюжетным «стержнем» «путешествия».

Еще более заметен этот принцип (отработанный, по нашему убеждению, еще в «ольвиопольском» сюжете 1821 года) в письме IV «Деревня Саблы». Та же форма письма приятелю, где не нужны церемонии, и та же «легкость» перехода от тона к тону: «Вот четвертые сутки, что я здесь гощу у старинного приятеля моего А. М. Б<ороздина> и забываю, что я приехал в Крым не для того, чтобы гостить. В добродушном гостеприимстве есть нечто для меня очаровательное, и я думаю, что Лотос Омиров не иное что, как *хлеб-соль* добрых людей. Ежели к этому прибавить, что я застал здесь любезную семью Р<аевски>х, таких же путешественников, как и я, то

ты еще менее удивишься тому, что Лотос мне столько вкусным показался. Как бы то оно ни было, но завтра *натощах* уйду. Между тем, пока общество не собралось еще в гостиную, дам отчет тебе в путешествии моем по сю сторону перешейка» [180, с. 277]. Иными словами, Муравьев-Апостол, однажды опробовав, продолжает жанр «письма на привале», позволяющий «вспоминать» («дать отчет») и свободно включать «ассоциации», в том числе очень современные и даже актуальные по своей современности. Так, рассказывая о пути до Симферополя, автор «письма» упоминает «*местечко*» Армянский базар, увиденный издалека Чатыр-Даг («которую Стравон называет Трапезус») и «обитателя пустыни, верблюда». От вспомянутого верблюда немислимым ассоциативным виражом Муравьев-Апостол приходит к... новейшим решениям Министерства Просвещения. Проследим (существенно сократив, однако) ход мысли: «Чем же не обязаны мы, европейцы, этому покорному, терпеливому животному, мы, меньшие дети общества человеческого, отозревшего уже в Азии, тогда как мы еще коснели в пеленах младенчества! Многим нас одарила Азия: не одними корицею, перцем и сему подобным. <...> Азия, и мертвая уже Азия, всегда останется предметом любопытнейших изысканий для философа. Уже ученые нашего века, особливо англичане, с успехом обратили на нее внимание свое и сорвали покров невежества, столь долго лежавший на колыбели рода человеческого. Сколько же вперед ожидать надобно открытий, разливающих новый свет на историю происхождения народов, языков их и, следственно, понятий, которые тем яснее, чем ближе к источнику! Удивляюсь я, что мы, живущие на краю Европы, на самом пороге Востока, так долго смотрели равнодушно на успехи посторонних, не желая принимать в них участия, тогда как все способы у нас есть, так сказать, под рукою. Однако же, я слышал с несказанным удовольствием, что нынешнее Министерство Просвещения основало в С.-Петербургском университете кафедру восточных языков и выписало для того людей знающих и достойных: нельзя довольно благодарить того, кто первый подал эту прекрасную и

полезнейшую мысль» [180, с. 278–279]. «Прекрасную и полезнейшую мысль» подал, как уже сказано в разделе 2, президент Императорской Академии и попечитель Санктпетербургского учебного округа антиковед С. С. Уваров, автор проекта Азиатской академии.

Видимо, почувствовав некоторую искусственность ассоциаций, Муравьев-Апостол немедленно, в следующем же предложении, переводит дело в шутку: «Вот как за караванами я далеко уехал на верблюдах. Возвращаюсь, но еще хочу сказать тебе впечатление, которое произвела во мне степь» [180, с. 279]. Далее – всего несколько слов о Симферополе, со значимой для адресата (но, конечно, для читателя) оговоркой о выборе описываемого материала: «Еще раз повторяю: не ожидай от меня мелочных, топографических описаний, разве только о таковых местах, которые или никем не были до меня наблюдаемы, или, хотя и были, но мне представились в новом, инаковом виде. Повторять же то, что писал Паллас, – и лишнее, и бесполезно, потому что если никто лучше его не наблюдал, то, конечно, никто лучше его и не опишет» [180, с. 280].

Впрочем, упоминая начинающиеся от Симферополя горы, автор поддерживает «весьма основательную» догадку П. С. Палласа с отсылкой на страницу 334 его «Словаря» («Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta») [94; 95]: что Таврия и тавры «получили наименование свое от гористого южного берега полуострова, ибо на ассирийском языке *Тоира*, как на халдейском Тиру, а на сирийском Туро, значит гора. *Linguarum totius orbis Vocabularium*». Муравьев-Апостол, конечно, учитывал, что для античных авторов путешествие было дополнительным способом образования; он также многому учится и познает в своем путешествии по Крыму. Так, в Никитском саду он восхищен не только редкими экзотическими растениями, но тем духом просвещения, который здесь царит: в комнате, предназначенной для путешественников, помимо «всего нужного к отдохновению», есть то, что должно «дать и уму приятное занятие»: «В одной из комнат стоит шкаф, наполненный книгами,

разумеется, ботаническими, между коими я видел прекрасное издание Палласовой *Flora Rossica*, и все собранные здесь сокровища служат к удовольствию или удовлетворению любопытства гостей» [180, с. 329]. Идея просвещения должна владеть каждым путешественником, и потому в саду установлен в «хорошего вкуса Ротонде» «бронзовый, больше природы, бюст Линнея». А установил его, сообщает другу Муравьев-Апостол, граф Н. П. Румянцев: «Везде, мой друг, где только коснется речь о распространении полезных знаний, об улучшении или украшении жребия человечества, ты можешь быть уверен, что услышишь имя сего истинного, кроткого благотворителя науки и художеств» [180, с. 330]. Н. П. Румянцев (1757–1826) – сын генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, благодаря победам которого заключен в 1774 году Кучук-Кайнарджийский мир, ставший важнейшим этапом присоединения Крыма к России; в начале века Н. П. Румянцев был министром иностранных дел; являлся собирателем древностей (впоследствии – Румянцевский музей), организовал подготовку к первому русскому кругосветному плаванию; в 1819 году стал почетным членом Императорской Академии наук [110, с. 7].

В Севастополе впечатлений у Муравьева-Апостола было особенно много. «Я уже третий день здесь и ничего еще не успел видеть, хотя на все смотрю, люблюсь, и налюбоваться не могу. Живал я в Лиссабоне над рекою, живал в Неаполе на Кьяе, восхищался берегами Тага, заливом Неапольским с его Полисиппом направо, Везувием налево и с Капреею насупротив, и после этого еще прельщаюсь живописными бухтами Севастопольскими. Может быть, здесь действует отчасти надо мною и нравственная причина: там я был на чужой стороне, здесь – между своими, добрыми нашими моряками, осыпанный ласками почтенных здешних начальников. Кто хочет испытать, что такое русское гостеприимство, истинная *сердечная* вежливость, тот приезжай сюда, в Севастополь», – начинает автор севастопольское письмо [180, с. 281].

Здесь отметим важнейший прием в повествовательной тактике И. М. Муравьева-Апостола. На описании «живописных» картин, которые традиционно являлись «способом» письма в сентиментальных путешествиях, Муравьев-Апостол сосредоточивается достаточно редко и даже декларирует это: «Описывать же все места, которые или пленяли, или удивляли бы меня, было бы повторением одних и тех же слов: *прелестно! восхитительно!* Что для читателя, не делящего со мною восхищения, очень скучно, а для типографии, осужденной печатать мои письма, было бы весьма накладно, ибо она нашлась бы принужденною отлить для меня особый запас *знаков удивления*» [180, с. 331]. Это не значит, что Муравьев-Апостол избежит «восторженных» эпитетов и вовсе откажется от пейзажей. Они кратки и по большей части обогащаются или даже заменяются ассоциациями античными или из эпохи Возрождения. Приведем такие примеры, избрав небольшое пространство текста «Путешествия» (Кикинеиз, Чоргуны), чтобы нагляднее продемонстрировать частотность приема: «День я в восхищении провел в Никите» [180, с. 330]; «Это место по всей справедливости можно бы назвать *Флеерейскими полями*, где, по языческому преданию, *чада земли сражались с небожителями*» [180, с. 332]; «Скала на скале заграждают путь, страшные их обломки висят над головою и на каждом шагу грозят страннику участью Титанов» [180, с. 333]; «На каждом шагу виды изменяются: здесь я останавливаюсь и думаю: «Вот картина, которую бы я желал видеть представленною на холсте кистью Клавдия или Пуссеня...». Но шаг вперед – и картина, восхищавшая меня, уступает новой, чудеснейшей» [180, с. 325]; «<...> Вершина ее горит, позлащенная лучами восходящего солнца. Орлы, одни орлы витают на сих неприступных высотах и часто парят над главою путешественника, как будто умышленно для того, чтобы уличить в ошибке Стравона, сказавшего, что царь пернатых не обитает на горах Тавриды» [180, с. 326]; «Долина, со всех сторон высокими горами окруженная, по которой разбросаны небольшие селения и где неприметные ручьи сливаются в одну большую речку, летом высыхающую, могла показаться Аркадиею,

Темпейскою долиною <...>» [180, с. 337]; «Сверх ожидания моего утро настало прекрасное, и я поспешил оставить мнимую Темпею» [180, с. 339]; «Прелестное место! Если когда мне вздумается писать роман в рыцарском вкусе, я здесь запрусь с Ариостом и с 1001 ночью» [180, с. 340] и т. п.

Описания же природы гораздо чаще превращаются в «Путешествии...» в описание *природных условий*, в которых разворачивается созидательная деятельность человека (Севастополь, Никитский сад, Алупка), успешное или не очень хозяйственное предпринимательство (Судак).

Так, в севастопольском письме, рассказав в самом начале о необыкновенном удобстве бухт, путешественник, по уже сложившейся повествовательной практике, «возвращается» в двухдневное прошлое и рассказывает о дороге из деревни Саблы к Севастополю; особенно подробно останавливается на плавании на кутере от Северной бухты, на проблеме кораблестроителей – «*биче кораблей*» – черве морском (*Reredo navalis*), по его мысли, завезенном в Крым: «иначе, кажется, Стравон и, особливо, Плиний не умолчали бы о нем» [180, с. 282]. В Севастополе Муравьев-Апостол остановился в гостеприимном доме капитана 1 ранга С. И. Стулли, «на самом углу залива Артиллерийской бухты»: «Лишь солнце взойдет – и я уже сижу на балконе, любуясь движением кутеров, транспортов, рыбацких лодок; потом, не пропуская часа, удобного для купания, и, возвратясь домой, не забывая и завтрака, на который поля Амфитриты посылают мне в дань устерсы, крабы, креветы, мулы и множество родов рыб самых вкусных, между коими *кефала*, *сгомбрия* (макро) и *морские иглы* должны почитаться превосходнейшими» [180, с. 282]. Но завершает письмо неожиданно: рекомендует «другу-адресату» (а в действительности – читателю) побыстрее ознакомиться с картой полуострова: «Мне это весьма нужно для предмета, о коем хочу говорить тебе по первой почте». Это своего рода сигнал для расслабившегося было «после завтрака» читателя: «письмо первой почтой» (т. е. следующее) будет содержать сложную географическую и историческую информацию. По сути дела, автор умело руководит настроением читающего,

которому после таких строк приходится напрячься. И не напрасно, поскольку «следующее» письмо сразу начинается с парадокса. Вчитаемся: «Объехав весь полуостров Ираклийский и полагая, что ты теперь уже познакомился с ним на карте, я хочу сего дня показать тебе оный под руководством спутника моего и путевода Стравона. Итак, пускаясь в путь, начнем с того, что спросим у самого древнего географа, как он описывает места, которые мы с тобой собираемся осматривать» [180, с. 283].

С этого момента читатель чувствует себя «рядом» с повествователем-путешественником, с ним «вместе» «оглядывает» окрестности и даже «сверяется» со Страбоном, поскольку в тексте «Путешествия...» читает следующую фразу: «Выплывая – говорит он (Страбон. – *А. О.*), – налево, вы найдете городок и другую еще бухту Херсонцев...». При самом начале я (И. М. Муравьев-Апостол. – *А. О.*) его останавливаю и говорю, что ничего не пойму из слов его, если он сперва не объявит, *откуда выплывая*. Но Стравон не отвечает, и я из молчания его должен заключить, что в его 7-й книге, между первым и вторым параграфом 4-й главы есть недостаток и что в промежутке сем находилось описание берега от Тафров, т. е. от Перекопа до полуострова Ираклийского, включая тут же и большую северную гавань, к которой, без всякого сомнения, относится слово *выплывая*. Не подумай, друг мой, чтобы я, подобно Пейсонелю и некоторым другим, хотел тут пощеголять моими догадками; нет, я не парадокс утверждаю, основанный на одном воображении моем, но излагаю мнение, на которое должен будет согласиться всякой просвещенный судья» [180, с. 283–284]. И далее на нескольких страницах (с большими абзацами) следует длинное и утомительное для непосвященного читателя перечисление доводов. Наконец Муравьев-Апостол завершает свое «странствование по области догадок» лирическим этюдом – описанием вида Севастополя, мыса Фиолент с мрачными черными скалами и Георгиевским монастырем: «И когда ты насладишься произвольным трепетом, наслушаешься рева волн под ногами твоими, нагодишься на страшную скалу, как уголь черную, вокруг коей

явится море и покрывает ее пеною, тогда обрати насыщенные ужасом взоры на картину спокойствия и тишины: посмотри на эти тополи, смоковни, коих вершины никогда не колебались от северного ветра, взгляни на этот источник, как кристалл чистый и прозрачный, вытекающий из щели каменной горы, – и вспомни Лукрециева мудреца, коего наслаждения возвышаются ощущением внутреннего спокойствия при созерцании вне бурь и треволнений» [180, с. 294–295].

Однако сразу после лирической «передышки» следует переход к новой теме, чему вступлением служит предложение: «Ты вправе спросить меня, для чего я ни слова еще не сказал тебе о храме Ифигении. Я бы желал, чтобы ты не делал мне такого вопроса, или чтобы я мог прейти в молчании предмет, по которому должен буду оспаривать мнение много мною почитаемого Палласа. Сколько я, однако же, ни уважаю память его, но, будучи верен обету моему никогда не изменять правде, вступаю, хотя с трепетом, но вступаю в состязание с человеком, коего необыкновенные просвещение, ум, познания суть такие оружия, от которых бы я оробел на первом шаге поприща, если бы не имел против них щита в убеждении моем в истине» [180, с. 295]. В чем же состоит суть несогласия? Вновь на нескольких страницах сопоставление точек зрения и гипотез, и – недоговоренность... Вот завершающая фраза в логике рассуждений: «Все́й этой запутанности причиною, кажется мне, *название мыса Девиным и капище на оном некоего божества*. Всякий человек с пылким воображением, с начитанностью, невольно нападает на мысль об Ифигении, когда речь зайдет о *капище некоего божества Девы в Тавриде*, так точно и Паллас завлечен был, и, что всего удивительнее, самим Стравоном, у которого и в помышлении не было говорить о дочери Агамемноновой, ибо в противном случае он бы не довольствовался сказать *в городе храм некоего божества*, а, конечно, бы назвал это Божество *Дианою*, и, говоря о мысе, не повторил бы того же недоумения, а, по крайней мере, намекнул бы читателю догадку свою, если бы подозревал, что мыс *Партенионом* назван по *Деве Ифигении*» [180, с. 297–298].

На этом письмо обрывается неожиданным обстоятельством: «Солнце уже высоко. Я слышу движение на пристани: это кутер мой... Прощай!» [180, с. 298]. И хотя Муравьев-Апостол не пришел к историческим утверждениям, важно отметить, что вскоре после выхода из печати его «Путешествия» археолог И. П. Бларамберг в статье «О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде», опубликованной в 1825 г., приводит, как и Муравьев-Апостол, в пересказе фрагменты древних свидетельств и анализирует противоречия в них; дойдя до свидетельств Страбона как наиболее убедительного источника, предлагает сомневающимся читателям «справиться с Путешествием в Тавриду Г. Муравьева». По рассуждению Бларамберга, храм Дианы мог располагаться в Кучук-Лампаде, в виду горы Криуметопон (Бараний Лоб, или Медведь-гора) [33, с. 305]. Иными словами, И. П. Бларамберг, прочитав «Путешествие по Тавриде», вступил в научный диалог с И. М. Муравьевым-Апостолом. В «поэтическую» полемику с Муравьевым-Апостолом о месте храма Артемиды впоследствии вступит и Пушкин стихотворением «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья?») [119, с. 34–37].

Заметим еще один прием активизации читательского внимания в «Путешествии» И. М. Муравьева-Апостола – полемика с предшественниками, как, например, цитированный нами «диалог» со Страбоном (письмо 6) или спор с Палласом, точнее, с его книгой «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794» [210]. Так, в седьмом письме, осматривая Херсонес Таврический («развалины Херсона»), Муравьев-Апостол упоминает «погребов на поверхности земли», которые «Паллас почитает кладбищами». По мнению автора, эти «круглые и овальные отверстия, в диком камне высеченные и по большей части столь узкие, что едва человек может пролезть них», никак не могли быть кладбищами; предположение, что эти «отверстия» служили для хранения урн с пеплом сожженных тел, автор также отвергает, ссылаясь на то, что «такого рода гробниц никогда не

существовало ни в самой Греции, ни в поселениях Греческих», и, к тому же, «херсонцы» не могли устроить захоронения посреди своего жилья (а именно такая картина предстала тогда перед глазами путешественника) [180, с. 289–290]. Сегодня данные археологических и исторических исследований приводят к выводу, что предположения П. С. Палласа о «кладбище» более близки к реальности. Что же касается близости кладбища и жилья в Херсонесе, то в книге В. М. Зубаря «Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. до н. э.» (1982) находим прямую информацию, что, в связи с расширением территории, «город постоянно наступал на некрополь», а древний могильник, открытый Г. Д. Беловым в 1936 г., находился недалеко от жилой улицы [82, с. 5]. Кроме того, Беловым во время раскопок были обнаружены и урны с прахом умерших [28, с. 12–15]. Что касается описания «погребца», приведенного в «Путешествии...», то оно напоминает описание склепов, вырубленных в скале, о которых пишет В. М. Зубарь: такой вид захоронений преобладает именно на западном берегу Карантинной бухты [82, с. 17]. Но и вариант Муравьева-Апостола о «погребцах» отрицать нельзя; тем более что мы не можем знать наверняка, об одних ли и тех же объектах ведут речь авторы, разделенные почти двумя столетиями.

Возвращаемся к седьмому письму из Севастополя: И. М. Муравьев-Апостол вновь не соглашается с П. С. Палласом, и теперь речь идет о развалинах скифской крепости, находившейся когда-то в «Тройной» бухте (так автор называет Казачью и Двойную бухты). Это был также очень актуальный исторический материал, поскольку «исторический процесс в древности не сводился только к истории классических цивилизаций» [158, с. 2]. В 1820 году Муравьеву-Апостолу не удалось найти на том месте ничего, кроме камней, но П. С. Паллас еще застал здесь «стену и четверугольную башню», и он же полагал, что это укрепление «могло служить к защите или городу, или скифскому царьку Скилуру против митридатовых полководцев». Свое несогласие с мнением П. С. Палласа Муравьев-Апостол подкрепляет лишь догадками, предполагая, что военные

укрепления Скилура никак не могли проходить по открытому берегу моря, а самые подходящие места для такого рода сооружений – «места, Мангупу подобные». Но обратим также внимание на колоритную лексику рассуждений Муравьева-Апостола: «<...> Как полагать, чтобы Скилур с войском своим скрывался на островишке, на который в тихую погоду можно перейти по камням, намочив себе ноги, а в ветреную – перекинув доску с одного берега на другой? Да хотя бы и положить, что Скилур владел морем, чего, впрочем, и не бывало, то и в таком случае самое пространство островка сего, не более 12 сажений во все стороны, не позволяет и думать, чтобы *многоплодный* скиф сей мог поместиться на оном не только с войском, но даже с одними сыновьями своими, которых у него было, по словам Плутарха, человек до восьмидесяти (следует ссылка на Плутарха. – А. О.) [180, с. 291].

Разумеется, это недопустимый стиль для научной публикации, но он вполне имитирует кулуарный разговор «по существу предмета» среди хорошо знающих друг друга ученых. Поскольку это частное письмо, читатель может судить, что приятель-адресат Муравьева-Апостола – тоже из научной среды и вовсе не нуждается в приглаживании текста. А широкому читателю такой текст не только понятен, но еще и впечатляет и запоминается. Читатель становится «свидетелем» (или даже «судьей») в научных «пререканиях» путешественника с «ученым приятелем-адресатом». «Сверх этого, не вздумаешь ли ты пугать меня свидетельством Птолемея, поставившего Эвпаторию первым городом Тавриды от Перекопа, что подало повод и нам назвать Козлов сим именем? – «кипятится» Муравьев-Апостол. – Это свидетельство нимало меня не колеблет: Стравон жил за 150 лет до египетского географа, и я ему и Иродоту более всех верю в отношении к Тавриде и вообще к землям, где скифы обитали» [180, с. 293].

Здесь необходимо остановиться на следующем наблюдении. Если в начале книги Муравьев-Апостол создает образ *приятеля*-адресата, интересующегося древней историей (например, в «одесском» письме I, его адресат – «любитель учения древностей» [180, с. 255]), то к концу

«Путешествия», описывая античные Керчь, Феодосию, он все более делает акцент на том, что его адресат-приятель – историк-антиковед наравне с ним, а в чем-то гораздо осведомленнее. К примеру, в письме о Феодосии: *«Давно уже занимаясь древней географией наших берегов Черного моря и особенно Тавриды, ты можешь представить себе, с какой жадностью я кинулся на сочинение, в котором ожидал найти сведения ясные и подробные о предметах знания моего; по несчастью, я ошибся <...> (Курсив наш. – А. О.)»* [180, с. 354]. И далее: *«Итак, примем за основание, что к вышесказанному ничего исторического прибавить нельзя <...> (Курсив наш. – А. О.)»* [180, с. 355]. И совсем определенно «выстраивает отношения» Муравьев-Апостол с адресатом-антиковедом в самом начале керченского письма (первая фраза): *«Я хочу доказать тебе, сколько уверен в снисхождении твоём, ибо в письме сем буду говорить о том, что или давно тебе известно, или мало будет иметь для тебя занимательного, а именно о древней истории Пантикапея. Да послужит мне извинением пред тобою то, что я пишу на самых развалинах Воспорской столицы. Могут ли где живее представляться воображению события давно протекших лет, как не на тех самых местах, где они происходили? <...> (Курсив наш. – А. О.)»* [180, с. 380]. Чем объяснить эту тактику? По логике вещей, необходимо было «представить» адресата читателю в самом начале книги. Думается, у Муравьева-Апостола образ приятеля-адресата «вырастал» в соответствии со все большим насыщением текста научной информацией; в Феодосии и Керчи ее оказалось особенно много, и «опустить» ее во имя широкого читателя автору не хотелось. А появление в тексте «профессионала»-адресата будет оправдывать нагромождение и сопоставление цитат из древних источников, фактов, возражений и проч. на страницах четырех объемных керченских писем (Письма XXII–XXV) [180, с. 380–401].

В свете сказанного вернемся вновь к «эпистолярному» фрагменту научного диалога с «приятелем» в севастопольском письме – он выглядит

несравнимо понятнее: «Ты помнишь, что Стравон говорит: “Около гавани Символов наиболее разбойничают тавроскифы”» [180, с. 302].

Современная наука пока не может разрешить этот спор, ведь уже в начале XIX века от крепости осталась лишь груда камней; существуют различные мнения о расположении оборонительных строений, описанных еще в «Географии» Страбона (Палакий, Хаба и Неаполь). Так, в первой половине XX века специалист по истории древнего мира А. И. Тюменев полагал, что одна из этих крепостей (Хабей) находилась на севере Херсонеса, у впадения в море реки Альмы [282]. Однако И. Н. Храпунов, автор «Древней истории Крыма», признает, что упомянутые в «Географии» Страбона четыре позднескифские крепости – Неаполь, Хабей, Палакий и Напит – не удастся соотнести с известными археологическими памятниками «с полной убедительностью» [281, с. 123]. В 2015 г. вышла «История Крыма» – издание, содержащее данные последних исследований, но и в нем не указано, как соотносились названия позднескифских крепостей с реальными памятниками [90]. Есть, однако, предположение другого историка – Н. И. Храпунова, что сохранившиеся три крупнейшие крепости Крымской Скифии: Керменчик (с. Высокое, Бахчисарайский район), Кермен-кыр (пос. Мирное, в 6 км севернее Симферополя), Булганакская (с. Пожарское, в 15 км западнее Симферополя) – вероятно, и были известны древним под именем Палакия, Хаба и Неаполя [282]. Существенные дополнения по означенной проблеме содержатся в статье крымского археолога С. Б. Ланцова [132, с. 101–109].

Характерно, что Муравьев-Апостол чутко «предусматривает» «своевременную» смену стиля, чтобы не потерять интерес широкого читателя (читательниц), не очень сведущих в науке и следящих, скорее, за сюжетом «путешествия» и содержанием впечатлений.

Керченское «Письмо XXV, и последнее», как и следует по традиции, содержит в своем начале пояснение, что путешествие завершается («Глухая осень приближается и напоминает мне, что дорога на север давно уже портится. Иначе бы я осмотрел весь здешний берег пролива <...>»), а в

конце – апофеоз: «Подобно старцу Поджьо на развалинах Капитолия, я мечтал здесь о событиях, прославивших Тавриду: от изгнания Киммериян скифами до населения ее выходцами из Ионии, от покорения Воспорского Царства Митридату до покорения же целого полуострова под державу Российскую. Промежутки веков исчезали пред воображением моим, оставались одни *великие*: Митридат, Св. Владимир, Екатерина, *Таврический*, и ты, муж кроткий и добродетельный, ирой *Крымский*, Долгорукий! Тебе Россия обязана основанием владычества своего в стране сей, а я – отродию твоему счастьем жизни (здесь у Муравьева-Апостола сноска: «Супруга сочинителя – родная внука кн. Василия Михайловича Долгорукова-Крымского!» – *А. О.*)

Не довольствуясь созерцанием прошедшего, я хотел проникнуть в будущее, предузнать участь, которую Судьбы провидения готовят Тавриде. «Россия! – воскликнул я восторженный, – О! Отечество мое! На поприще славы оружия ты уже достигла до меты, но сколько еще открывается тебе иных путей к славе! Я вижу... но ряд облаков, луною посребренных, расстлался по небокраю. Казалось, завеса спустилась между мной и *будущим*, завеса, которую взоры смертного не проникают!» [180, с. 401].

Таким образом, «полемическая» составляющая в тексте Муравьева-Апостола, к тому же «облегченная» стилизацией «коллегиальной» непринужденной беседы, активизирует читательское восприятие и определяет логику последующих читательских раздумий. В конечном счете, даже запутавшись в исторических мнениях, читатель приходит к пониманию, сколько тайн хранит в себе древняя история Тавриды. Перед читателем приоткрываются не только некоторые «сюжеты» древней истории, но разворачивается современная ему картина научного исследования памятников древней истории.

В этом смысле стоит отметить, что к книге П. С. Палласа И. М. Муравьев-Апостол обращается не только для «возражений». Когда речь идет об Инкерманских пещерах, он пишет: «Паллас весьма

основательно полагает, что иноки, последователи Ария, гонимы будучи Византийскими государями, находили убежище у херсонитов...» [180, с. 300]. В другом случае он как бы нехотя признает «совпадение» мнений по вовсе не принципиальному вопросу: «Принужден был согласиться с Палласовым мнением о сей долине (Байдарской – *А. О.*) и заключить, что она славою своею обязана не столько природе, как воображению посетителей ее» [180, с. 337]. Авторитет энциклопедиста П. С. Палласа, имевшего исключительные научные заслуги, был признан всеми, и обращение к его труду сообщало фундаментальность любому исследованию. Об уважении Муравьева-Апостола к ученому свидетельствует такой эпизод в его «Путешествии...». Проезжая маленькую деревню Шули, он не забывает упомянуть, что здесь находилось имение Палласа: «Проехав мимо деревни Шули, замечательной местоположением своим посреди садов, а особливо тем, что она принадлежала Палласу, я стал подыматься на Мангупскую гору» [180, с. 341]. Посещая различные дома в Крыму, Муравьев-Апостол с радостью находит труды ученого-натуралиста на книжных полках; он также выказывает идею, что Никитском саду обязательно должен появиться памятник П. С. Палласу, «коего труды и остаток жизни посвящены были на пользу здешней страны» [180, с. 330].

Нельзя сказать, что в тексте И. М. Муравьева-Апостола научная информация дозирована; подчас она перенасыщена фактами, изложенными, к тому же, не очень последовательно, на что и пеняли рецензенты «Путешествия». Но нельзя, однако, и сказать, что И. М. Муравьев-Апостол вполне сознавал эту «недозированность». Он мог прибегнуть к разбивке материала, упрощению речи, дополнительным для широкого читателя пояснениям. Но не прибегнул. Почему? Представляется, что высокая концентрация чисто научной информации в некоторых фрагментах текста демонстрирует своего рода «научную непринужденность», снимает эффект художественной обработки и, наконец, создает образ автора «письма» – увлеченного, экспрессивного исследователя, которому «непонятные»

фрагменты не только должны проститься, но и должны быть «приняты в уважение».

Но, как мы уже показали, такие фрагменты «писем» и заканчиваются неожиданно (обрываются) – по той же логике «непринужденного» приятельского письма: приятелям и единомышленникам прощаются отрывочность, недоговоренности и несоблюдение церемониальных констант в виде приветствия, прощания, извинений и проч. Таким образом, читатель психологически ощущает себя личностью, которой «доверено» прочесть чужие письма, причем очень познавательные, увлекательные своей информативностью. Рассматривая подобную повествовательную тактику как обдуманый авторский прием, мы нисколько не допускаем мысли, что научные гипотезы Муравьева-Апостола легковесны и не имели научной перспективы. Скрупулезность автора в соотнесении античных источников не вызывает сомнений. Другое дело, что на том этапе археологическая наука нуждалась в многоаспектной методологии исследования, а в этом смысле путешествие частного лица, при всей ценности его наблюдений, не может сравниться с исследовательской экспедицией. Но Муравьев-Апостол сделал главное: он знакомил читателя с Крымом, «звал» в путешествие по Крыму, наконец, говоря современным языком, он увлекал читателя в «археологический античный дискурс», что немаловажно для исторического познания и просвещения.

Мы уже отмечали, что все «зачины» его «писем к другу» «отработаны» на разнообразие – с идеей заинтриговать читателя. Письмо IX («Балаклава») начинается фразой из житейской философии: *«Чем менее бывает гостей в какой земле, тем более в ней гостеприимства <...>* Таврида служит сему правилу исключением. Множество путешественников посещают ее каждую осень, и я нигде не находил такого добродушного гостеприимства, как здесь. Вот и теперь я нахожусь у заслуженного, пораненного начальника Балаклавы и греческого батальона Ревелиотиса как у себя в доме, и точно так, сказывают, он всех заезжающих к себе принимает, что служит всем, что

имеет, и вся семья его старается, как бы лучше угодить и чем бы лучше угостить» [180, с. 301]. Действительно, многие путешественники до Муравьева-Апостола, и после него останавливались в доме Ревелиоти. Он был героем боев на Архипелаге, начальником Греческого пехотного батальона, его имя хорошо было известно в Крыму [201, с. 127–130]. «Чистенький, веселый домик его стоит на конце города, на восточном берегу узкоустой гавани, которая, будучи стеснена между двух высоких гор, сходствует более с рекою, нежели с заливом морским, – описывает Муравьев-Апостол жилище семьи Ревелиоти. – Против комнаты моей, с южной стороны, я вижу на краю скалы, над самым устьем гавани, висящую Генуэзскую башню. Крепость сия, *Чембало*, принадлежавшая сперва Грекам, потом Генуэзцам, была обнесена высокими стенами и сильно укреплена башнями, особливо от устья залива» [180, с. 301–302]. Здесь же, в Балаклаве, находилась штаб-квартира Греческого пехотного батальона, верой и правдой служивших по охране Южнобережных кордонов [201, с. 116–130]. «Подлинно, весь этот город населен Греками, потомками тех морейцев, которые передались нам во время пребывания нашего флота в Архипелаге в 1770 году, – поясняет Муравьев-Апостол. – <...> Число сих Греков здесь простиралось вначале до 2000 человек и более, но теперь уменьшилось до 440, настоящий комплект Греческого батальона, коего служба состоит в содержании караулов по южному берегу до Судака» [180, с. 302]. Заметно с иронией описывает их внешность: «Мундир их есть смесь образчиков всех народов от Омировского века до нашего: например, кожаный шлем их – киня, верхнее платье – английский спенсер, жилет – гусарский, наконец, исподнее красное платье такое широкое, как нашивали в средних веках немецкие бароны. Ко всему это представь еще себе длинные трабантские сапоги, и ты будешь иметь понятие о Балаклавском Арнауते» [180, с. 302]. Рассказывает, как поразился, когда «в первый раз увидел часового в таком наряде у дверей стоящего, с длинным албанским ружьем в руках, с таковыми же саблей и висящем подле нее пистолетом» [180, с. 302]. Почему такое

пристрастие, тем более что Балаклава была к путешественнику гостеприимной? Думается, что Муравьев-Апостол, предвкушая встречу с балаклавскими греками, невольно воображал сравнение с древними их предками. Но хитонов и хламид не увидел. Зато увидел, как отразились исторические процессы на военном костюме балаклавцев. Возможно, он даже пробовал заговорить с ними на греческом языке, зная древнегреческий, но о такой попытке в письме ничего не сказано; и в целом «письмо из Балаклавы» сравнительно короткое и заканчивается устало: «Прощай, друг мой, еду ночевать в Севастополь и завтра же оттуда продолжаю путешествие мое» [180, с. 304].

Дальнейший его путь лежал в Бахчисарай. И опять он был в предвкушении необычных впечатлений, что и отразилось в первой фразе «бахчисарайского» письма, тем более что в Бахчисарай удалось добраться к ночи (Письмо X): «Область догадок граничит с областью воображения; так не удивляйся же, узнав, что друг твой из первой прямо переехал во вторую. Здесь, забыв Стравона и вспоминая 1001 ночь, мне мечтается, что какой-нибудь волшебник занес меня на восток и оставил посреди гор в пустом обвороченном замке, ни входа, ни выхода не имеющем. Я хожу по огромным залам, и один гул от шагов моих раздается под высокими потолками. Схожу с крыльца широкого, прохожу через дворы мощеные – в саду царствует молчание. Зелень древесная манит меня за ограду; вступаю – и при лунном мерцании лунного света вижу надгробные мраморы под деревьями, между густой травой белеющиеся. Невольный трепет объемлет меня. Предо мною полуотворенная дверь: вхожу под круглый свод – и вижу гробы на помосте, черным сукном покрытые... Ах! Где гений мой хранитель? Кто выведет меня отсюда или даст мне талисман, которому волшебник подчинил невидимых слуг сего страшного жилища? Все безмолвствует в обители смерти и оглашает пустыню один только шум источников, текущих в чаши... Однако же не лучше ли, как говорят добрые люди, помолиться Богу да лечь спать, а завтра за перо: дело, может быть, обойдется и без талисмана, а ты

избавишься от чтения 1002 ночи, которая, конечно бы, не стоила настоящих арабских» [180, с. 304–305].

Большие цитаты необходимы, чтобы продемонстрировать отраженные в тексте нюансы настроений и их смену; совершенно понятно, что при подготовке к печати автор взвешивал каждую фразу и работал над эпитетами. Его текст ориентирован не только на сохранение исторических сведений, но и на читательский запрос, а еще точнее – на восприятие в литературных и академических кругах. Резонно: они будут первыми читателями и судьями, и по их мнению будут складываться отношения к Муравьеву-Апостолу как к *автору* – историку, переводчику, литератору.

Подчас представляется, что Муравьев-Апостол слишком «раскрепощен» в повествовании. Так, неожиданным фрагментом в бахчисарайских впечатлениях воспринимается посещение турецкой бани во Дворце. Но эта очень подробная и реалистичная сценка «восточной неги» вполне допустима в частном письме, тем более – в письме приятелю: «Содержатель бани провожал меня из Хан-Сарая, т. е. дворца, держа в руках бумажный фонарь <...>. В передней комнате бани <...> я нашел возвышенный с приступом диван, покрытый чистым ситцевым одеялом. На нем я разделся, мне подвязали бумажный белый платок вместо передника, подали деревянные туфли, и в таком наряде повели под руки по весьма скользкому полу в довольно просторную четверугольную комнату под круглым куполом, на котором сделаны отверстия для выпуска лишнего жара. На самой середине этой комнаты находится низкая лежанка <...>. Бумажные полотенца были постланы на месте, для меня приготовленном» и т. д. [180, с. 345–346]. Мы значительно сократили цитату, но как раз этот сюжет из «Путешествия по Тавриде» была отмечен в «Путевых заметках» А. С. Грибоедова: «Баня в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я там не был, потому что, когда прочел Муравьева, – как будто сам водою окатился» [61, с. 334].

И. М. Муравьев-Апостол жил в эпоху, когда о появлении новой книги знало все просвещенное сообщество и те, кто просто не хотел быть вне «просвещенного» сообщества. Как правило, авторы открыто говорили о новой своей книге, когда она была еще в процессе написания; это становилось предметом академических, салонных и приятельских бесед. Именно поэтому о книге Муравьева-Апостола общество узнало задолго до того, как она вышла из печати. Возможно, некоторые были даже знакомы с фрагментами рукописи. Это выполняло роль своеобразного анонса; высказанные оценки руководили читательскими симпатиями еще до встречи с книгой, и это было возможно в той исторической ситуации, когда литераторы и ученые находились в кругу светского общения и значит – в кругу всех новостей: служебных, семейных, имущественных, а также культурных, научных, литературных. Именно такой случай «допубликационного литературного бытования» и будет рассмотрен нами в следующем подразделе.

«Бахчисарайское письмо» публиковалось, после издания «Путешествия по Тавриде», еще дважды и, таким образом, стало особенно популярным. Анализ историко-литературных материалов по этому вопросу составит содержание следующего подраздела.

3.2. И. М. Муравьев-Апостол и А. С. Пушкин: трансформация бахчисарайского мифа

Созданный А. С. Пушкиным миф о Фонтане Слез, «фонтане любви» привлекает путешественников уже на протяжении почти двух столетий. В подразделе мы рассмотрим и обобщим материалы, в которых освещена роль «Путешествия по Тавриде в 1820 году» в истории публикации и читательского восприятия поэмы «Бахчисарайский фонтан», проследим трансформацию «бахчисарайского мифа», а также покажем, как Пушкин-«читатель» повлиял на успех книги И. М. Муравьева-Апостола.

Сегодня творческим связям А. С. Пушкина и И. М. Муравьева-Апостола посвящен ряд работ: исследования В. А. Кошелева [117; 119], М. В. Строганова [253], А. Ю. Балакина, А. С. Бодровой [18] и др.

Но мы, прежде всего, вернемся к бахчисарайским письмам И. М. Муравьева-Апостола. В Бахчисарай из Севастополя путешественник прибыл ночью, но успел «пробежать по теремам и дворам таврической *Аламбры*» [180, с. 305]. Так он называет Ханский дворец, по аналогии с мавританским замком в Испании; «Русской Алгамброй», вслед за Муравьевым-Апостолом, впоследствии (1839) назовет Ханский дворец Н. И. Надеждин, не побывав, кстати, в Бахчисарае [196]. «И чем менее видимы становились предметы, – продолжил Муравьев-Апостол романтический рассказ о сумеречных впечатлениях, – тем живее делалась игра воображения моего, наполнившегося радужными цветами восточной поэзии» [180, с. 305]. Утром он разглядел дворец, и в письме к другу берется «показать» (описать) ему Дворец: «Я поведу тебя, мой друг, не из покоев, но так, как должно, – от внешних ворот, в которые проезд с улицы по мосту через узкую *Грязную речку, Сурук-Су*» [180, с. 305]. Сопоставление двух цитат дает возможность заметить, насколько достоверно отразил в них автор смену настроения: от романтического ожидания, ночного впечатления – до спокойного, свойственного историку, аналитичного восприятия увиденного. Необходима еще одна ремарка: И. М. Муравьев-Апостол особым акцентом выделяет название бахчисарайской речки: «*Грязная речка, Сурук-Су*». На самом деле, эта река была кормилицей бахчисарайских жителей, прозрачными истоками вытекала с гор. Но вода ее забиралась на все нужды, а выделка кож (важное ремесло в городе) и городские стоки обеспечили ей такое название [204].

Далее И. М. Муравьев-Апостол действительно детально и достаточно «прозаично» описывает дворец, состоящий «из смежных, неодинаковой высоты зданий», «железные двери, пестро, в арабском вкусе украшенные», сообщает перевод арабских надписей на двери, причем «за исправность

перевода не ручается», т. к. сделан перевод муллою по просьбе бахчисарайского полицмейстера Ананьича. «Прозаичность» описания вдруг на некоторое время исчезает, когда упоминаются «два прекрасные фонтана, беспрестанно льющие из стены в белые мраморные чаши: один насупротив дверей, другой тотчас налево». Впрочем, сентиментально-романтических восторгов нет даже здесь, а далее опять следует подробное описание помещений. Гарем и вовсе вызывает у него тяжелое и даже гневное чувство: «Эта часть более всех в упадке. Разные домики, в коих некогда жертвы любви, или, лучше сказать, любострастия, томились в неволе, представляют теперь печальную картину разрушения: обвалившиеся потолки, поломанные полы. Время сокрушило узилище, но что в том пользы, когда то же время, роком узникам определенное, протекло для них безотрадно, в рабских угождениях *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину!» [180, с. 308]. Легко увидеть, насколько это не соотносимо с романтическими картинами А. С. Пушкина в «Бахчисарайском фонтане». Дальше – больше.

Вот внимание Муравьева-Апостола привлекает стоящее в некотором отдалении «красивое здание с круглым куполом»: «Это мавзолей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своих, она повелевала тому, кому все здесь повиновалось, но не долго: увял райский цвет в самое утро жизни своей, и безотрадный Керим соорудил *любезной* памятник сей, дабы ежедневно входить в оный и утешаться слезами над прахом незабвенной. Я сам хотел поклониться гробу красавицы, но нет уже более входа к нему: дверь наглухо заложена. Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать полячек, все доводы мои остались бесполезными, они стоят все в одном: красавицей была Потоцкая; и я другой причины

упорству сему не нахожу, как разве принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких» [180, с. 310].

В наше время, когда мы знаем, что бахчисарайская легенда легла в основу поэмы «Бахчисарайский фонтан», мы особенно внимательно вслушиваемся в интонации Муравьева-Апостола, который, посетив Бахчисарай чуть позже А. С. Пушкина, передает ту же легенду. Привлекает внимание именование героини бахчисарайской легенды «новой Заирой». Упоминание «новой Заиры» означает, что Муравьев-Апостол сразу уловил «вторичность», «литературность» местного мифа, смысловую и даже сюжетную связь с трагедией Вольтера «Заира» (1732). У Вольтера сюжет таков: в иерусалимском серале султана Оросмана живет пленница Заира; она христианка, но воспитана в мусульманстве; ее связывает с султаном взаимная любовь, но она должна сделать выбор: христианство или брак с султаном. Заподозрив Заиру в измене, султан в ревности убивает ее. Но невиновность Заиры открылась, и в отчаянии султан заколол себя.

Подметить «вторичность» – значит не только дать оценку, но и предположить пути рождения легенды. Кроме того, обратим внимание на иронию, все более заметную к концу цитаты: «силою прелестей своих повелевала», «безотрадный Керим соорудил *любезной* памятник сей, дабы ежедневно входить в оный», «я сам хотел поклониться гробу красавицы», «все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая»; и, наконец, Муравьев-Апостол допускает вовсе «раздраженный» пассаж: «Они стоят все в одном: красавицей была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, как разве принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких» [180, с. 310].

Больше к этой теме автор «Путешествия...» не возвращается, и хотя «романтические» мечтания посещают его в Бахчисарае, связаны они не с красавицей из гарема, а с видами причудливых гор вокруг города,

рождающими у него исключительно исторические ассоциации: та скала представляется ему башней, «к падению склонившейся», «далее обелиск и подле него разоренный город»; «тут представляется взорам» его стена, и он «считает зубцы на ней»; «там пирамида огромная, может быть, гробница какого-нибудь Киммерийского вождя, завоевателя страны сей» [180, с. 312]. Долго в сумерках рассматривал горные вершины, «от мечтаний поэзии переходил к воспоминаниям истории». А перед сном умиротворенно «прощается с другом» в письме: «Так пора же мне ложиться спать, а тебе пожелать того, чего не знают честолюбцы, – спокойного сна» [180, с. 313]. Обратим, к слову, внимание, что письмо начинается и заканчивается романтическими «сумерками» – сложилась «кольцевая» композиция письма.

Нам важно было остановиться на описании бахчисарайских впечатлений Муравьева-Апостола, поскольку именно они скоро станут предметом особого внимания, в связи с «Бахчисарайским фонтаном» А. С. Пушкина. Именно «бахчисарайское» письмо претерпит две издательские редакции, «сокращенные» – по задачам публикации.

Теперь обратимся к бахчисарайским впечатлениям А. С. Пушкина. В ряде историко-литературных исследований, посвященных крымскому периоду в биографии А. С. Пушкина, «Путевые заметки по многим российским губерниям» Г. В. Геракова (1820) и «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола выступают важными контекстовыми источниками. Благодаря сведениям путешественников, ученым удалось уточнить даты пребывания поэта на полуострове (труды П. И. Бартенева, А. И. Маркевича, М. Б. Карского, Г. О. Булашева, А. Л. Бертье-Делагарда, Н. Н. Василевского, С. Ф. Платонова, Б. Л. Недзельского, Н. А. Тарховой и др.).

Пушкин с Раевскими посетил Бахчисарай раньше И. М. Муравьева-Апостола – 7 сентября 1820 г., во второй половине дня; на следующий день путешественники были уже в Симферополе [40, с. 180]. В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» сказано: «Оставляя слева Севастополь,

направляются Балаклавской дорогой (мимо Черкес-Кермена) в Бахчисарай, куда Пушкин приезжает больной лихорадкой. В Бахчисарае ночевка. Осматривают ханский дворец (Хан-Сарай) и в нем фонтан “Сельсибийль” (“Райский источник”). Из Бахчисарая едут в Симферополь» [134, с. 227–228].

Свои впечатления о крымской поездке поэт выразил в письме к брату Л. С. Пушкину (24 сентября 1820 года) и, спустя время, в «Отрывке из письма к Д.» (конец 1824 – начало 1825). Примечательно, что о Бахчисарае Пушкин пишет только в «Отрывке...»: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes* (фонтаном слез). Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище. Но не тем

В то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила. Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М. (Муравьев-Апостол. – *А. О.*), я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался» [228, т. 13, с. 250]. Содержание этого письма «складывается» у Пушкина после прочтения «Путешествия по Тавриде» Муравьева-Апостола: оно хорошо продумано, акценты расставлены так, что Пушкин и Муравьев-Апостол в читательском сознании обретают решительно разные «ореолы», но – ореолы.

Чтобы понять мотивы написания этого письма, необходимо обратиться к истории написания и публикации поэмы «Бахчисарайский фонтан», работа над которой длилась два с половиной года: с весны 1821 до осени 1823 года.

Проследим хронологию известий о «Бахчисарайском фонтане» и подготовке ее к публикации, выделяя при этом все, что было известно Пушкину о «Путешествии по Тавриде» Муравьева-Апостола.

Итак, в апреле 1823 г. П. А. Вяземский уже знал о новой поэме Пушкина и даже о ее содержании, поскольку 30 апреля 1823 г. писал А. И. Тургеневу: «На днях получил я письмо от Беса-Арабского Пушкина. Он скучает своим безнадежным положением, но, но словам приезжего, пишет новую поэму “Гарем” о Потоцкой, похищенной каким-то ханом, – событие историческое <...>» [227, т. 10, с. 162]. Как видим, Вяземский был убежден, что в основу поэмы положен реальный исторический факт, «событие историческое».

В августе 1823 года Пушкин писал своему брату, Льву Сергеевичу, о своей «новой поэме» [228, т. 13, с. 66–68].

А 14 октября 1823 г. в письме П. А. Вяземскому из Одессы говорит: «”Бахчисарайский фонтан”, между нами, дряннь, но эпитаф его прелесть» [228, т. 13, с. 68–70]. Эпитафом к поэме «Бахчисарайский фонтан» Пушкин предложил строки персидского поэта Саади: «Многие так же, как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече».

4 ноября этого же года Пушкин переслал Вяземскому свою рукопись и сопроводительное письмо, из которого приведем большой отрывок: «Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то, что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя, у меня *там* нет покровителей; еще просьба: припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в «Путешествии» Апостола-Муравьева статью «Бахчисарай», выпиши из нее что поноснее – да заморози все это своею прозою» [228, т. 13, с. 73].

Забегая вперед, скажем, что, по мнению В. А. Кошелева, такая просьба объясняется просто: «"Бахчисарайский фонтан" по объему никак не "тянул" на отдельную книжку» [119, с. 15], и «выписки» из «Путешествия по Тавриде» «должны были иметь характер реального комментария» [119, с. 15]. Но каким представлял Пушкин «реальный комментарий», еще не читая «Путешествие»? Возможно, он представлял «историческое, сухое известие» – это выражение примечено нами в более позднем письме Пушкина (первая половина ноября 1824 г.) брату Льву Сергеевичу из Михайловского в Петербург, где он просил любое «историческое, сухое известие» о Разине [228, т. 13, с. 118–119]. Думается, в этом выражении высказано представление о стиле профессиональных историков. Возможно, таким Пушкин представлял стиль Муравьева-Апостола, и у него были основания.

А. С. Пушкин мог много слышать о Муравьеве-Апостоле от своего дяди, В. Л. Пушкина, который в 1812 г. жил в Нижнем Новгороде в одном доме с семьей Муравьева-Апостола. В ту памятную зиму в Нижний Новгород, «чудный по вмещению Москвы», съехались московские аристократы – Архаровы, Глинки, Оленины, Пушкины: «<...> Василий Львович Пушкин, один из французманов, спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности. Иван же Матвеевич приводил свои аргументы, и спор разрастался» [117, с. 202–203].

А. С. Пушкин встречался с Муравьевым-Апостолом в Петербурге в доме Олениных [104, с. 382], в частности, 2 мая 1819 г. Пушкин и Муравьев-Апостол были на именинах Е. М. Олениной [283, с. 273–274]. В то время Муравьев-Апостол вплотную работал над переводом «Облаков» Аристофана, и, возможно, это было предметом светских разговоров. Кроме того, «арзамасец» Пушкин знал, что Муравьев-Апостол состоял в «Беседе любителей русского слова». Они могли встретиться и в Одессе 12–18 сентября 1820 г.: Пушкин уже возвратился из Крыма и, больной, несколько дней провел в Одессе [134, с. 392], а Муравьев-Апостол, как сказано в его «одесском» письме, прибыл в Одессу для изучения Ольвии 11 сентября [180,

с. 255]. Наконец предположим, что 1823 г. в Одессе хорошо помнили бывавшего здесь в 1820 г. Муравьева-Апостола и помнили его как историка-антиковеда, вплотную занимавшегося археологией Ольвии; знали о его общении с археологом Бларамбергом – это сформировало «одесское» мнение о нем. О Муравьеве-Апостоле Пушкин мог слышать в доме Херсонского предводителя дворянства М. М. Кирьякова [283, с. 192]. О Муравьеве-Апостоле мог рассказать Пушкину и сам П. И. Бларамберг, в одесском доме которого неоднократно бывал поэт в 1823–1824 гг. [283, с. 40], был знаком с его дочерьми и даже сочинил экспромт:

Вы перед всеми взяли верх,
 Пред вами преклоню колена,
 О, величавая Елена,
 О, Зинаида Бларамберг! [294, с. 87–88].

Вполне возможно, что Пушкин мог видеть и читать вышедшую в 1821 г. книгу Муравьева-Апостола «Ольвия: Отрывок из Путешествия в Тавриду в 1820 году», которая, несомненно, была в библиотеке Бларамберга. Мы уже анализировали эту книгу, но напомним, что собственно о путешествии там очень мало написано: основное текстовое пространство организовано пересказом «ольвиопольского» сновидения, переводом речи Диона Хрисостома и описанием ольвиопольских развалин. Можно предположить, что молодому Пушкину все это показалось «несносно» скучным. Мог ли он предполагать в новом сочинении Муравьева-Апостола другой стиль? Именно поэтому он просит Вяземского выписать из новой книги «что поноснее» – да «заворожить *все это* своею прозою». Но, думается, он больше полагался на «предисловие или послесловие» Вяземского. Случайно ли сразу после просьбы о предисловии он говорит о прилагаемом «полицейском послании, яко материале», подсказывая: «почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике)». В комментарии к письму сказано: «*Полицейское послание*, приложенное Пушкиным к письму, неизвестно» [227, т. 10, с. 173]. Логичным было

предположение, что так Пушкин мог назвать, например, записку С. С. Киселевой (урожденной Потоцкой) «о героине семейной легенды» [Фомичев, Евгений Онегин, с. 9]. Догадка, что полицейское «послание» принадлежит бахчисарайскому полицмейстеру Ананичу, в попечении которого был Ханский дворец (и который, как помним, показывал Дворец Муравьеву-Апостолу и даже нашел муллу, переведшего арабские надписи Дворца), высказана А. И. Бронштейном [39, с. 39–50]. Теперь эта догадка имеет документальное подтверждение: «полицейское послание» Ивана Ананьича обнаружено в Остафьевском архиве князей Вяземских (РГАЛИ) и опубликовано А. Ю. Балакиным и А. С. Бодровой [18].

А из следующего одесского письма Пушкина к Вяземскому (1–8 декабря 1823 г.) вытекает, что Пушкин не только не читал Муравьева-Апостола, но знал, что и Вяземский не читал «Путешествие». Так, после исправлений, которые он предлагает Вяземскому внести в текст поэмы, Пушкин сообщает: «Апостол написал свое путешествие по Крыму; оно печатается – впрочем, ожидать его нечего» [228, т. 13, с. 80–81]. Отсюда понятно, что известие о книге Муравьева-Апостола в Одессу пришло с кем-то из знакомых, но только теперь, в конце ноября, Пушкин узнал определенно и огорченно, что книга еще «печатается» – «ожидать нечего».

Между тем он спешил с изданием «Бахчисарайского фонтана» и 20 декабря 1823 г. из Одессы торопил Вяземского: «Рисунок с фонтана оставим до другого издания. Печатай скорее; не ради славы прошу, а ради Мамона». А в конце письма – раздумья о желанном «описании Бахчисарая»: «Ты, кажется, собираешься сделать заочное описание Бахчисарая? брось это. <...> Впрочем, в моем эпилоге описание дворца в нынешнем его положении подробно и верно <...>» [228, т. 13, с. 82–83].

Но в течение зимы 1823–1824 гг. Вяземский прочел книгу Муравьева-Апостола, отредактировал его текст (точнее, сократил), написал своеобразное предисловие (о нем речь впереди); в таком «контексте» вышла из печати поэма «Бахчисарайский фонтан». 8 марта 1824 г. Пушкин пишет ему из

Одессы: «От всего сердца благодарю тебя, милый Европейец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал все издание за 3000 р., а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им незачем» [228, т. 13, с. 88–89].

Впервые Пушкин увидел издание «Бахчисарайского фонтана» в начале апреля 1824 г., получив его в Одессе посылкой от Вяземского: «Сейчас возвратился из Кишинева и нахожу письма, посылки и “Бахчисарай”. Не знаю, как тебя благодарить; “Разговор” прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед <...>. Знаешь ли что? твой “Разговор” более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая <...> классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? это еще вопрос...

Брата я пожурил за рукописную известность “Бахчисарая”. Каков Булгарин и вся братья! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа – да пришли мне денег» [228, т. 13, с. 91–92]. (Поэма Пушкина действительно была довольно широко известна еще до печати) [230, с. 100–119].

Таким образом, увидев издание, Пушкин хвалит материал Вяземского – но ни словом не обмолвился о тексте Муравьева-Апостола. Возможно, конечно, предположить, что Вяземский уже присылал ему отредактированное «бахчисарайское» письмо Муравьева-Апостола. А скорее так: впервые прочитав в первом издании «Бахчисарайского фонтана», в каком духе говорит Муравьев-Апостол о бахчисарайской невольнице Потоцкой, Пушкин был озадачен.

Тем более что сиюминутные события в Одессе разворачивались все острее. В августе 1824 г. он прибыл в Михайловское, в ссылку. За это время он не имел возможности искать полный текст «Путешествия по Тавриде»

Муравьева-Апостола. Но в письме к брату Л. С. Пушкину из ссылки в Петербург (1–10 ноября 1824 г.) просит прислать ему, среди прочего, «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола: «Пришли мне: <...> 2) Серные спички. <...> 3) «Жизнь Емельки Пугачева». 4) «Путешествие по Тавриде» Муравьева. 5) Горчицы и сыру; но это ты и сам мне привезешь. <...>» [228, т. 13, с. 118–119].

Итак, «Выписка из Путешествия по Тавриде» после редакции П. А. Вяземского была напечатана в качестве приложения к поэме – в сокращенном виде. В. А. Кошелев видит в этом определенную «стратегию» по созданию авторского «образа» в сочинении И. М. Муравьева-Апостола: «Вяземский целенаправленно создавал образ “ученого путешественника”, противопоставленный образу вдохновенного поэта» [119, с. 106]. Из бахчисарайского письма были опущены переводы арабских надписей во дворце – возможно, чтобы читатель не смог ознакомиться с переводом надписи на описываемом А. С. Пушкиным фонтане. А. И. Бронштейн предположил, что П. А. Вяземский не включил в отрывок из «Путешествия» «перевод надписи на фонтане слез» потому, что «в надписи ничего не говорится о таинственной любви хана», а это не соответствовало романтической задаче А. С. Пушкина [39, с. 43]. Всего же Вяземский исключил три перевода с арабского, а также описания Муравьевым-Апостолом ханского кладбища, его размышления о судьбе этого исторического памятника. Кроме того, в «Выписку из Путешествия по Тавриде» не вошло лирическое рассуждение Муравьева-Апостола о восточной экзотике и магии 1001 ночи, которым так ярко было начато бахчисарайское письмо в полной версии книги. В первом издании текст поэмы занимает тридцать пять страниц, в то время как «приложения» (отрывок из «Путешествия по Тавриде» Муравьева-Апостола и предисловие Вяземского) – тридцать шесть [119, с. 15].

Напечатав отрывок из «Путешествия по Тавриде», Вяземский пишет свое предисловие, которое носит «манифестный характер» [117, с. 219] –

«Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», основной пафос которого сосредоточен в словах «Издателя» (Вяземского): «История не должна быть легковерна, поэзия напротив. Она часто дорожит тем, что первая отвергает с призрением, и наш поэт очень хорошо сделал, присвоив поэзии бахчисарайское предание и обогатив его правдоподобными вымыслами» [52, с. 98]. Это следует непосредственно после рассуждения «Издателя», насколько прав в своем скептицизме и Муравьев-Апостол – как «историк»: «Предание сие (о Марии Потоцкой – *А. О.*) сомнительно, и г. Муравьев-Апостол в Путешествии своем по Тавриде, недавно изданном, восстает, и, кажется, довольно основательно, против вероятия сего рассказа. Как бы то ни было – *сие предание есть достояние поэзии* (Курсив наш. – *А. О.*)» [52, с. 98]. Таким образом, «Издатель» «остроумно превратил противоречие между сюжетом поэмы и «историческими» сведениями в конструктивный факт» [Пушк. энц., с. 108], выстраивая для этого «отношения между текстами Муравьева-Апостола и Пушкина как отношения «прозы» и «поэзии» [230, с. 108].

«Разговор...» стал не только приложением к пушкинской поэме – сегодня мы можем рассматривать его как самостоятельное произведение Вяземского. Форма «Разговора...» – диалог между Классиком и Издателем. Классик – сторонник «классических» традиций в литературе, Издатель, напротив, выступает за «новых» поэтов-романтиков, и их противоречия отражали «реальные обстоятельства литературной борьбы» [52, с. 325]. «Разговор...» очень напоминает диалог Археонова и Неотина из цикла «Писем из Москвы в Нижний Новгород» (1813–1815 гг.) И. М. Муравьева-Апостола. Слова Классика о важности «пиитики Горация», вероятнее всего, указывают на самого Муравьева-Апостола. Такую версию подтверждает и то, что после выхода «Бахчисарайского фонтана» Вяземский интересовался мнением о «Разговоре...» у своих друзей по «Арзамасу». В. А. Жуковский, например, написал: «За твое предисловие к “Бахчисарайскому фонтану” обнимаю тебя; оно мне очень, очень понравилось» [137, с. 40]. Забегая

вперед, отметим, что второе издание «Бахчисарайского фонтана» также вышло с предисловием Вяземского, а из третьего Пушкин исключил это предисловие, переставшее «быть злободневным, и заменил его посвящением поэмы Вяземскому» [52, с. 325].

К следующим изданиям «Бахчисарайского фонтана» (начиная со второго, в 1827 г.) было добавлено еще одно приложение. А. С. Пушкин прочитал «Путешествие...» Муравьева-Апостола, и это побудило его написать «Отрывок из письма к Д.». Это не только письмо А. А. Дельвигу [117, с. 220], но и самостоятельное литературное произведение для печати: «Отрывок...» в 1825 году был напечатан в «Северных цветах», а в качестве приложения к поэме вошел во все издания после 1826 г. Основная мысль этого письма в том, что «мифологические предания» для Пушкина «счастливее воспоминаний исторических» [228, т. 13, с. 250–251]. Поэт вспоминает свою крымскую поездку, описывает свои впечатления, с сожалением отмечает, что не встретился в Крыму с Муравьевым-Апостолом, поражается тому, насколько различны были их впечатления, а также говорит об обширных знаниях автора «Путешествия...»: «Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием. Я был на полуострове в тот же год и почти в то же время, как и И. М. <Муравьев-Апостол>. Очень жалею, что мы не встретились, оставляю в стороне остроумные его изыскания; для проверки оных потребны обширные сведения самого автора. Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге: различие наших впечатлений» [228, т. 13, с. 250]. Сочинение Муравьева-Апостола стало для А. С. Пушкина «исходной посылкой для личных воспоминаний» о крымском путешествии [119, с. 20].

Итак, весной 1824 года «бахчисарайское письмо» Муравьева-Апостола в виде выдержки из «Путешествия по Тавриде» были во второй раз представлены публике – в качестве приложения к поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». А в июле этого же года в журнале «Отечественные записки» (№ 51) вновь напечатано «бахчисарайское письмо»

Муравьева-Апостола – теперь уже в соседстве с другим текстом – «Описанием дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненным, по приказу графа Миниха, Капитаном Манштейном». Кристоф Герман Манштейн (1711–1757) был адъютантом генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха; участвовал в Крымском походе во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг.; автор книги «Записки о России».

По всей видимости, одновременная публикация текстов Манштейна и Муравьева-Апостола было инициативой издателя журнала П. П. Свиньина, литератора, художника, географа, в прошлом члена «Беседы любителей русского слова». Журнал «Отечественные записки» ставил своей целью изучение Отечества, что манифестировалось на первой странице: «Россия, разнообразная климатами, <...> богатая классическими древностями – мало еще описанными, подвигами геройства и добродетелями – забытыми и неуваженными, учреждениями, беспрестанно вводимыми для распространения просвещения и т. п., открывает, по-видимому, обширное поле, легкий способ к составлению отечественных летописей» [203, с. 5]. Путешествия рассматривались как способ познания Отечества, а потому «издатель не щадит никаких издержек и трудов для получения любопытных материалов» и сам «ежегодно посвящает два и более месяцев на поездки во внутренние Губернии Государства для собирания отечественных материалов» [203, с. 5].

Яркое литературное событие 1824 г. – издание «Бахчисарайского фонтана» и «бахчисарайского письма» Муравьева-Апостола – побудило издателя еще раз показать публике интересные материалы, на этот раз – с текстом Манштейна. Это не вызвало возражений Муравьева-Апостола. Издатель, кроме того, в подстрочнике «проиллюстрировал» текст Муравьева-Апостола стихами из «Бахчисарайского фонтана». П. П. Свиньин очень ценил Пушкина и позднее, после совершенной им в 1825 г. поездки в Крым и посещения Бахчисарая, собственное описание Ханского дворца (1827) еще более украсил стихами из пушкинской поэмы [239, с. 149–163].

Текст Муравьева-Апостола в «Отечественных записках» шел вторым после «Описания дворца...» Манштейна, не был озаглавлен (в то время как заголовок текста Манштейна был графически выделен весьма крупно). Между ними была помещена небольшая редакторская заметка, где объяснялось: «Для сравнения с сим (Манштейна. – *А. О.*) старинным (1736 г. – *А. О.*) описанием Бахчисарайского дворца мы приличным считаем присовокупить выписку из Путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола в 1820 году. Без сомнения, и тем, которые читали сию превосходную книгу, приятно будет сличить два описания жилища Бахчисарайских ханов, тем более что любопытное повествование нового путешественника может ближе ознакомить с сим разрушающимся памятником Восточной неги и пышности» [167, с. 84]. «Сличение», впрочем, продолжается и тогда, когда строкам Муравьева-Апостола в виде поэтического комментария в подстрочнике даются стихи Пушкина.

Так, под описанием Муравьевым-Апостолом ханского сада («Вот насупротив больших ворот, на конце двора, к горе примыкающего, террасы в четыре уступа, на коих плодоносные деревья, виноград на решетках и прозрачные источники, с уступа на другой льющиеся в каменные бассейны»), помещены стихи:

«Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах!» [167, с. 96].

Еще одна «ссылка» на «Бахчисарайский фонтан» – после возмущенного рассуждения Муравьева-Апостола о жизни в гареме:

«Я видел ветхие решетки,
За коими в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине» [167, с. 94].

Но важно, что «Выписка» из «Путешествия по Тавриде» при публикации в «Отечественных записках» сохранила все «дворцовые» переводы с арабского, а также исторический комментарий автора в подстрочнике. Зато сокращения коснулись «романтических» (лирических) фрагментов начала и конца «бахчисарайского письма» Муравьева-Апостола, а также острых пассажей в пересказе бахчисарайской легенды (о Потоцкой).

Кто вносил эти сокращения? Вопрос принципиальный. Разумеется, это мог сделать издатель с согласия автора. Но думается, сокращения сделаны рукой Муравьева-Апостола, хорошо владеющего стилем: текст обретал научную строгость и лаконизм и корректно воспринимался после педантичного «Описания дворца», «учиненного» Манштейном.

Что касается сокращения (точнее, усечения) пересказа легенды о ханской возлюбленной, то, в отличие от первоначального текста 1823 г., в «Отечественных записках» 1824 г., после выхода «Бахчисарайского фонтана», текст Муравьева-Апостола заканчивался словами: « <...> Все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем» [167, с. 100]. Кажется, это можно рассматривать как своеобразное признание достоинств поэмы Пушкина – даже вопреки убеждению Муравьева-Апостола в «искусственности» бахчисарайской легенды о «новой Заире».

(Забегая далеко вперед, заметим, что бахчисарайский фрагмент «Путешествия» публиковался еще раз – спустя столетие, в 1937 году, в книге С. Д. Коцюбинского «Пушкин в Крыму» (Симферополь, 1937). Имя Муравьева-Апостола упоминает неоднократно: когда автор ведет речь об античных памятниках полуострова [121, с. 20], о гурзуфском доме Ришелье [121, с. 30]. В приложении к книге помещена «Выписка из Путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола (Приложена Пушкиным в его поэме)» – в том объеме, в каком помещена была она в издание «Бахчисарайского фонтана» [200]).

Апогей литературной славы И. М. Муравьева-Апостола приходится на 1824 год. Об этом свидетельствует и письмо драматурга П. А. Катенина из Петербурга к Пушкину в Михайловское от 24 ноября 1825 г. Катенин рассказывает о происходившем «в прошедшую пятницу» в доме ведавшего императорскими театрами военного генерал-губернатора С.-Петербурга гр. М. А. Милорадовича заседании «комитета словесников», где обсуждалась предлагаемая к постановке трагедия Катенина «Андромаха». «Какими правилами руководствуются при этом сборе – мне неизвестно, – возмущался Катенин, – а знаю только, что, к сожалению моему, не было тут ни Оленина, ни Гнедича, ни Жуковского, ни Жандра, ни Лобанова, ни Хмельницкого. Из людей, в самом деле известных в словесности, находились только Шишков, Муравьев-Апостол, Шаховской и Крылов (Курсив наш. – А. О.)» [228, т. 13, с. 242–243]. На заседании Катенин не присутствовал (вместо него текст читал молодой В. А. Каратыгин, ученик Катенина), но «Андромаха» на этом заседании была одобрена к постановке, и можно предположить активную роль признанного антиковеда И. М. Муравьева-Апостола в обсуждении трагедии.

Но до самых трагических дней в жизни И. М. Муравьева-Апостола в декабре 1825 года оставалось совсем немного.

Выводы к разделу

Вся предыдущая литературная и переводческая деятельность И. М. Муравьева-Апостола предопределила «античный вектор» крымского путешествия.

Активизация археологического и переводческого направлений в работе Императорской Академии подавала идею «академического» путешествия в Тавриду, край «своей» античности.

Планы такого путешествия «созревали» также в связи с семейными и биографическими воспоминаниями о В. М. Долгорукове-Крымском, герцоге

Ришелье, К. И. Габлице. «Академическая» экспедиция по своей неосуществимости заменилась путешествием – семейной поездкой, что, в свою очередь, повлияло на «жанр» написанной по итогам поездки книги «Путешествие по Тавриде в 1820 году».

В отличие от «научного» путешествия, маршрут Муравьева-Апостола по Крыму не был заранее продуман и очерчен в строгом соответствии с поставленными научными задачами и включил в себя многие версты «побочных» направлений и соответственных впечатлений. Поэтому повествование о собственно античных топосах (местности вокруг Херсонеса, Феодосии, Керчи) складывается в «самостоятельные» «археологические главы», несущие важную историческую информацию, основанную на показаниях древних авторов и сличении этих сведений «на местности». Позднейшая по срокам научная «проверка» исторических суждений Муравьева-Апостола не привела к их опровержению, а скорее воспринимается как историческая гипотеза. Но современные археологические открытия античных поселений в юго-западном Крыму высвечивают сегодня перед исследователем новый «план» изучения научных «античных» версий в «литературной археологии» Муравьева-Апостола.

«Античный текст», благодаря фундаментальным знаниям Муравьева-Апостола, легко и естественно вплетается в разработку «крымского текста» – в виде документально обоснованной исторической полемики, гипотез, художественно оправданных сравнений, ассоциаций, лирических «рассуждений» и отступлений.

Вместе с тем книга Муравьева-Апостола оказалась интересной не только ученым и членам Императорской Академии, но и широкому кругу «просвещенных» читателей-современников. Это достигнуто тщательно продуманным соединением научно-исторического текста с доступной и увлекательной информацией географического, натурфилософского, хозяйственного характера, вплоть до «сюжетов» крымских встреч. Поэтому

книга Муравьева-Апостола содержит важные и сегодня краеведческие факты, что обеспечивает ей непреходящую актуальность.

Следует учитывать, что доступность и увлекательность повествования, обеспечивающие читательское внимание, достигается и выражается не только в стилевых находках лингвистического порядка. Важнейшим условием авторского успеха И. М. Муравьева-Апостола является знание современной ему психологии читательского восприятия, что приводит к хорошо продуманной «очередности» эмоционально-смысловых фрагментов текста, расстановке оценочных акцентов, «программированию» постоянной читательской заинтересованности.

Важнейшим фактором в этом смысле становится организация текста в виде «эпистолярных» отрывков («писем приятелю»), использованная еще в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород». Это позволяет автору «произвольно» (как в «дружеском послании») «отбирать» и регламентировать информацию, включать значительные «периоды» «исторического нарратива», нарушать хронологию, использовать для ее логического восстановления последующее «припоминание», «по своему настроению» начинать и заканчивать «эпистолярный» текст, использовать стилистику, характерную для «дружеского послания».

Отмеченная нами диалектика образа «приятеля-адресата» в образ адресата-«ученого», причем антиковеда, научной осведомленностью даже превосходящего автора, с одной стороны, сообщает дополнительную весомость историческим доводам автора (и, стало быть, «работает» на формирование образа автора), а с другой – позволяет читателю «примириться» с недоступностью его пониманию некоторых фрагментов текста – без ущерба для читательского самолюбия.

Успех «Путешествия по Тавриде» подтвердился интересом А. С. Пушкина и П. А. Вяземского и публикацией «бахчисарайского» письма Муравьева-Апостола в качестве «реального» комментария к поэме «Бахчисарайский фонтан» (1824). История этой публикации выросла в целый

историко-литературный сюжет с большим количеством действующих лиц и неожиданных обстоятельств [117; 230].

Новым доказательством авторского признания и популярности стала публикация «бахчисарайского письма» (с иными параметрами сокращений) в «Отечественных записках» (1824), где текст Муравьева-Апостола успешно соседствовал с педантичным описанием Ханского дворца, «учиненным» Манштейном, но при этом «иллюстрировался» поэтическими цитатами из «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина: создавалась новая издательская версия «целостного» «бахчисарайского текста», имевшего, как показало время, наиболее успешные перспективы в формировании «крымского текста».

Стилевой «синтетизм», присущий книге Муравьева-Апостола, взвешенность, продуманность и, одновременно, «внешняя незаметность» художественных приемов в повествовании, позволяет видеть «Путешествие по Тавриде» в ряду лучших исторически информативных и, одновременно, художественных текстов о Тавриде-Крыме. В восприятии последующих поколений произошло смещение акцентов в «жанровых» характеристиках книги: с исторических – на литературные, с «историописания» – на жанр «путешествия». Уместно будет привести в данном случае высказывание Ф. В. Булгарина по поводу «Бахчисарайского фонтана», но справедливое и по отношению к И. М. Муравьеву-Апостолу: «Кто покоряет сердца читателей, кто нравится невольно всем – тот истинный поэт, к какому бы роду ни принадлежали его произведения» [41, с. 204].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Муравьев-Апостол являлся ярким представителем русского Просвещения, предполагавшего разностороннее образование и развитие личности, основательность познаний древности и личную активность писателя (ученого) в распространении знаний, участие в литературном процессе.

Литературную известность государственному деятелю в отставке И. М. Муравьеву-Апостолу принесли переводы западноевропейских и греческих авторов. «Письма из Москвы в Нижний Новгород» стали первым оригинальным произведением Муравьева-Апостола, позволившем автору использованием эпистолярной формы «представить» читателям свою литературную личность. Но самым значительным произведением Муравьева-Апостола является «Путешествие по Тавриде в 1820 году»: И. М. Муравьев-Апостол навсегда закрепил за собой репутацию знатока античного мира. «Путешествие по Тавриде» скоро стало своеобразным путеводителем для крымских путешественников.

«Продолжение писем в Нижний Новгород», предпринятое Муравьевым-Апостолом в 1824 г., видится нам своеобразным «продолжением» светских разговоров о недавно (1823) вышедшем «Путешествии по Тавриде». Представляется, это было реакцией Муравьева-Апостола на замечания о «перенасыщении» «Путешествия по Тавриде» «научностью», цитатами на древнегреческом языке, полемикой с древнегреческими авторами.

В трудах о биографии и творчестве Муравьева-Апостола [111; 117; 125; 127; 266] «Путешествие по Тавриде» не получило пока должного изучения. Текст «Путешествия по Тавриде» оказался «забытым» и не стал предметом рассмотрения в богатой литературоведческой практике по литературе путешествий.

В современном литературоведческом изучении жанр «путешествия» обретает характеристики как собственно художественного текста, так и публицистики. «Путешествие» рассматривается как информативный и, одновременно, популярный вид литературы. Предложенные учеными периодизации в развитии жанра путешествия предполагают наличие в текстах определенных типологических черт. В ряде работ отечественных исследователей не только систематизируются наработки предшественников, но и выявляются новые черты «путешествия», характерные для определенного периода и диктуемые изменениями в обществе.

Вместе с тем, в ряду наметившихся направлений по изучению литературы путешествий (рассмотрение «путешествия» в исторической логике содержательных разновидностей, в связи «практики путешествий» с культурным и историческим контекстом; анализ жанровой природы «путешествий», выявление «типологических черт» в литературе путешествий того или иного периода) все более расширяется работа по выявлению и анализу материалов «локального травелога» [160; 249; 258–260]. Это обуславливает дополнительный научный интерес к «Путешествию по Тавриде» Муравьева-Апостола как к одному из самых значительных в литературе о Крыме начала XIX века.

Оказываясь на «пересечении художественной и нехудожественной сфер» (М. Э. Шульгун), литература путешествий подчиняется «целевым» законам жанра, но при этом, как доказывает М. Г. Шадрина, «авторская речь обладает стилистическими особенностями», и задача исследователей – «показать специфику функционирования языковых единиц с учетом многоаспектной организации «дорожного» материала» [286, с. 7]. В стилистической палитре текста немаловажную роль играет заглавие. С учетом того, что «путешествия», как правило, имеют « типовые » названия, Н. В. Иванова настаивает на изучении «специфики названия» [84, с. 3].

«Специфической» особенностью «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола стало использование «архаичной» формы

«в 1820 годе», что, на наш взгляд, определяет «регистр» восприятия текста еще до его прочтения.

Форма «в 1820 годе» в названии определила книге широкое контекстовое «созвучие». Мы показали, что эта форма воспринималась не просто «устаревшей» на фоне общепринятой и в деловых, и в обыденных бумагах формы «в году». Приведенные «контекстовые» и хронологически соотнесенные примеры из разных сфер словесной культуры убеждают, что форма «в годе» использовалась в довольно редких случаях:

а) как обязательная в церковных текстах;

б) как нормативная – в текстах документов (актов) исторического характера и в текстах людей, имевших классическое филологическое образование XVII–XVIII вв.;

в) как демонстративно-нормативная – в текстах начала XIX в, авторы которых подчеркивали приверженность «старой» филологической школе и «ориентировали» свои сочинения на подобие сочинениям «древних» («Житие» И. Д. Ертова, «Повесть» И. М. Долгорукова).

Все примеры употребления формы «в годе» ориентированы на «высокий слог». Подчеркнутое употребление словоформы «в годе» пробуждает в сознании читателя мысли об исторически значимом, *эпичном*, несуетном.

Рассмотрение «Путешествия по Тавриде» в контексте современных литературоведческих исследований заставляет прийти к убеждению, что это сочинение соединило в себе самые неожиданные черты: и научного трактата, и научной полемики, и буквализма, и острословия, и приятельской «болтовни»; включило в себя и сиюминутные впечатления, и авторские фантазии, и описательную скрупулезность, и высокую патетику.

«Путешествие по Тавриде» является логическим и художественным итогом всей предыдущей литературной деятельности И. М. Муравьева-Апостола. Жанровое и художественное своеобразие книги объясняется успешными наработками в переводческой практике Муравьева-Апостола и

столь же успешным опытом издания «Писем из Москвы в Нижний Новгород».

После отставки от дипломатической службы в 1806 г. Муравьев-Апостол испытывал глубокую неудовлетворенность от доставшейся ему в удел помещичьей жизни. Поиск новой деятельности побуждает продолжить начатые в 1796 году «переводческие опыты». Развернувшаяся в Императорской Российской Академии серия публикаций античных авторов в переводе членов Академии («Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» А. А. Нартова и др., 1806–1809; «Летопись К. Корнелия Тацита» в пер. С. Я. Румовского, 1806–1809) заставляла Муравьева-Апостола именно в переводческом труде искать не только поле деятельности, но и круг литераторов-единомышленников.

В этом смысле важным шагом на пути в литературное сообщество стала публикация оды Горация и рецензии на ее профессора Московского университета Буле; незначительная дискуссия (Буле – Каченовский) по поводу перевода Горация, по сути дела, ставила Муравьева-Апостола в один ряд с известными переводчиками его времени.

Вступление в 1811 г. в общество «Беседа любителей русского слова» и близость с Г. Р. Державиным утверждало положение Муравьева-Апостола в литературном сообществе. Авторитет скрупулезного переводчика сделал возможным принятие в 1811 г. Муравьева-Апостола в Императорскую Академию наук. С этого момента он видел свою деятельность в русле литературных, лингвистических и исследовательских планов Академии.

Привлечение контекстовых литературных материалов приводит нас к гипотезе о том, что взятые из библиотеки Г. Р. Державина в 1811 году книги «для сравнения слога» необходимы были ему для подготовки обширного доклада в Академии наук, и к этому докладу И. М. Муравьев-Апостол готовился основательно, понимая значимость и ответственность своего первого «академического» выступления.

Война 1812 г. оборвала многие надежды Муравьева-Апостола. Но значительный успех «Писем из Москвы в Нижний Новгород» убеждает его в возможности и необходимости новых жанровых решений, позволяющих проявить себя в различных творческих аспектах.

Перевод (1819) и публикация «Облаков» Аристофана свидетельствует, с одной стороны, о продолжении переводческой практики Муравьева-Апостола (обещание перевести «всего Аристофана»), а с другой – о серьезной исторической подготовке автора и расширении его «полномочий» в тексте: в издании Аристофана Муравьев-Апостол выступил и как переводчик, и как комментатор-лингвист, и как историк, и как автор вступительной статьи.

После Наполеоновских войн Императорская Академия, особенно со вступлением на пост президента С. С. Уварова, достаточно быстро стала развивать приоритетные направления в естественнонаучном и историческом изучении Отечества. Сложившийся научно-исторический «дискурс» побуждает Муравьева-Апостола применить свои знания древности в «археологическом» направлении. Но все более набирающая силы «профессиональная» археология убеждала Муравьева-Апостола в необходимости нового жанрового решения, которое позволило бы соединить научное знание со свободным самовыражением и слогом. Возникшая идея путешествия в Тавриду была «поддержана» и семейными преданиями.

Поездка в Одессу для ознакомления с историей античной Ольвии отражена в публикации в 1821 г. текста «Ольвия: Отрывок из Путешествия в Тавриду в 1820 году». Публикация этих материалов демонстрирует стилевой и содержательный поиск автора в «историописании», характеризующемся, «в духе древних», достаточной свободой от канонов строгого научного текста. Так, в редакции 1821 г. «Ольвия...» представляла собой соединение собственно перевода («Речь Диона Хрисостома») с пространным философско-умозрительным эссе («сновидение» о древней Ольвии).

Эти материалы были повторены в «Путешествии по Тавриде в 1820 году» (1823), но изменены композиционные параметры: перевод «Речи Диона Хрисостома», видимо, как нарушающий общий сюжет путешествия, помещен в качестве приложения в конце книги; «сновидение» сохранялось, но с авторским предисловием органично вписалось в стилевую диалектику «Путешествия по Тавриде».

Вся предыдущая литературная и переводческая деятельность И. М. Муравьева-Апостола предопределила «античный вектор» крымского путешествия, подавала идею «академического» путешествия в Тавриду, край «своей» античности.

Планы такого путешествия «созревали» также в связи с семейными и биографическими воспоминаниями о В. М. Долгорукове-Крымском, герцоге Ришелье, К. И. Габлице. «Академическая» экспедиция по своей неосуществимости заменилась путешествием – семейной поездкой, что, в свою очередь, повлияло на «жанр» написанной по итогам поездки книги «Путешествие по Тавриде в 1820 году».

В отличие от «научного» путешествия, маршрут Муравьева-Апостола по Крыму не был заранее продуман и очерчен в строгом соответствии с поставленными научными задачами и включил в себя многие версты «побочных» направлений и соответственных впечатлений. Поэтому повествование о собственно античных топосах (местности вокруг Херсонеса, Феодосии, Керчи) складывается в «самостоятельные» «археологические главы», несущие важную историческую информацию, основанную на показаниях древних авторов и сличении этих сведений «на местности». Позднейшая по срокам научная «проверка» исторических суждений Муравьева-Апостола не привела к их опровержению, а скорее воспринимается как историческая гипотеза. Но современные археологические открытия античных поселений в юго-западном Крыму высвечивают сегодня перед исследователем новый «план» изучения научных «античных» версий в «литературной археологии» Муравьева-Апостола.

«Античный текст», благодаря фундаментальным знаниям Муравьева-Апостола, легко и естественно вплетается в разработку «крымского текста» – в виде документально обоснованной исторической полемики, гипотез, художественно оправданных сравнений, ассоциаций, лирических «рассуждений» и отступлений.

Жанр «путешествия», к которому обратился И. М. Муравьев-Апостол, требовал от автора учета «опыта» предшественников, в том числе трудов исследователей Крыма. По большому счету, «Путешествию по Тавриде» свойственен «диалог» автора не только с формально избранным приятелем-адресатом, но и с российским литературным кругом, и с кругом ученых-«классиков», и с широкой читательской аудиторией.

Книга Муравьева-Апостола оказалась интересной не только ученым и членам Императорской Академии, но и широкому кругу «просвещенных» читателей-современников. Это достигнуто тщательно продуманным соединением научно-исторического текста с доступной и увлекательной информацией географического, натурфилософского, хозяйственного характера, а также включением «сюжетов» крымских встреч, застолий, казусов, бытовых зарисовок, личных воспоминаний, медитативных фрагментов.

Условием авторского успеха И. М. Муравьева-Апостола является знание современной ему психологии читательского восприятия, что приводит к хорошо продуманной «очередности» эмоционально-смысловых фрагментов текста, расстановке оценочных акцентов, «программированию» постоянной читательской заинтересованности.

Важнейшим фактором в этом смысле становится организация текста в виде «эпистолярных» отрывков («писем приятелю»), использованная еще в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород». Это позволило «произвольно» (как в «дружеском послании») «отбирать» и регламентировать информацию, включать значительные «периоды» «исторического нарратива», нарушать хронологию, использовать для ее логического восстановления последующее

«припоминание», «по своему настроению» начинать и заканчивать «эпистолярный» текст, использовать стилистику, характерную для «дружеского послания».

Отмеченная нами диалектика образа «приятеля-адресата» в образ адресата-«ученого», причем антиковеда, научной осведомленностью даже превосходящего автора, с одной стороны, сообщает дополнительную весомость историческим доводам автора (и, стало быть, «работает» на формирование образа автора), а с другой – позволяет читателю «примириться» с недоступностью его пониманию некоторых фрагментов текста – без ущерба для читательского самолюбия.

Успех «Путешествия по Тавриде» подтвердился интересом А. С. Пушкина и П. А. Вяземского и публикацией «бахчисарайского письма» Муравьева-Апостола в качестве «реального» комментария к поэме «Бахчисарайский фонтан» (1824). История этой публикации выросла в целый историко-литературный сюжет с большим количеством действующих лиц и неожиданных обстоятельств [117; 230].

Новым доказательством авторского признания и популярности стала публикация П. П. Свиньиным «бахчисарайского письма» (с иными параметрами сокращений) в «Отечественных записках» (1824), где текст Муравьева-Апостола успешно соседствовал с педантичным описанием Ханского дворца, «учиненным» Манштейном, но при этом «иллюстрировался» поэтическими цитатами из «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина: создавалась новая издательская версия «целостного» «бахчисарайского текста», имевшего, как показало время, наиболее успешные перспективы в формировании «крымского текста».

«Путешествие по Тавриде в 1820 году» содержит важные и сегодня краеведческие факты, что обеспечивает книге непреходящую актуальность. Стилиевой «синтетизм», присущий книге Муравьева-Апостола, взвешенность, продуманность и, одновременно, «внешняя незаметность» художественных приемов в повествовании, позволяет видеть «Путешествие по Тавриде» в

ряду лучших исторически информативных и, одновременно, художественных текстов о Тавриде-Крыме.

В восприятии последующих поколений произошло смещение акцентов в «жанровых» характеристиках книги: с исторических – на литературные, с «историописания» – на жанр «путешествия». Уместно будет привести в данном случае высказывание Ф. В. Булгарина по поводу «Бахчисарайского фонтана», но справедливое и по отношению к И. М. Муравьеву-Апостолу: «Кто покоряет сердца читателей, кто нравится невольно всем – тот истинный поэт, к какому бы роду ни принадлежали его произведения» [41, с. 204].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовская И. А., Кошелев В. А., Охременко А. А. «Русский путешественник»: освоение Крыма / И. А. Абрамовская, В. А. Кошелев, А. А. Охременко // Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол. – Великий Новгород – Симферополь – Нижний Новгород : ООО «Растр», 2016. – С. 4–21.
2. Августин. Слова в присутствии членов Святейшаго правительствующаго Синода, в Санктпетербурге в 1805 году, сказыванныя Второго Кадетскаго корпуса учителем закона, Санктпетербургской епархии второкласной Троицкой Сергиевой пустыни, состоящей по Петергофской дороге, архимандритом Августином / Августин. – Санктпетербург : В типографии Святейшего правительствующаго Синода, 1805. – 34 с.
3. Авсенева С. Н. Керчь конца XVIII – первой четверти XIX века в записках иностранных путешественников / С. Н. Авсенева // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. – Симферополь, 2013.– Т. 26(65), № 1.– С. 3–15.
4. Авсенева С. Н. Проблема сохранения памятников Керчи в трудах путешественников конца XVIII – первой половины XIX века / С. Н. Авсенева // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПК.– Київ, 2013.– Вип. 23.– С. 126–142.
5. Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря / М. В. Агбунов. – Москва : Наука, 1987. – 156 с.
6. Александрова И. В. Пути развития русской комедии первой трети XIX в. / И. В. Александрова. – Симферополь : «Доля», 2013. – 420 с.
7. Александрович С. С. Источники по истории древнегреческой полиоркетики / С. С. Александрович // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. – Минск : БДУ, 2005. – С. 136–144.

8. Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – Москва : НЛЮ, 2007. – 448 с.
9. Альтшуллер М. Г., Мартынов И. Ф. «Звучащий стих свободы ради» : Очерки о читателях декабристской поры / М. Г. Альтшуллер, И. Ф. Мартынов. – Москва : Книга, 1976 – 120 с.
10. Андреев А. Р. История Крыма / А. Р. Андреев. – Москва : Белый волк, 2002. – 108 с.
11. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. Библиогр. указатель / сост. Е. В. Свиясов. – Санкт-Петербург : Издательство «Дмитрий Буланин», 1998. – 400 с.
12. «Арзамас» и «арзамасские» протоколы / Изд. подг. М. С. Боровкова-Майкова, Д. Д. Благой. – Ленинград : Издательство Писателей в Ленинграде, 1933. – 302 с.
13. «Арзамас» : Сборник: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро и А. Л. Осповата. – Москва : Художественная литература, 1994.
14. Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его / З. А. Аркас // ЗООИД. – Одеса : Городская типография, 1848. – Т. 2. – С. 245–271.
15. Артемьева Т. В. Русский Кандид / Т. В. Артемьева // Философский век. Альманах. Вып. 26. История идей в России: материалы и исследования. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. – С. 13–42.
16. Баевский В. И. История русской поэзии: 1790–1980 / В. С. Баевский. – Москва : Новая школа, 1996. – 320 с. – Режим доступа: <http://www.philologoz.ru/texts/baevsky.htm#02>. – 12. 08. 2017. – Загл. с экрана.
17. Базанов В. Г. Ученая республика / В. Г. Базанов. – Москва, Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1963. – 463 с.
18. Балакин А. Ю., Бодрова А. С. «Полицейское послание яко материал» (к творческой истории «Бахчисарайского фонтана» /

А. Ю. Балакин, А. С. Бодрова // Временник Пушкинской комиссии. Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, 2013. – Вып. 31. – С. 5–16.

19. Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога / О. Балла // Homo-legens.ru : Журнал “Homo Legens”, 2012. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/4173>. Загл. с экрана.

20. Банк Б. В. Изучение читателей в России XIX в. / Б. В. Банк. – Москва : Книга, 1969. – 262 с.

21. Бартелеми Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертаго века до Рождества Христова / Ж.-Ж. Бартелеми ; пер. с фр. П. Страхова. – Москва : В Университетской Типографии у Любия, Гария и Попова, 1803. – 418 с.

22. Бартелеми Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции / Ж.-Ж. Бартелеми ; пер. с фр. Имп. Рос. ак. президентом Андреем Нартовым. – Санктпетербург : 1804. Т. 1.

23. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2-х т. / К. Н. Батюшков. – Москва : Художественная литература, 1989. – Т. 1–2.

24. Без подп. Ольвия. Отрывок из Путешествия в Тавриду в 1820 году; с приобщением перевода отрывка из вористенской речи Диона Хрисостома. – Санктпетербург : Печатано при Имп. Академии Наук, 1821. – 48 с. [Рецензия] / N/ N. // Сын Отечества. – 1821. – № 25 – С. 232–234.

25. Без подп. Путешествие по Тавриде в 1820-м году Г. Муравьева-Апостола. С-Петербург. В Типографии при Особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел. 1823. [Рецензия] / N. N. // Северный архив. – 1824. – № 9. – С. 151–160.

26. Белецкий А. И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки (изучение истории читателя) / А. И. Белецкий // В мастерской художника слова. – Москва : Высшая школа, 1989. – С. 112–126.

27. Беликов А. И., Елагина А. А. Тацит в отечественной историографии до 1917 года / А. И. Беликов, А. А. Елагина // Диалог со временем. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 274–285.

28. Белов Г. Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк / Г. Д. Белов. – Ленинград : Государственный Эрмитаж, 1948. – 147 с.

29. Бердников Лев. Карл Габлиц Таврический / Лев Бердников // Новый берег. – 2011. – № 31.

30. Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе / А. Л. Бертье-Делагард; вступ. слово С. А. Макуреновой. – Изд-е репринтное. – Москва : «Река времен», 2017. – 96 с.

31. Бестужев А. А. Взгляд на Русскую словесность в течение 1823 года / А. А. Бестужев // Полярная звезда. – 1824. – С. 1–14.

32. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2-х т. / А. А. Бестужев-Марлинский. – М. : Худож. лит., 1981. – Т. 2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Статьи; Письма / Сост.; подгот. текста; коммент. В. И. Кулешова. – 591 с.

33. Бларамберг И. П. О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде / И. П. Бларамберг // Одесский альманах на 1831-й год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. – Одесса : Печатано в Городской Типографии, 1831. – С. 298–307.

34. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – Москва : ОЛМА, 2010. – 1023 с

35. Боннар А. Греческая цивилизация : в 3 т. / Андре Боннар. – Москва : Искусство, 1991. –

Т. 1 : От Илиады до Парфенона. – 1992. – 269 с.

Т. 2 : От Антигоны до Сократа. – 1991. – 334 с.

Т. 3 : От Еврипида до Александрии. – 1991. – 398 с.

36. Боровкова В. Н. И. М. Муравьев-Апостол в Керчи / В. Н. Боровкова. – Керчь : Керченский историко-культурный заповедник, 1993. – 6 с.

37. Бобкова М. С. О природе исторических терминов / М. С. Бобкова // Терминология исторической науки. Историописание. – Москва : ИВИ РАН, 2010. – С. 8–15.
38. Броневский В. Б. Обозрение Южного берега Тавриды. В 1815 году / В. Б. Броневский. – Тула : Тип. Губ. правления, 1822. – 192 с.
39. Бронштейн А. И. Пушкин и Бахчисарай / А. И. Бронштейн // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. – Симферополь, 1994. – № 1. – С. 39–50.
40. Бронштейн А. И., Черноусова (Андрейко) Е. В. «В Бахчисарай приехал я больной...» / А. И. Бронштейн, Е. В. Черноусова (Андрейко) // «К пределам дальным...»: Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму. – Симферополь : Крымский Архив, 2012. – С. 180–190.
41. Булгарин Ф. В. Примечание к статье В. Н. Олина «Критический взгляд на «Бахчисарайский фонтан» / Ф. В. Булгарин // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. Пушкинская комиссия РАН. – Санкт-Петербург : Государственный Пушкинский театральный центр, 1996. – С. 203–204.
42. Буле И. Т. Письмо к издателю «Вестника Европы» от профессора Буле / И. Т. Буле // Вестник Европы. – М., 1809. – № 20. – С. 267–272.
43. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа» / В. Э. Вацуро. – Санкт-Петербург : «Наука», 2002. – 238 с.
44. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1976. – 511 с.
45. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1971. – 239 с.
46. Виноградов Ю. А. «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.) / Ю. А. Виноградов. – Санкт-Петербург : «Петербургское Востоковедение», 2004. – 208 с.

47. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование / Ю. Г. Виноградов. – Москва : Наука, 1989. – 288 с.
48. Водовозов В. И. Словесность в образцах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии / В. И. Водовозов. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Сущинского, 1868. – 407 с.
49. Воейков А. Ф. О нововышедшей книге: «Путешествие по Тавриде, соч. И. М. Муравьева-Апостола». Рец. / А. Ф. Воейков // Новости Литературы. – 1824. – № 20. – С. 113–126; № 21. – С. 129–140.
50. Вулих Н. В. Овидий / Н. В. Вулих. – Москва : Молодая гвардия, 1996. – 282 с.
51. Выгон М. Пушкин в Крыму / М. Выгон. – Симферополь : Таврия, 1974. – 70 с.
52. Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Литературно-критические статьи. / П. А. Вяземский; Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. – Москва : Худож. лит, 1982. – 383 с.
53. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня / М. Л. Гаспаров. – Москва : Наука, 1971. – 280 с.
54. Гиленсон Б. А. История античной литературы. Древняя Греция / Б. А. Гиленсон. – Москва : Наука, 2002. – Режим доступа: http://oldevrasia.ru/library/Boris-Aleksandrovich-Gilenson_Istoriya-antichnoy-literatury--Kniga-1--Drevnyaya-Gretsiya/. – 30. 07. 2017. – Загл. с экрана.
55. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) / А. Г. Герцен // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь : АнтикВА, 2008. – Вып. 3. – С. 212–254.
56. Голицын В. С., Конюхова Е. В. Путешествие в Англию князя Василия Голицына в 1818 году / В. С. Голицын, Е. В. Конюхова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : Альманах. – Москва : Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 2010. – С. 278–304.

57. Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII века) / О. М. Гончарова // Крымский текст в русской культуре: Материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 7–22.

58. Греч Н. И. Воспоминания о Дмитрие Максимовиче Княжевиче / Н. И. Греч – Санктпетербург : Тип. Н. И. Греча, 1860. – 24 с.

59. Греч Н. И. На замечания Господина В., стр. 113–126. – № 20 Новости Литературы, издаваемых при Русском Инвалиде / Н. Греч // Сын Отечества. – 1824. – № 25. – С. 204–215.

60. Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы / Н. И. Греч. – Санктпетербург : В типографии Н. Греча, 1822. – 394 с.

61. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений : В 3 т. / А. С. Грибоедов. – Санкт-Петербург : НОТАБЕНЕ, 1999. – Т. 2. – 620 с.

62. Громенко С. Польские путешественники по Крыму конца XVIII – начала XX века: феномен и классификация / С. Громенко // Крымско-польский сборник научных работ. – Симферополь : Универсум, 2004. – С. 73–78.

63. Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» / Л. П. Гроссман // Пушкин: Исследования и материалы. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 49–100.

64. Гуковский Г. А. Карамзин / Г. А. Гуковский // История русской литературы: В 10-ти т. – Москва; Ленинград, 1941. – Т. V. – С. 84–88.

65. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники: О русских писателях XIX века / В. М. Гуминский. – Москва : Современник, 1987. – 284 с.

66. Гуминский В. М. Путешествие / В. М. Гуминский // Литературный энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – С. 314–315.

67. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.

68. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым / А. Н. Демидов. – Москва : В типографии Александра Семена, 1853. – 543 с.

69. Демин А. О. Трагедия Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» и «Всемирный путешественник» Ж. Лапорта / А. О. Демин // XVIII век. – Санкт-Петербург : «Наука», 2004. – Сб. 23. – С. 134–148.

70. Державин Г. Р. Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я. Грота / Г. Р. Державин ; примеч. Я. К. Грот. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1864. – Т. 6. – 905 с.

71. Дитмар А. Б. География в античное время: очерки развития физико-географических идей / А. Б. Дитмар. – Москва : Мысль, 1980. – 149 с.

72. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии : коллективная монография. – Москва : Наука, 1985. – 496 с.

73. Дыдыкина О. А. Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX в.: От Н. М. Карамзина до И. А. Гончарова : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Дыдыкина. – Москва, 1998. – 251 с.

74. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Ан. В. Ена. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2000. – 536 с.

75. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Первая монография о природе Тавриды. К 215-летию выхода в свет книги К. И. Габлица / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Ан. В. Ена // Пилинrimы Крыма – Осень'2000: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : Материалы V Крымской Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь : Крымский Архив, 2001. – Т. 2. – С. 202–210.

76. Ертов И. Д. Житие раба Божияго Ивана Давидова сына Ертова, самим им писанное. Переписано и дополнено с рукописи в 1837 году / И. Д. Ертов // Философский век. Альманах. Вып. 26. История идей в России:

материалы и исследования. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. – С. 43–107.

77. Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов / В. М. Есипов. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 506 с.

78. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, служащая дополнением к царствованию Екатерины II. Кн. 1–3. – Москва. – Кн. 1. – 1808. – 200 с.

79. Загидулина Т. А. Трансформация путевых жанров в России. Древнерусская литература, литература нового времени. Практика путешествий в культурном и историческом контексте. Центр – периферия / Т. А. Загидулина // Труды русской антропологической школы. – Москва : Изд-во РГГУ, 2013. – Т. 13. – С. 124–131.

80. Западные окраины Российской империи. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.

81. Зедгенидзе А. А. «Ученые путешествия» конца XVIII – начала XIX вв. и исследование Херсонеса Таврического / А. А. Зедгенидзе // Знание. Понимание. Умение. – Москва : МГУ, 2014. – № 1. – С. 205–213.

82. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. до н. э. / В. М. Зубарь. – Киев : Наукова думка, 1982. – 144 с.

83. Зувев В. Ф. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году / В. Ф. Зувев. – Санктпетербург, 1787. – 275 с.

84. Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (Тематика, поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. В. Иванова. – Москва, 2010. – 270 с.

85. Ивашина Е. С. Жанр литературного путешествия в России конца XVIII – первой XIX века : автореф. дис... канд. филол. наук / Е. С. Ивашина. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980. – 16 с.

86. Игнатъев А. А. В сухой пыли архива: Литературная история Боровичей / А. А. Игнатъев. – Великий Новгород : ООО «Типография “Виконт”», 2015. – 264 с.

87. Избаш Т. А. Становление и развитие античной нумизматики Северного Причерноморья в России в XVIII – первой части XX вв. : автореф. дис. ... канд. истор. наук : Институт истории материальной культуры РАН / Т. А. Избаш. – Санкт-Петербург, 2004.

88. Ильин И. А. О русской культуре / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : Русская книга. – Т. 6, кн. 2. – 1996. – 672 с.

89. Ильченко Н. М., Чистяков И. А. Древний Херсонес как тема русской истории и литературы (по произведениям А. Н. Муравьева и А. М. Горького) / Н. М. Ильченко, И. А. Чистяков // Вестник Вятского государственного университета. – Вятка, 2014. – № 7 – С. 79–83.

90. История Крыма. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 464 с.

91. «К пределам дальным...» : Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму / Под ред. В. П. Казарина. – Симферополь : Крымский Архив, 2012. – 336 с.

92. Казакевич Н. И. Западноевропейский фарфор в Эрмитаже. История собрания / Н. И. Казакевич. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2005. – 380 с.

93. Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей / К. Калайдович. – Москва : В Университетской типографии, 1823. – 75 с.

94. Каминская Л. Словарь С. Палласа «Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta» (1787, 1789 гг.) как источник фонетического исследования / Л. Каминская // Verbum, 2015. – № 4. – С. 70–78.

95. Каминская Л. Н. К истории создания первого русского универсального словаря 1787, 1789 гг. / Л. Н. Каминская // Ученые записки

Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. – Великий Новгород, 2016. – № 1 (5).

96. Канторович В. Я. Заметки писателя о современном очерке / В. Я. Канторович. – Москва : Сов. писатель. – 1973. – 543 с.

97. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI–XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского / Под ред. акад. М. П. Алексеева. – Ленинград, 1963. – 105 с.

98. Каушлиєв Г. С. Античні пам'ятки Тавриди у вітчизняній подорожній літературі (кінець XVIII – перша третина XIX ст.) / Г. С. Каушлиєв // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК.– Київ, 2011.– Вип. 20.– С. 206–214.

99. Каушлиев Г. С. Отечественные путешественники в изучении историко-культурного ландшафта Крыма на рубеже XVIII – XIX века / Г. С. Каушлиев // Питання історії науки і техніки.– Київ, 2011.– № 4 (20).– С. 29–39.

100. Каушлиев Г. С. Путешествие в Крым академика В. Ф. Зуева в контексте деятельности Академии наук по изучению новых территорий / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «История». Т. 21 (60). – 2008. – № 1. – С. 16–20.

101. Каушлиев Г. С. Сочинение И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» в популяризации памятников истории и культуры Крыма / Г. С. Каушлиев // Историко-культурное наследие Причерноморья : изучение и использование в образовании и туризме (Ялта, 28–30 апр. 2011 г.) : тез. докл. и сообщ. конф. / Крымский гуманит. ун-т. – Ялта, 2011.– С. 49–50.

102. Кахилл Т. Греческое наследство: Чем цивилизация Запада обязана эллинам? / Т. Кахилл. – Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2006. – 346 с.

103. Каченовский М. Т. Замечания на письмо Профессора Буле к Издателю «Вестника Европы» / М. Т. Каченовский // Вестник Европы. – М., 1809. – № 21. – С. 49–60.
104. Керн А. П. Воспоминания о Пушкине / А. П. Керн. – Пушкин в воспоминаниях современников / вступ. ст. В. Э. Вацура. – Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический проспект», 1998. – Т. 1 – С. 379–419.
105. Кефели В. И., Лебедева Э. Ц. Караимы – древний народ Крыма / В. И. Кефели, Э. Ц. Лебедева. – Симферополь : [б. и.], 2003. – 136 с.
106. Кирпичников А. И. Новые материалы для истории «Арзамаса» / А. И. Кирпичников // Русская старина, 1899. – № 5. – С. 337–351.
107. Киянская О. И. Декабристы / О. И. Киянская. – Москва : Молодая гвардия, 2015. – 318 с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1528).
108. Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII – XIX вв. : сб. ст. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. – 456 с.
109. Князь И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... // Литературные памятники. Т. 2. Научное издание. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 727 с.
110. Козлов В. П. Колумбы российских древностей / В. П. Козлов – Москва : Наука, 1981. – 168 с.
111. Колесникова Н. Н. «Потомки отдадут мне справедливость...»: И. М. Муравьев-Апостол / Н. Н. Колесникова // Пушкин и Крым: IX Крымские Пушкинские международные чтения: Материалы: В 2-х кн. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – Кн. 1. – С. 110–116.
112. Костин А. А. О проекте А. А. Нартова по переводу классических авторов в российской Академии / А. А. Костин // Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 107–131.

113. Кошанский Н. На кончину Михаила Никитича Муравьева / Н. Кошанский // Вестник Европы, 1807. – № 9. – С. 189–196.
114. Кошелев В. А. Константин Батюшков: Странствия и страсти / В. А. Кошелев. – Москва : Современник, 1987. – 351 с. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/kos/hel/evv/index.htm>. – 05.09.2017. – Загл. с экрана.
115. Кошелев В. А. И. М. Муравьев-Апостол о философии, истории, литературе / В. А. Кошелев // Литература и история: исторический процесс в творческом сознании русского писателя XVII–XX вв. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – С. 293–297.
116. Кошелев В. А. Мнение члена Главного училищ правления Муравьева-Апостола о философии / В. А. Кошелев // Литература и история: исторический процесс в творческом сознании русского писателя XVII–XX вв. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – С. 287–293.
117. Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И.М. Муравьева-Апостола / В. А. Кошелев // Письма из Москвы в Нижний Новгород. – Санкт-Петербург : «Наука», 2002. – С. 191–231.
118. Кошелев В. А. «Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола / В. А. Кошелев // Памятные книжные даты 1988. – Москва : Книга, 1988. – С. 77–80.
119. Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки / В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород : ООО «Растр», 2015. – 303 с.
120. Кошелев В. А. Феномен Англии в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» / В. А. Кошелев // Русская культура и мир. – Нижний Новгород : Волго-Вятское книжное издательство, 1993. – С. 167–168.
121. Коцюбинский С. Д. Пушкин в Крыму / С. Д. Коцюбинский. – Симферополь : Госуд. изд-во Крым. АССР, 1937. – 120 с.

122. Крым и его лечебные свойства : В память столетия присоединения к России 1783–1883 / сост. Д-р Корсаков. – Санкт-Петербург : Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1883. – 170 с.

123. Крымский миф в русской литературе первой половины XIX века: Свод малоизвестных свидетельств современников / изд. подгот. К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет; научный редактор В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь : ООО «Растр», 2017. – 768 с.

124. Кубасов И. А. Драматические опыты И. М. Муравьева-Апостола / И. А. Кубасов. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Ак. наук, 1904. – 21 с.

125. Кубасов И. А. И. М. Муравьев-Апостол, автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» / И. А. Кубасов // Русская старина, 1902. – Кн. 10, 11. – 87–104.

126. Кубасов И. А. Рабочие материалы к биографии И. М. Муравьева-Апостола // РГАЛИ. – Ф. 269. – Оп. 1. – Ед. хр. 11.

127. Кузьменко А. Ю. И. М. Муравьев-Апостол. Нарис життя и творчості / А. Ю. Кузьменко. – Киев : Видавництво Київського університету, 1964. – 114 с.

128. Кунц Е. В. Михаил Никитич Муравьев / Е. В. Кунц // Вопросы истории, 2012. – № 2. – С. 55-73.

129. Курьянов С. О. Крымский текст в русской литературе: генезис, структура, функционирование : дисс. . д-ра филол. наук : 10.01.02 / С. О. Курьянов ; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2014. – 468 с.

130. Курьянов С. О. Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) / С. О. Курьянов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : научный журнал : Том 27 (66). – № 2 : Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2014. – С. 178–184.

131. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого / В. В. Курьянова. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.

132. Ланцов С. Б. О скифо-херсонесских отношениях в последней трети IV- первой трети III в до н. э. / С. Б. Ланцов // Херсонесский колокол: Сб. научных статей, посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко / под ред. Э. Б. Петровой – Симферополь : СОНАТ, 2008. – С. 101–109.

133. Лапаева Г. А. Долина Девы и Раевские : литературно-исторический очерк / Г. А. Лапаева. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. – 440 с.

134. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. и авт. предисл. Я. Л. Левкович. – Ленинград, 1991. – 785 с.

135. Летопись К. Корнелия Тацита, переведенная с латинского Императорской Российской Академии членом Степаном Румовским, и оною Академией издана: В 4 т. Т. 1–3. – Санктпетербург : В Тип. И. Глазунова, 1806–1808.

136. Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук Т. И. Печерской. – Новосибирск : СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. – 592 с.

137. Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ред. А. М. Еголин, Н. Ф. Бельчиков, И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – 1059 с.

138. Лихачев Д. С. Путешествия на Запад / Д.С. Лихачев // История русской литературы. – Москва; Ленинград, 1948. – Т. 2. – С. 420–427.

139. Лозинская Л. Я. Во главе двух академий / Л. Я. Лозинская. – Москва : Наука, 1983. – 144 с.

140. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 620 с.

141. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1989. – 204 с.
142. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1993. – 959 с.
143. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М : «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
144. Лотман Ю. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) / Ю. Лотман // Уч. зап. Тартус. ун-та, 1957. – Вып. 51. – С. 122–162.
145. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 314 с.
146. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста : автореф. дис... канд. культ. / А. П. Люсый. – Москва, 2003. – 19 с.
147. Люсый А. П. Первый поэт Тавриды: Семен Бобров / А. П. Люсый. – Симферополь : Облполиграфиздат, 1991. – 22 с.
148. Люсый А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия / А. П. Люсый. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 248 с.
149. Маленко А. Ю. «Пишу, читаю,... думаю о Крыме»: Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина и его современников / А. Ю. Маленко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 278 с.
150. Маленко А. Ю. Собрание пестрых глав: Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина / А. Ю. Маленко. – Симферополь : Антиква, 2007. – 239 с.
151. Мальгин А. В. Крым глазами путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. / А. В. Мальгин // Крым сквозь тысячелетия / Ред.-сост. Э. Б. Петрова. – Симферополь : Лира, 2004. – С. 321–343.
152. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XIX вв. / А. В. Мальгин. – Симферополь : Сонат, 2004. – 352 с.

153. Мальчукова Т. Г. Античные традиции в русской поэзии. Учеб. пос. по спецкурсу / Т. Г. Мальчукова. – Петрозаводск : ПетрГУ им. О. В. Куусинена, 1990. – 102 с.

154. Мамуркина О. В. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова: специфика пейзажных описаний / О. В. Мамуркина // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. – С. 224–232. |

155. Маркевич А. И. Указатель сочинений, касающихся древнего Херсониса / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Т. 5. – 1888. – С. 115–129.

156. Мароши В. В. «Жанр граффити-автографа в травелогах русских писателей» / В. В. Мароши // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. – Новосибирск : СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. – С. 78–115.

157. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма (Становление и развитие жанра «путешествие» в публицистике) / Н. М. Маслова. – Москва : МГУ, 1977. – 177 с.

158. Медведев А. П. Исследования по археологии и этнографии лесостепной Скифии / А. П. Медведев. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – 144 с.

159. Мереминский С. Г. Понятие «историописание», его содержание и границы / С. Г. Мереминский // Терминология исторической науки. Историописание. – Москва : ИВИ РАН, 2010. – С. 14–27.

160. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь : Тверской государственный университет, 2013. – 176 с.

161. Минчик С. С. Грибоедов и Крым / С. С. Минчик. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 275 с.

162. Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков : дис. ... канд. филол. наук / В. А. Михайлов. – Волгоград, 1999. – 199 с.

163. Михеева Н. В. Александр Иванович Красовский / Н. В. Михеева // Книга: Исследования и материалы. Сб. 75. – Москва, 1998. – С. 240–245.

164. Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе / В. А. Михельсон. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1974. – 108 с.

165. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон ; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев : Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.

166. Муравьев А. Н. Из книги «Знакомство с русскими поэтами» / А. Н. Муравьев. – Пушкин в воспоминаниях современников / вступ. ст. В. Э. Вацура. – Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический проспект», 1998. – Т. 2 – С. 48–53.

167. Муравьев-Апостол И. М. Бахчисарай: Выдержки из «Путешествия по Тавриде» / И. М. Муравьев-Апостол // Отечественные записки. – 1824. – № 51. – С. 84–100.

168. Муравьев-Апостол И. М. Как я сделался «Апостолом» / И. М. Муравьев-Апостол // Русский архив, 1887. – № 1. – С. 39–47.

169. Муравьев-Апостол И. М. Краткое рассуждение о Горации / И. М. Муравьев-Апостол // Чтение в Беседе любителей русского слова. – СПб., 1811. – Т. 2, ч. 2. – С. 17–25.

170. Муравьев-Апостол И. М. Несколько писем из Путешествия по Тавриде, в 1820 году Текст. / И. М. Муравьев-Апостол // Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1823 по 1825 год. – Санктпетербург : В Тип. имп. Российской Академии, 1826. – С. 101–118.

171. Муравьев-Апостол И. М. Облака, комедия Аристофана, на Афинском театре в первый раз представленная во время большого Дионисиева празднества, в I-м году LXXXIX Олимпиады (в 425 г. до Р. Х. по счислению Ньютона) при Архоне Исархе / И. М. Муравьев-Апостол. – Санктпетербург : В типографии Н. Греча, 1821. – 312 с.

172. Муравьев-Апостол И. М. Ольвия. Отрывок из Путешествия в Тавриду в 1820 году : С приобщением перевода отрывка из вористенской речи Диона Хрисостома / И. М. Муравьев-Апостол. – Санктпетербург : Печатано при Императорской Академии наук, 1821. – 48 с.

173. Муравьев-Апостол И. М. Описание ханского дворца в Бахчисарае / И. М. Муравьев-Апостол // Исторический, статистический и географический журнал. – 1824. – Ч. 3, кн. 2. – С. 140–152.

174. Муравьев-Апостол И. М. Отрывки из Путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол // Вестник Европы. – 1824. – №3. – С. 174–205.

175. Муравьев-Апостол И. М. Отрывок из путешествия по Тавриде в 1821 годе / И. М. Муравьев-Апостол // Исторический, статистический и географический журнал. – 1824. – Ч. 2, кн. 3. – С. 178–188.

176. Муравьев-Апостол И. М. Перевод Горациевой оды (К Гросфу на спокойствие) / И. М. Муравьев-Апостол // Вестник Европы. – М., 1809. – № 20. – С. 272–274.

177. Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / И. М. Муравьев-Апостол. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – С. 5–120.

178. Муравьев-Апостол И. М. Продолжение писем в Нижний Новгород / И. М. Муравьев-Апостол // Письма из Москвы в Нижний Новгород. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – С. 109–120.

179. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 годЪ / И. М. Муравьев-Апостол. – Санктпетербург : Печ. в тип., состоящей при особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел, 1823. – 337 с.

180. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол // Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол. – Великий Новгород – Симферополь – Нижний Новгород : ООО «Растр», 2016. – С. 250–410.

181. Муравьев-Апостол И. М. Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать Сатиру 3-ю первой книги / И. М. Муравьев-Апостол // Чтение в Беседе любителей русского слова. – СПб., 1812. – Т. 6. – С. 71–88.

182. Муравьев-Апостол И. М. Элегия Сенатора Муравьева-Апостола, сочиненная им на Эллинском языке, по случаю заговора, открывшего 14 декабря 1825 года / И. М. Муравьев-Апостол // Русский архив, 1886. – № 2. – С. 228.

183. Н. Ш. Известия о редких и малоизвестных книгах и брошюрах, касающихся Новороссийского края и Бессарабии / Н. Ш. // Юг. – 1882. – Февраль. – С. 149–169.

184. Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная чрез сличение с местностями / Н. Надеждин // ЗООИД. – Одесса : Городская типография, 1844. – Т. 1. – С. 3–114.

185. Недзельский Б. Л. Пушкин в Крыму / Б. Л. Недзельский. – Симферополь : Крымское государственное издательство, 1929. – 90 с.

186. Назарчук В. И. К истории создания первого плана Ольвии / В. И. Назарчук // Древности Северного Причерноморья в античное время. – Симферополь, 2007. – С. 105–116.

187. Назарчук В. И. Ольвийский сборник П. И. Кеппена / В. И. Назарчук // Летопись Причерноморья: Археология, история, литература, нумизматика. – Херсон, 1999. – № 3. – С. 19–30.

188. Непомнящий А. А. В. В. Латышев: опыт каталогизации крымских эпиграфических памятников / А. А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. – Київ : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2013. – Вип. 23. – С. 51–61.

189. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) // А. А. Непомнящий. – Киев, 1999. – 212 с.
190. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : «СГТ», 2006. – Т. 1. – 324 с.
191. Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное, по приказу графа Миниха, Капитаном Манштейном // Отечественные записки. – 1824. – № 51. – С. 75–84.
192. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Советская энциклопедия, 1970. – 900 с.
193. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа / В. В. Орехов. – Симферополь – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
194. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века / Орехов В. В. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. – 200 с.
195. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в./ В. В. Орехов. – Симферополь : «Антиква», 2006. – 607 с.
196. Орехова Л. А. «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича / Л. А. Орехова // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сборник научных статей. – Арзамас – Нижний Новгород : ООО «Растр», 2015. – С. 114–124.
197. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Выпуск 1. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Псков : Псковский государственный университет, 2015. – С. 258–265.
198. Орехова Л. А. Загадка крымского путешествия Н. И. Надеждина: мотивация и интерпретация / Л. А. Орехова // В зеркале путешествий:

Материалы международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о тверском крае» / Ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь – Ржев, 14–17 сентября 2012 года. – Тверь : СФК-офіс, 2012. – С. 49–57.

199. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза : автореф. дисс. ... доктора филол. наук / Л. А. Орехова. – Москва, 1993. – 32 с.

200. Орехова Л. А. «Пушкин в Крыму» Б. Л. Недзельского: к истории книги / Л. А. Орехова // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. ИРЛИ (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург : ООО «Изд-во «Пальмира»; «ООО «Книга по Требованию», 2017. – С. 170–177.

201. Орехова Л. А., Первых Д. К. Ревелиоти: архивный комментарий к крымским заметкам А. С. Грибоедова и письму П. П. Свиньина в журнал «Отечественные записки» / Л. А. Орехова, Д. К. Первых // Хмелитский сборник : «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: материалы международной конференции 7–9 октября 2015 г. – Вязьма–Хмелита : ФГБУК «Государственный историко-культурный и природный заповедник А. С. Грибоедова “Хмелита”», 2016. – Вып. 17. – С. 116–131.

202. Остафьевский архив князей Вяземских. Издание графа С. Д. Шереметева / Ред. и прим. В. И. Сайтова. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. – 371 с.

203. Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. – Санктпетербург : В Типографии В. Плавильщикова, 1822.

204. Охременко А. А. Бахчисарайская река Чурук-Су: «пучина вод» и что мы о ней знаем / А. А. Охременко // Водные пути: пути жизни, пути культуры. Материалы международной научной конференции (15–19 сентября 2015 г.). – Тверь, 2015. – С. 191–199.

205. Охременко А. А. Крымский текст И. М. Муравьева-Апостола в путевых заметках А. С. Грибоедова / А. А. Охременко // Хмелитский сборник : «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: материалы международной конференции 7–9 октября 2015 г. – Вязьма–Хмелита : ФГБУК «Государственный историко-культурный и природный заповедник А. С. Грибоедова “Хмелита”», 2016. – Вып. 17. – С. 200–207.

206. Охременко А. А. Образ Тавриды в «Арзамасе» (К. Н. Батюшков) и в «Беседе любителей русского слова» (И. М. Муравьев-Апостол) / А. А. Охременко // Литературное общество «Арзамас»: история и современность : сборник научных статей. – Арзамас – Нижний Новгород : ООО Растр, 2015. – С. 126–135.

207. Охременко А. А. Реминисценции из «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола в крымских путевых заметках А. С. Грибоедова / А. А. Охременко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. – № 3. – С. 237–241.

208. Паламарчук П. Два московских сказания. Историко-литературные очерки / П. Паламарчук. – Москва : Молодая гвардия, 1987. – 68 с.

209. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке Петром Палласом, и переведенное Иваном Рижским / П. С. Паллас. – Санкт-Петербург : Печ. в Имп. тип., 1795. – 76 с.

210. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 / Пер. с нем. – Москва : Наука, 1999. – 246 с.

211. Панцерев К. А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. А. Панцерев. – Санкт-Петербург, 2004. – 21 с.

212. Папанова В. А. Урочище Сто могил: некрополь Ольвии Понтийской / В. А. Папанова. – Киев : «Знання України», 2006. – 278 с.

213. Парсамов В. С. Карамзин и формирование исторической культуры в России: к проблеме «историк и аудитория» / В. С. Парсамов // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 219–234.

214. Петрова Э., Прохорова Т. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (к 200-летию Н. В. Гоголя) / Э. Петрова, Т. Прохорова. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 328 с.

215. Петрунина Н. Н. Проза 1800–1810-х гг. / Н. Н. Петрунина // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализм. – 1981. – С. 51–79.

216. Погодин М. П. Нечто о науке (Отрывок из письма к графине N.) / М. П. Погодин // Северные цветы на 1832 год. Изд. Л. Г. Фризмана. – Москва : Наука, 1980. – С. 131–132.

217. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Том XXXVIII. 1822–1823 гг. – Санктпетербург : Печатано в Типографии II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1354 с.

218. Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1855–1869: В 9 т. / Ред. М. В. Нечкина. – Москва : Наука, 1966–1968. – 2680 с.

219. Пономарев Е. Р. Путеводитель по Парижу: советская рецепция парижского травелога 1920-х годов / Е. Р. Пономарев // История русского читателя. Вып. 5 : Сб. статей. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2010. – С. 101–110.

220. Попов М. А., Ганчар А. И. Митрополит С. Богущ-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX века) / М. А. Попов, А. И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2012. – 278 с.

221. Попов Р. П. Это музыка природы, это музыка души : Исторический очерк / Р. П. Попов. – Симферополь : Доля, 2011. – 259 с.
222. Прокопьева Л. Б. М. Н. Муравьев и античность (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя) : автореф. дисс.... канд. филол. наук / Л. Б. Прокопьева. – Томск, 2010. – 26 с.
223. Проценко Е. Г. Литература «Путешествий» в России в 1840–1850-е годы : дис... канд. филол. н. / Е. Г. Проценко. – Ленинград, 1984. – 221 с.
224. Пумпянский Л. В. Сентиментализм / Л. В. Пумпянский // История русской литературы: В 10-ти т. – Москва; Ленинград, 1947. – Т. IV. – С. 430–445.
225. Пушкин в воспоминаниях современников / вступ. ст. В. Э. Вацуру. – Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический проспект», 1998. –
Т. 1 – 528 с.
Т. 2 – 656 с.
226. Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан / А. С. Пушкин. – Москва : В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии, 1824. – 48 с.
227. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : В 10-ти т. / А. С. Пушкин; АН СССР Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. – Ленинград : Наука. Ленингр. Отделение, 1977–1979.
228. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : В 16-ти т. / А. С. Пушкин. – Москва, Ленинград : АН СССР, 1937–1949.
229. Пушкин в прижизненной критике. Том 1. 1820–1827. – Санкт-Петербург : 1996. – 527 с.
230. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. – 520 с.

231. Реєнт О., Казьмирчук Г., Латиш Ю. Хомутець – місце пам'яті декабристів / О. Реєнт, Г. Казьмирчук, Ю. Латиш // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. – Київ : КНУ ім. Тараса Шевченка, 2013. – Т. 7. – С. 309–333.

232. Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX : сб. статей / ред. Т. Г. Мальчукова. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. – 230 с.

233. Роботи Т. Литература «путешествий» / Т. Роботи // Русская проза: сб. ст. / под ред. Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. – Ленинград, 1926. – С. 43–73.

234. Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Т. 1: Античный полис / А. И. Романчук – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та : Компания Мир, 2008. – 807 с.

235. Русский биографический словарь А. А. Половцова: в 25 т. Т. 3. Бетанкур–Бякстер. – Санкт-Петербург : Типография Главного Управления Уделов, 1908. – 699 с.

236. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: Коллективная монография / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. – 462 с.

237. Савельева Л. И. Античность в русской романтической поэзии (поэты пушкинского круга) / Л. И. Савельева. – Казань : Издательство Казанского университета, 1986. – 78 с.

238. Савельева И. Г. Поэтика путевой прозы Лоренса Даррелла: автореф. дис.... канд. филол. наук / И. Г. Савельева. – Москва, 2012. – 19 с.

239. Свињин П. Бакчисарайский дворец / П. Свињин // Крымский миф в русской литературе первой половины XIX века: вод малоизветных свидетельств современников. – Великий Новгород – Симферополь – Нижний Новгород : ООО «Растр», 2017. – С. 149–163.

240. Севастьянова А. А. Городовые хроники середины и второй половины XVIII века – рубеж от старого к новому историописанию /

А. А. Севастьянова // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. В честь члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова : Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. – М. : РГГУ, 2012. – С. 468–470.

241. Северные цветы на 1832 год / Издание подготовил Л. Г. Фризман; Ответственный редактор А. Л. Гришунин. – Москва : Наука, 1980. – 400 с.

242. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры / И. М. Семенко. – Москва : Худож. лит., 1970. – 295 с.

243. Семенов В. Шекспир и русская литература: эксплицитный читатель / В. Семенов. – Москва : «Русь», 2014. – 296 с.

244. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол / Изд. подгот. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; научный редактор В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Нижний Новгород : ООО «Растр», 2016. – 507 с.

245. Сергеев В. С. История Древней Греции / В. С. Сергеев ; под ред. акад. В. В. Струве и проф. Д. П. Каллистова ; Академия наук СССР. Ленинградское отделение Института истории – Москва : Издательство Восточной Литературы, 1963. – 524 с.

246. Словарь Академии Российской. Ч. II. От Г до З. – Санктпетербург : При Императорской Академии наук, 1790. – 1200 ст.

247. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р. – С. 564.

248. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. Т. 1. А–Ж. – Санктпетербург : В Типографии Императорской Академии Наук, 1847. – 416 с.

249. Сорочан А. Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы / А. Ю. Сорочан. – Тверь : Издательство М. Батасовой, 2010. – 171 с.

250. Сорочан А. Ю. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки / А. Ю. Сорочан // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 112. – С. 379–402.

251. Сосногорова (Славич) М. Путеводитель по Крыму для путешественников. С картой и приложением статьи: Берег Крыма от Феодосии до Евпатории как климатолечебная местность / М. Сосногорова (Славич). – Одесса, 1874. – 416 с.

252. Стемповский И. Радаис и Индар, скифский рассказ (отрывок из древней греческой рукописи) / И. Стемповский // Одесский альманах на 1831 год. – С. 194–219.

253. Строганов М. В. «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» / М. В. Строганов // Крымский текст в русской культуре: Материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 72–89.

254. Стурдза А. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания / А. Стурдза // Москвитянин. – 1851. – № 21. – Кн. 1. – С. 4–5.

255. Сухомлинов М. И. История Российской Академии: Вып. 1–8 / М. И. Сухомлинов. – Санктпетербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1874–1887. – Вып. 7, 1885. – 648 с.

256. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – 1-й половины XIX вв. / А. Г. Тартаковский. – Москва : Наука, 1991. – 228 с.

257. Тархова Н. Интригующий подтекст «скучной» книги: «Путевые записки» Г. В. Геракова как источник для биографии Пушкина / Н. Тархова // Библиофилы России. Т. VIII. – Москва : Любимая Россия, 2011. – С. 393–409.

258. Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / сост., вступ. ст., подгот. текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. – Тверь : ТО «Книжный клуб», 2012. – 416 с.

259. Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII–XIX веков / сост., вступ. ст., подгот. текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. – Тверь : ТО «Книжный клуб», 2013. – 436 с.

260. Тверь в записках путешественников. Выпуск 3: Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX – начало XX века / сост., вступ. ст., подгот. текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. – Тверь : ТО «Книжный клуб», 2014. – 464 с.

261. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 320 с.

262. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л. Н. Толстой ; под общей редакцией В. Г. Черткова. – Москва : Художественная литература.

263. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Том II. Русская литература второй половины XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Книга I / Топоров В. Н. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 911 с.

264. Травников С. Н. Путевые записки петровского времени. Поэтика жанра : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / С. Н. Травников. – Москва : Моск. пед. ун-т., 1991. – 32 с.

265. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века / В. Ю. Троицкий. – Москва : Наука, 1985. – 279 с.

266. Трошина М. С. Жизнь и творчество И. М. Муравьева-Апостола : дисс. ... канд. филол. н. / М. С. Трошина. – Ульяновск, 2007. – 211 с.

267. Тункина И. В. Академик Е. Е. Келер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю / И. В. Тункина // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей. – Санкт-Петербург, 2014. – Вып. 14. – С. 407–418.

268. Тункина И. В. К истории изучения Ольвии в конце XVII I– начале XIX вв. / И. В. Тункина // Древнее Причерноморье: I-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тезисы докладов конференции (9–11 марта 1989 г.). – Одесса, 1989. – С. 52–54.

269. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX века) / И. В. Тункина. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 676 с.

270. Тургенев И. С. Из письма Борису И. П., 28/9 ноября 1867 г. / И. С. Тургенев // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. / Вступ. ст. и примечания С. П. Бычкова. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1952. – С. 592.

271. Фадеева Т. М. Две Софии и Пушкин. Истоки вдохновения Бахчисарайского фонтана /Т. М. Фадеева. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 216 с.

272. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; под ред. и с пред. проф. Б. А. Ларина. – Москва : Прогресс. – Т. 1. А–Д. – 1986. – 576 с.

273. Федорова М. С. Путешествия русских женщин в XVIII веке / М. С. Федорова // Вестник славянских культур : научно-информационный журнал / гл. ред. М. Н. Громов. – 2010. – № 2 (XVI). – С. 25–32.

274. Фомичев С. А. Александр Грибоедов: Биография / С. А. Фомичев. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. – 512 с.: 157 ил. – («Жизнеописания»).

275. Фомичев С. А. «Евгений Онегин». Движение замысла / С. А. Фомичев. – Москва : Русский путь, 2005. – 176 с.

276. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога / А. А. Формозов. – Москва : Наука, 1979. – 138 с.

277. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова / Н. В. Фридман. – Москва : Наука, 1970. – 384 с.

278. Фролов Э. Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм / Э. Д. Фролов // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной

конференции. Том II. Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 257–285.

279. Фролов Э. Д. Русская наука об античности / Э. Д. Фролов. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 544 с.

280. Хвостов Д. И. Полное собрание стихотворений графа Хвостова. Т. 3. Послания к разным лицам / Д. И. Хвостов. – Санктпетербург : Печатано в Типографии Императорской Российской Академии, 1829. – 180 с.

281. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. – Симферополь : Доля, 2007. – 272 с.

282. Храпунов Н. И. Хабеи / Н. И. Храпунов // Херсонес Таврический и все, что с ним связано. – Режим доступа: https://www.chersonesos.org/?p=out_ant_habei. – 30. 07. 2017. – Загл. с экрана.

283. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / Л. А. Черейский. – Ленинград : Наука, 1988. – 544 с.

284. Чернец Л. В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики / Л. В. Чернец. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1982. – 194 с.

285. Чернышевский Н. Г. Письма об Испании В. П. Боткина/ Н. Г. Чернышевский // Боткин В. П. Письма об Испании. – Ленинград : «Наука», 1976. – С. 7–32.

286. Шадрина М. Г. Эволюция языка «путешествий» : автореф. дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / М. Г. Шадрина. – Москва : Московский государственный областной университет, 2003. – 65 с.

287. Шаликов П. И. Путешествие в Малороссию / П. И. Шаликов // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. – Москва : Современник, 1990. С. 516–570.

288. Шаманаев А. В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья / А. В. Шаманаев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 (Гуманитарные науки). – 2014. – № 3 (130). – С. 79–89.

289. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории / В. А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. – № 3. – С. 277–281.

290. Шеремет А. С. «Чатыр-Даг... особится от всех»: Палат-гоа глазами А. С. Грибоедова и его современников / А. С. Шеремет // Хмелитский сборник : «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: материалы международной конференции 7–9 октября 2015 г. – Вязьма–Хмелита : ФГБУК «Государственный историко-культурный и природный заповедник А. С. Грибоедова “Хмелита”», 2016. – Вып. 17. – С. 271–280.

291. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840 / А. Шенле. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. – 272 с.

292. Шишкина О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России, в 1845 г / О. П. Шишкина. – Санктпетербург : В Тип. Второго Отделения, 1848. –

Ч. 1. – 288 с.

Ч. 2. – 303 с.

293. Шульгун М. Э. Современная литература путешествий: актуальные проблемы исследования / М. Э. Шульгун // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. : Літературознавство. – 2013. – Вип. 3(1). – С. 168–175.

294. Щербина Л. А. Пушкин в Одессе / Л. А. Щербина. – Одесса : АстроПринт, 1999. – 432 с.

295. Эйдельман Н., Вацуρο В. «Полярная звезда» декабристов – «Полярная звезда» Герцена. Диалог В. Э. Вацуро и Н. Я. Эйдельмана / Н. Я. Эйдельман, В. Э. Вацуро // НЛО. – 2000. – № 42. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/dialog.html>. – Загл. с экрана. – 01.09.2017.

296. Эйдельман Н. Я. К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола / Н. Я. Эйдельман // Исторические записки. – Москва, 1975. – Т. 96. – С. 252–271.

297. Эйдельман Н. Я. Твой девятнадцатый век / Н. Я. Эйдельман. – Москва : АСТ: Астрель, 2010. – 413 с.

298. Энциклопедический словарь, начатый проф. И. Е. Андреевским, продолжается под редакцией К. К. Арсеньева: В 86 т. – Санктпетербург : Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон. – Т. ХLI, 1906. – 958 с.